

5

2023

ISSN 0132-1625

СОЦИОЛОГИЯ

Какие теории релевантны
русской социологии?

Роль молодежи
в протестных
выступлениях

Социология в поиске идентичности

Меняется ли отношение
студентов к свадебным
обрядам?

Сенситивные темы:
обсуждаем методики

Журнал основан
в июне 1974 года

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

- 3 ГОФМАН А.Б. О господстве идеи господства: «воля к власти»
в современной социальной теории. Часть II
- 15 ТИТАРЕНКО Л.Г. Российская социология в поисках ответов
на теоретические вызовы

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- 26 МЯГКОВ А.Ю. Как получить правдивые ответы в сенситивном исследовании
(О методическом потенциале номинативной техники)
- 37 ЯШИНА М.Н., ЖАРИКОВА А.В. Коммуникация в интервью с подростками
на сенситивную тематику
- 47 ПАСОВЕЦ Ю.М. Дихотомия и двухчленная политомия в современной социологии

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

- 59 ФАРУКШИН М.Х. Функциональные особенности языков в этнофедерациях:
сравнительный анализ
- 70 БАРСУКОВА С.В. Отношение московских студентов из Центральной Азии
к традиционной свадьбе

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

- 82 УСТЮЖАНИН В.В., ЗИНЬКИНА Ю.В., КОРОТАЕВ А.В. Опасная молодежь:
почему в массовых политических выступлениях (не) применяют оружие?
- 97 РЕУТОВ Е.В., РЕУТОВА М.Н., ШАВЫРИНА И.В. Жизненные цели молодежи
и способы их достижения (по результатам опроса в юго-западном и южных
регионах России)
- 108 СИМОНЯН Р.Х. Специфика идентичности студентов приграничья России
и Украины (на примере Белгородского и Харьковского госуниверситетов)

ИНТЕРВЬЮ

- 117 ДЕМИДЕНКО С.Ю. Социология в поиске идентичности
(интервью с Н.В. Романовским)
-

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- 133 БУЗГАЛИН А.В. После «конца истории»: консервативный неолиберализм и рефеодализация?

ПЕРВЫЕ ШАГИ

- 145 ЧИРКОВА А.В. Типологический анализ молодежи по здоровьесберегающему поведению: особенности реализации четырехкомпонентной модели

ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЗАМЕТКИ

- 154 АКИМОВ А.М. О некоторых социальных характеристиках хронического стресса вахтовиков в условиях Арктики
- 160 ФРОЛОВА Е.В., РОГАЧ О.В. Социальное самочувствие россиян весной 2022 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

- 167 ОБРАЗЦОВ И.В. Война в предметном поле современной зарубежной социологии

173 КОРОТКО О КНИГАХ

175 CONTENTS

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или на обложке журнала в № 1 и № 6. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc и обязательно три печатных экземпляра на адрес редакции. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© Российская академия наук, 2023

© Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2023

© Редколлегия журнала «Социологические исследования» (составитель), 2023

© 2023 г.

А.Б. ГОФМАН

О ГОСПОДСТВЕ ИДЕИ ГОСПОДСТВА: «ВОЛЯ К ВЛАСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ. Часть II

ГОФМАН Александр Бенционович – доктор социологических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (agofman@hse.ru).

Аннотация. Рассматриваются идеи «властного детерминизма» и «властного редукционизма» применительно к сфере социально-научного познания. В отличие от классической эпохи развития социальной науки, основанной на идее непредвзятого поиска истины, сегодня необычайную популярность обрело представление о научном знании как политически ангажированном и подчиненном социальным движениям, выступающим под «прогрессивными» лозунгами: справедливости, равенства, освобождения и т.п. Идеология конформизма по отношению к данным движениям занимает сегодня господствующее положение в университетской системе Запада. Особую роль в процессе сведения научного познания к фактору власти сыграли идеи таких левых анархистов и пионеров «кафедрального нигилизма», как М. Фуко и П. Фейерабенд. В их творчестве можно обнаружить источники популярных социальных движений, для которых истина – продукт тех или иных форм господства: классового, расового, гендерного, колониального и т.д.; автономия научного познания при этом отрицается. Отчасти популярность «властного детерминизма» объясняется усилением фактора политической власти и расширением возможностей его использования и камуфлирования, в частности, благодаря современным информационным технологиям. В целом экспансия «властного детерминизма» и «властного редукционизма» в сфере социологического знания ведет к снижению его уровня и авторитета.

Ключевые слова: власть • господство • социальная теория • наука, «власть-знание» • причины • следствия • П. Фейерабенд • М. Фуко

DOI: 10.31857/S013216250025793-5

Знание = власть, власть = знание. Тенденция господства идеи господства не могла не затронуть трактовки научно-познавательных процессов. Речь идет либо о господстве самого субъекта познания, представленного главным образом институционализированной, академической, университетской наукой, либо о господстве над познанием той или иной социально-политической силы, у которой оно оказывается в подчинении. Возможности самого познавательного процесса при этом минимизируются или сводятся к нулю, поскольку он рассматривается как орудие того же господства, сопротивления ему или борьбы за него. Тезис Ф. Бэкона «Знание – сила» заменяется другим, а именно «Знание – силой», иначе говоря, «Сила есть знание».

Подобное представление имеет достаточно давние исторические истоки – в истории социальной мысли античности, позднее – у представителей анархизма, марксизма, левых интеллектуалов. С другой стороны, представители таких дисциплин, как социология познания и социология науки, независимо от их политико-идеологических симпатий и антипатий, как раз заняты тем, что изучают социальные, в том числе властно-политические, факторы и последствия познавательных процессов. Среди классиков М. Вебер писал о «господстве через знание», характерном, в частности, для бюрократического управления [Вебер, 2016: 263].

Но особенность трактовок, о которых речь в настоящей статье, состоит в том, что отрицается автономия научного познания, как и его самоценность: оно сводится к социально-политическому господству, осуществляемому самим этим познанием, над ним и через него. У истоков этой вульгарно-социологистской эпистемологической позиции также находился Фуко. Он отрицал существование не только абсолютной истины, но истины как таковой, несмотря на частое использование самого этого слова. В его интерпретации истина (по его выражению, «игры истины») – это результат чего угодно: власти, «игр власти», ее «диспозитивов» (впрочем, и сама истина у него выступает в качестве такого «диспозитива»), сопротивления власти и т.п., но только не собственно познания как такового, или если все-таки познания, то в последнюю очередь. Статус познания, особенно научного, в его истолковании либо нулевой, либо очень низкий: отсюда его популярный понятийный гибрид «власть-знание».

Высказывания Фуко относительно влияния разных форм власти, политической и всякой иной, на познание, в частности научное, многочисленны и, как правило, радикальны. Из чтения ряда его текстов следует, что не познание, а власть формирует представление о том, что есть научная истина; более того, она создает истину как таковую. Тем не менее иногда его суждения становятся неожиданно умеренными и вместе с тем сами собой разумеющимися, сверхбанальными. В подобных случаях читателю нечего ему и возразить. Например, в одном интервью Фуко говорил, полемически отстаивая обоснованность своих ранних и гораздо более радикальных высказываний: «Невозможно осмыслить успехи научного знания, не думая о механизмах власти» [Фуко, 2002: 322]. Очевидно, с этим суждением невозможно не согласиться: с ним, собственно, никто никогда и не спорил. Проблема в том, что если оставить за Фуко правоту подобных формулировок, очистив их от радикальных, расплывчатых, более чем сомнительных утверждений, тогда от его теорий мало что останется, и может оказаться, что дискутировать вообще не о чем.

По Фуко, научное знание – господствующее знание. Оно есть результат борьбы между «ненаучными» формами знания, с одной стороны, и «настоящими», научными формами с их господствующими теориями – с другой, борьбы, в которой последние одержали победу. Но Фуко не считает эту победу заслуженной. Она – результат борьбы за существование в сфере познания, но в этой борьбе торжествуют не естественный отбор, справедливость и истинность, а сила. В истолковании Фуко наука сегодня – «дисциплинарная полиция знаний»¹ [Фуко, 2005: 197], система принуждения и угнетения. Он решительно против этой системы.

Свою познавательную цель Фуко видел в том, чтобы низвергнуть научное знание с вершины иерархии познания и возвысить ненаучное знание до этой вершины. Он много говорил о «противостоянии», «борьбе», «восстании» «против научного дискурса, его знания и власти» [Фуко, 2005: 33]. Борьба против «научной нормативности» для него – часть его борьбы с нормативностью вообще. Он не без удовлетворения констатирует в современном обществе явление, которое называет «восстанием» «подчиненных знаний», или «локальных знаний», против господства университетской науки [Фуко, 2005: 28–30].

¹ В данном случае не имеют особого значения историко-этимологические коннотации слова «полиция», о которых пишет Фуко: первоначально оно понималось как «совокупность средств, необходимых для внутреннего приумножения сил государства» [Фуко, 2011: 471].

В этой связи уместен вопрос: как возможна такая позиция Фуко? Ведь он сам был видным представителем той самой официальной науки, которую необходимо свергнуть с властного трона? Он посвятил многие годы научным занятиям в библиотеках и архивах, опубликовал множество трудов, получивших широчайшую известность, читал лекции в знаменитых университетах мира и занимал престижнейший пост профессора в Коллеж де Франс. Нередко ему нравилось выступать в роли «невинного наблюдателя», «счастливого позитивиста», отстаивающего превосходство «чистой», «строгой» науки, девиз которой – «серьезность» [Миллер, 2013: 217; Эрибон, 2008: 323].

Дело в том, что роль академического ученого была лишь одной из многочисленных масок Фуко, которые он менял довольно часто. Другой, не менее важной для него, была маска бунтаря, *enfant terrible* академического мира. Его справедливо квалифицируют как отца *Kathedernihilismus* [Миллер, 2013: 21], «катедер-нигилизма», по аналогии с «катедер-социализмом» рубежа XIX–XX вв. «Кафедральные нигилисты», находясь внутри академической, университетской науки, стараются всячески ее опорочить, постоянно разоблачая ее как одну из главных форм «господства».

Фуко выступал прежде всего как активный «борец», «воин» западного идейно-политического фронта, не очень озабоченный ясностью, обоснованностью и последовательностью своих позиций. «Именно воином был Фуко, а воин не станет подыскивать формулировки, доказывать, говорить, что он прав: он не возмущен, а разгневан; он ссорся со своим делом или, вернее, оно с ним срослось; и он борется за него, не отвлекаясь на споры. У него нет убежденности, но есть решимость (“убеждения имеют дураки”, – сказал он однажды)» [Вен, 2013: 163]. Это писал его ближайший друг и сторонник, известный французский историк Поль Вен. Фуко постоянно боролся за «освобождение» от несправедливости в самых разных сферах, обнаруживая ее источник в происках вездесущей власти. Тем не менее он был конформистом: примыкая то к одному, то к другому политическому движению, а затем отмежевываясь от них, занимая посты в государственных учреждениях, он так или иначе приспосабливался к изменчивой политической конъюнктуре.

Впрочем, Фуко был не одинок в борьбе против «угнетения» наукой и учеными. Еще одним влиятельным «кафедральным нигилистом», теоретиком науки, который энергично боролся с «господством» науки, явился его современник, австрийско-американский философ П. Фейерабенд (1924–1994). Как и Фуко, он считал себя анархистом, главным образом эпистемологическим и методологическим. Подобно французскому единомышленнику, он симпатизировал левому радикализму и был склонен к эпатажу, хотя не в такой степени, как Фуко. «Сегодня наука господствует не в силу ее сравнительных достоинств, а благодаря организованным для нее пропагандистским и рекламным акциям», – писал он [Фейерабенд, 1986: 513].

Фейерабенд выступал за то, чтобы в свободном обществе все культурные традиции имели «равные права и равный доступ к центрам власти» [там же: 470]. Это требование относилось прежде всего к познавательным традициям. Последние в современных европейских обществах представлены европейской же наукой, которая, с его точки зрения, несправедливо и незаслуженно занимает господствующее положение.

В свободном обществе, по Фейерабенду, проблемы должны решаться не интеллектуалами, не специалистами сферы науки (хотя их советы, по его признанию, нужно учитывать), а «заинтересованными лицами» в соответствии с идеями и способами, которые они считают наиболее ценными и подходящими [там же: 471]. Необходимость «разрушения авторитета науки» и других «стесняющих институтов» не вызывала у него сомнений. Правда, в отличие от Фуко, он считал, что это разрушение должно быть не радикальным, а «постепенным», результатом не восстания «подчиненных» знаний, а «гражданской деятельности» [там же: 519].

Борьба анархистов Фуко и Фейерабенда, других «кафедральных нигилистов» против «господства» университетского научного знания не осталась без продолжения. Сегодня мы можем наблюдать ее последствия, носящие фундаментальный характер. Самое любопытное, что эта борьба в значительной мере сосредоточилась как раз в самих

университетах, в том числе престижных. В этом нет ничего удивительного, учитывая, что названные борцы с университетской наукой были влиятельнейшими университетскими профессорами, получившими мировое признание.

Сегодня благодаря последователям Фуко и Фейерабенда, прямым и отдаленным, преднамеренным или не подозревающим об их существовании, мы узнаём, что «Истина» – конструкт европейского Запада [Мюррей, 2021: 234]. Этот конструкт не имеет права на существование, представляя собой не более чем камуфляж, скрывающий господство белых, богатых, гетеросексуальных мужчин, которым посредством насилия и разных трюков удалось навязать глубоко ошибочную и вредную идею истины остальному миру. Задача подлинной науки в том, чтобы любым путем ликвидировать ее господство и в идеале уничтожить ее как таковую. И в то же время, разумеется, заменить это господство другим!

Понравились ли бы таким теоретикам науки и одновременно пионерам бескомпромиссной борьбы с ее господством, как Фейерабенд и Фуко, подобные плоды их деятельности? Может быть, сегодня задавать подобный вопрос вряд ли уместно. Если все-таки есть смысл это делать, то можно предположить несколько вариантов их ответов. Может быть, они радостно присоединились бы к толпам сторонников отмеченной позиции. Возможно, заявили бы, что их неправильно поняли, что их взгляды извратили. Не исключено, что они не признали бы их плодами именно *своей* деятельности. И в самом деле, подобные явления обычно бывают порождены множеством факторов. В любом случае моральная и интеллектуальная ответственность названных «кафедральных нигилистов» за отмеченные следствия их идей, прямые и косвенные, вполне очевидна.

С предыдущим связано и такое явление в сегодняшней науке, как изменение роли и оценки политической и прочей ангажированности социального ученого. Если во времена классической социологии он рассматривался как беспристрастный, независимый, объективный исследователь, стремящийся быть «над схваткой», то сегодня такая позиция чаще всего признается не только невозможной, но и нежелательной. Уместно подчеркнуть: при всех различиях научных программ Дюркгейма и Вебера, их объединяла общая научная этика, этика честного и непредвзятого исследования. Оба они полагали, что роль социолога, с одной стороны, и государственного, партийного деятеля или политического активиста – с другой, – разные роли и этические позиции; смешивать их не следует, так как это вредно с профессиональной и ущербно с этической точки зрения.

Сегодня в теоретической социологии и в смежных науках такой подход, как правило, считается несостоятельным и немодным. Многие полагают, что сама научная этика, которой руководствовались классики социологии, эти белые мужчины, представляющие господствующую науку господствующего класса господствующих государств, невозможна, как невозможны неангажированная наука, научная истина и ее честный бескорыстный поиск.

А что возможно? Стремление к господству, маскирующееся под эти «мнимые» добродетели, и разоблачение этих последних социальными активистами. Они, согласно нынешней моде, выступают в роли «подлинных» ученых, которые, с одной стороны, отвергают официальную университетскую («либеральную») науку, а с другой (на всякий случай!) – обзавелись учеными степенями и весьма комфортно в ней же обосновались.

Под влиянием разного рода модных идеологических течений целью социальной науки провозглашается не постижение истины, а победа в борьбе за господство. Социальный ученый превращается в «активиста», разоблачителя и борца за интересы определенных социально-политических («прогрессивных» или «консервативных») сил или за свои собственные (причем не научные и не познавательные!) интересы. Социологи оказываются в подчинении у различных политических структур, организаций и движений.

Отсюда такие отрасли и проблемные области, как «феминистская социология», «гендерные исследования», «квир-исследования», «черные исследования», «исследования близны» и т.д. и т.п. Все они включены в определенные социально-политические движения, находятся у них в подчинении и обслуживают их, заняты поисками все новых и новых, скрытых и явных, форм господства и средств борьбы с ним. Получаемое подобными

исследователями знание чаще всего совершенно справедливо не вызывает доверия за пределами обслуживаемых ими социальных движений и университетских кампусов, где, впрочем, они окопались довольно основательно.

Такие тенденции в последние годы порождают падение общественного авторитета социологии и других социальных и гуманитарных наук. Многие ученые считают это знание, несмотря на его модность, разоблачительный пафос и попытки апеллировать к науке, бессмысленной и бесполезной болтовней, своего рода эзотерикой, далекой от науки. Однако в условиях господства подобного рода взглядов и их агрессивного насаждения в университетско-академической среде они не всегда решаются выражать свои позиции.

Причины и следствия «властного детерминизма». Как следует из предыдущего, есть все основания констатировать своего рода завоевание понятийного пространства социальной теории концептом власти-господства. Осталось выяснить, в чем причины этого явления. Ответ на этот вопрос следует искать, разумеется, не только внутри собственно социальной теории, но и вне ее, в социальной реальности. Впрочем, в проблематике власти-господства, вероятно, как ни в какой другой, к сегодняшнему дню границы между социальной теорией и социальной, особенно политической, практикой оказались почти стертыми.

Безусловно, выдвижению власти и господства как своего рода базиса в социальной теории способствовало реальное усиление этих факторов в жизни современных обществ. Сама эта тенденция зафиксирована сравнительно давно. В книге, опубликованной в 1945 г., политолог, экономист и футуролог Б. де Жувенель утверждал, что в истории европейских обществ, включая «демократические», происходит неуклонное возрастание и разрастание государственной власти, основа которой всегда и везде состоит в «повелевании» [Жувенель, 2011: гл. VI]. Если прежде власть носила видимый характер, так как была выражена в личности монарха, то в современную эпоху она носит маску анонимности, представляя себя орудием общей воли, не имеющим собственного существования, безличным и беспристрастным [там же: 35]. Теперь, по Жувенелю, в ее распоряжении гораздо более мощные средства воздействия и маскировки, такие как специальные аппараты, собственное «машинное отделение», механизмы внушения и пропаганды.

Де Жувенель опирался на огромный исторический и социологический материал, оставаясь главным образом в рамках политической теории, не претендуя на радикальное обновление социального знания на основе концепта власти. В отличие от Фуко, подчеркну, он не был «властным редукционистом», не стремился видеть власть везде и всюду, сводить к ней всю социальную жизнь, не трактовал ее как всеохватывающее и всепроникающее явление. Речь в его работе идет именно о государственной власти и возрастании ее мощи.

Отмеченные Жувенелем процессы за прошедшие десятилетия приобрели невиданный размах, в том числе благодаря современным информационным технологиям. Нынешнее главенство концепта власти, его трактовка в качестве объясняющего принципа внутрисоциального и мирового порядка связаны прежде всего с тем, что незыблемый и легитимный характер этого порядка оказался под вопросом. (Похожая ситуация сложилась в 1945 г., когда вышла книга де Жувенеля.) В современных обществах, включая «демократические», ответ на вопрос, что считать легитимным, а что нет, и в связи с этим, что считать насилием, а что узаконенным наведением порядка или справедливой борьбой против угнетения, совсем не очевиден. Во всяком случае, это стало менее очевидным, чем сравнительно недавно. «Во всех операциях по установлению и наведению порядка легитимность так или иначе становится проблемой и обсуждается наиболее горячо, – писал З. Бауман. – Борьба идет из-за грани, отделяющей правильное (т.е. ненаказуемое) использование силы и принуждения от неправильного (т.е. наказуемого). “Война против насилия” ведется во имя монополии на использование силы» [Бауман, 2002: 263].

Легитимность испытывает удары и напряжения внутри отдельных обществ и извне, со стороны доминирующих в мире государств и их союзов. Власть-господство и насилие все больше становятся не следствием легитимности социального порядка, а источником

этого последнего и его заменой в качестве легитимирующей силы. Значение правил (норм и т.п.) в мировом и во внутригосударственном масштабе не отвергается, а зачастую, наоборот, подчеркивается. Однако сами правила приобретают произвольный и инструментальный характер, так как формулируются, интерпретируются и применяются монопольной властью по своему усмотрению, конъюнктурно, в соответствии с интересами и устремлениями определенных групп. В результате власть норм сменяется нормами власти. «Правила» все чаще служат инструментом и маскировкой «боев без правил».

Чем менее легитимны общество и его институты, тем более важную роль играют властные отношения, которые их постоянно определяют и переопределяют, изобретают и принудительно внедряют, формируют и реформируют, так или иначе прибегая к использованию силы. «Дело уже не просто в том, что нынешние человеческие отношения, как и все социальные атрибуты эпохи модернити, требуют определенных усилий для подгонки их под некую модель, а в том, что подобные модели не являются больше “заданными”». Эти модели сами превратились в задачи, которые приходится решать в условиях отсутствия “нормативного регулирования” и четких критериев, позволяющих считать задачу решенной. Забавная игра, в которой правила и цели являются в то же время и главным призом!» – справедливо предупреждал З. Бауман [там же: 267].

Нынешняя экспансия концепта власти-господства теоретически выражает отмеченную ситуацию. На рубеже XIX–XX вв. социальные институты и социальный порядок, нормы и ценности, культура (культуры) и ее (их) образцы, их традиционный характер в социальной науке рассматривались как базовые легитимирующие силы. Благодаря этому они могли успешно выступать как базовое средство объяснения поведения индивидов и групп, различения «социального» и «асоциального», ««нормального» и «анормального» («патологического», «девиантного», «делинквентного»), «ненасилия» и «насилия» (последним фактически считалось только нелегитимное насилие, направленное против устоявшихся норм и способствующее разрушению социального порядка). «Социальное принуждение» (“la contrainte sociale”) и «социальный контроль» рассматривались в качестве понятий социологии, выражающих сущность социализации и социальной жизни. Уместно вспомнить, что для Дюркгейма и Эдварда Росса эти понятия играли ключевую роль.

Сказанное относится и к феномену дисциплины, которую Дюркгейм считал одним из главных элементов социальных и моральных фактов [Дюркгейм, 2021: 129–175, 265–358]. Принудительность, нормы, дисциплина – эти явления в его интерпретации не просто навязываются извне «властью»: они – важнейшие элементы социальности, без которых последняя не существует. Социальные правила интериоризованы акторами, поэтому не воспринимаются ими как нечто давящее и навязываемое извне. Наоборот, они благо, ценности, к которым индивиды стремятся и которые любят.

Разумеется, речь не об идеализации европейских обществ рубежа XIX–XX вв. и их тогдашних теоретических интерпретаций. Но у ведущих теоретиков того времени преобладало представление о «нормальном» социальном порядке и социальности, как и о принципиальной возможности их рационального постижения и совершенствования. Положение изменилось. Для анархиста Фуко и его последователей, да и для представителей ряда других направлений социальной науки, категории «социальный порядок», «социальные институты», «социальное принуждение», «социальный контроль», «социальная дисциплина» заведомо негативны с любой точки зрения. Для них фактически отсутствует важное для Вебера различение легитимного и нелегитимного господства: оно само по себе, в принципе, нелегитимно.

Более того, все институты в таком понимании лишены легитимности, они всегда насильственно навязываются властью, прошлой и нынешней. Они представляют собой не что иное, как продукт победы (продукт временный) в непрерывной борьбе за власть, явной и скрытой, одержанной и ежедневно одерживаемой конкретными акторами, которые конфликтуют между собой и, разумеется, с доминируемыми акторами, которые осуществляют господство, сопротивляются ему и завоевывают его. Вместе с тем исчезает

традиционное для социологии различение нормального, с одной стороны, и аномального, патологического, делинквентного, девиантного – с другой: при таком подходе все последние понятия лишены смысла.

С подобной точки зрения любые формы социализации трактуются как непрерывное насилие, которому индивиды сопротивляются всеми возможными средствами. Границы между легитимным насилием и нелегитимным стираются. Государство, монополист «легитимного физического насилия» [Вебер, 1990: 645], лишается в наше время этой монополии вместе со всем социальным порядком, претендующим на легитимность. Наряду с ним в качестве официальных и полуофициальных источников легитимации все чаще выступают разнообразные анархистские и полуанархистские социальные движения, выступающие под лозунгами справедливости и освобождения. Конкурируя между собой и вступая в союзы с правыми, левыми, экологическими и постмодернистскими интеллектуальными течениями, они все чаще захватывают власть в университетско-академической сфере, в публичном пространстве, старых и новых медиа.

Среди этих движений, находящихся в состоянии борьбы между собой за господство и влияние, в свою очередь существуют господствующие и подчиненные движения, обладающие различной степенью реального воздействия на государственные институты, организации, старые и новые медиа. Они составляют в настоящее время серьезную конкуренцию государству в качестве источника легитимации институционального порядка, в определении того, какое насилие легитимно и справедливо, а какое нет. Со своей стороны, государства и межгосударственные союзы стремятся подчинить себе эти силы либо наладить с ними взаимодействие; иногда они вынуждены сами им подчиняться, явно или неявно.

Различные формы конкуренции, кооперации и альянсов «старых» и «новых» источников легитимации насилия определяют, какое насилие считать легитимным и справедливым, а какое нет. Более того, благодаря имеющимся в их распоряжении механизмам господства, в частности, в таких областях, как университеты, медиасфера, социальные сети, они вообще стремятся решать, что считать насилием, а что нет, где оно есть, а где его нет, что следует считать прогрессивной демократической революцией, а что насильственным подавлением свободного волеизъявления народа. И речь идет не о теоретических решениях, а об их реализации во внутренней и внешней политике.

Парадокс данной ситуации в том, что в условиях проблематичной легитимности социального порядка сами господствующие институты, организации и движения решают и внушают социетальному сообществу и глобализированному миру, кто субъект, а кто жертва господства; где легитимное господство, а где нет; где есть господство (а вместе с ним – несправедливость, насилие, угнетение и т.п.), а где нет.

Благодаря цифровизации, медиатизации, новым медиа, распространению влияния социальных сетей и других факторов в настоящее время возникают новые, в том числе скрытые, формы «власти-господства» внутри государств и в международном сообществе. На международной арене роль ООН и «старых» институтов подобного рода снижается. Появляются новые, изощренные способы манипуляций общественным мнением и другими институтами. Расширяются возможности камуфлирования этих манипуляций. Речь идет о формировании заданной повестки, акцентировании или преднамеренном игнорировании, вплоть до неупоминания или объявления несуществующими тех или иных явлений и событий, распространении фейковой информации и т.п.

Особенность нынешнего воздействия власти на социальные явления и события прежде всего в том, что оно носит неявный, скрытый характер. Соответственно, усилия исследователей все чаще должны быть направлены на обнаружение и анализ скрытых механизмов, посредством которых они действуют. Подобная ситуация порождает необходимость новых средств выявления, разоблачения и исследования отмеченных форм власти и господства. А это, в свою очередь, способствует тому, что в социальных теориях данным концептам, во многом вполне правомерно, придается огромное значение, гораздо большее, чем ранее. В «обществах спектакля» (выражение Ги Дебора) политическая

власть все более и более приобретает театральный, перформативный характер. Это относится и к внутренней [Александр, 2008], и к внешней политике.

На международной арене классический пример такого рода – война в Персидском заливе 1990–1991 гг., получившая название «телевизионной войны» и нашедшая отражение в работе Ж. Бодрийяра «Войны в Заливе не было» (1991). В ней автор показал, как пропагандистское господство США и их союзников в медиасфере позволило скрыть реальную картину насилия и представить его несуществующим [Бодрийяр, 2016]. За прошедшие десятилетия «симулякризация» реальности получила дальнейшее развитие и распространение внутри государств и на международной арене.

С другой стороны, в связи с отмеченной выше модой на политическую ангажированность социального знания, с его близостью к социально-политическому активизму, вовлеченностью в социальные движения, а также учитывая конформизм теоретиков по отношению к этим последним, обвинения в различных формах господства приобрели необычайную популярность. Объектами обвинений становятся кто угодно: белые, мужчины, белые мужчины, белые женщины, гетеросексуалы или гомосексуалы, отстаивающие свою идентичность и не желающие признавать изменчивый характер пола и гендера, деятели «господствующей» науки, представители нежелательных культур, которые необходимо «отменить», распространители своих культур или, наоборот, «апроприаторы» не своих культур, не имеющие права на вторжение на чужую культурную или расовую территорию, и т.д. и т.п.² Обвиняемые группы/категории могут существовать или нет, их давно может не быть на свете, но это неважно: потомки, результаты и следы их деятельности, а это практически вся история человечества, должны быть привлечены к ответственности и уничтожены морально и (или) физически.

В связи с предыдущим, объяснения властью в таком контексте оказываются чрезвычайно удобным и выигрышным орудием обвинения. В самом деле, власть в ее разновидностях всегда предполагает присутствие воли, целеполагания, выбора, намерения. Апеллирующие к ней социологические объяснения легко становятся обвинениями: одно фактически неотделимо от другого. Напротив, разного рода средовые, структурные, институциональные, исторические объяснения во многом безличны и гораздо менее пригодны для использования в качестве обвинения.

Что касается объяснений «властью-господством», то, учитывая упомянутое присутствие в них факторов воли, намерения, цели, они непосредственно влекут за собой вменения ответственности и вины определенным социальным силам и групповым акторам за те или иные социальные явления и события прошлого и настоящего. Безличная причинность уступает место ответственности-причинности и вине-причинности в качестве социологических объяснений.

Отсюда один шаг до обвинений в исторических прегрешениях, реальных или мифических, а также важная роль морализаторства и постоянных обличений. Объяснять в таких случаях – значит обязательно кого-нибудь *обвинять и обличать*. Так произошло в свое время с марксизмом. Знаменитый тезис Маркса о пролетариате как *могильщике буржуазии*, несмотря на оговорки и уточнения, в социальной теории и на практике быстро был превращен в тезис о пролетариате как *убийце буржуазии*.

Борьба с господством в этих условиях выступает как предлог для обоснования новых форм несправедливости взамен прежних. Она незаметно превращается в инструмент манипуляции и утверждения собственного господства. Особое значение в данном случае приобретают разного рода публичные спектакли и перформансы, в которых происходит самовиктимизация, изображение себя в роли жертв угнетения со стороны господствующих или ранее господствовавших злых сил.

Ненависть, обида, зависть, злоба, то, что часто описывается как *ресентимент*, становятся не просто эмоциональной реакцией на угнетение, а институционализированным

² Примеры такого рода см.: [Мюррей, 2021].

публичным жанром обличения, в котором перед лицом обвиняемого или того, кто его замещает, устраиваются особого рода политические акции, манифестации, спектакли и перформансы. В западных социально-политических практиках последних лет, в том числе на официальном уровне, в подобных акциях можно легко узнать заимствования советского опыта 1930–1950-х гг. или китайского опыта периода «культурной революции». Во многом подобного рода акции напоминают «двухминутки ненависти» и «недели ненависти», изображенные Дж. Оруэллом в романе «1984». В них используются такие средства, как оскорбления, диффамация, травля («буллинг»), бурное возмущение, истерические вопли и неистовый гнев³.

Во всем этом часто явно прослеживается стремление «жертвы» господства, реальной или мифической, заместить ее субъекта, занять его место и осуществлять то же самое господство под предлогом восстановления попорченной справедливости. Отсюда нетерпимость под видом борьбы с нетерпимостью, расизм под видом борьбы с расизмом, гендерное неравенство под видом борьбы с гендерным неравенством и т.п. Социология «подозрения» и «срывания масок» оказывается в данном случае весьма удобным орудием не только разоблачения, но возрождения и внедрения разного рода «темных сил».

«Натурализация» господства, о чем писал Бурдье, т.е. приписывание ему «естественного» характера, будто бы не зависящего от воли и желания самих господствующих, сегодня зачастую дополняется «натурализацией» межгруппового равенства и тождества. С этой точки зрения любые виды равенства, нередко доводимого до тождества между группами людей, следует признавать «естественными» и справедливыми. В то же время в таком понимании все виды неравенства, статусных различий и отношений власти должны трактоваться как «неестественные», несправедливые и не имеющие права на существование: их требуют рассматривать как стигматизирующие конструкции, принудительно навязанные господствующими социально-политическими силами. Взамен часто предлагается либо внедрять противоположные им стигматизирующие стереотипы, либо сосредоточить их на других социальных группах.

Вместе с тем подчеркну, что констатируемое в последние годы многими аналитиками усиление господства и гегемонизма западных стран, главным образом США, не могли не затронуть сферу социальной науки. В данной сфере под видом универсализма в глобальном мире так или иначе утверждался западный властный партикуляризм: глобализация в значительной мере обернулась вестернизацией. Естественной реакцией на этот процесс явились тенденции индигенизации и девестернизации социального, в частности, социологического знания. Каждая из этих тенденций достаточно сложна, разнородна и противоречива; в них можно обнаружить как факторы стагнации и деградации социального знания, так и плодотворные начала, способствующие его развитию [Терборн, 2022: 18–19]. Обе они, особенно индигенизация, чреваты тем, что одни формы господства, культурной замкнутости и партикуляризма (западные, особенно североамериканские) могут сменяться другими, не обязательно лучшими (восточными, южными и т.д.). В то же время девестернизация, направленная на преодоление западной гегемонии и достижение подлинной, а не фиктивной, универсальности, содержит в себе огромный потенциал расширения горизонтов и развития социальной науки. В любом случае этот потенциал может быть реализован лишь при условии признания одного важнейшего обстоятельства: научное, в том числе социально-научное, знание не только зависит от власти, но и в определенных пределах обладает автономией по отношению к ней, собственной логикой развития и самооценностью.

Заключение. Резюмируя, можно выделить пять причин рассмотренного господства идеи господства в современной социальной теории.

³ «Разгневанный» Фуко (см. об этом выше, с. 5) в данном отношении вновь выступает как превосходный образец для подражания у своих почитателей и вместе с тем как антипод беспристрастного «позитивиста», неангажированного ученого.

1) *Реальное усиление значения фактора «власти-господства» и внутри обществ, и на международной арене, связанное с отмеченным выше кризисом легитимности. Этот фактор часто скрывается за прокламируемыми правилами, которые в действительности носят не столько легитимный и универсальный, сколько навязанный и партикулярно-монополистический характер. Наряду с традиционным экономико-политическим и военным господством, усиливается роль символического господства.*

2) *Возникновение и усиление новых, часто скрытых форм господства, связанных с такими явлениями, как новые информационные технологии, деятельность новых медиа, расширение социальных сетей, театрализация и перформативный характер политических процессов.*

3) *Мода на ангажированную социальную науку и на ангажированность социальной науки, ее тесная вовлеченность в социально-политический активизм.*

4) *Популярность различных форм самовиктимизации среди различных социальных групп, изображения ими себя в качестве жертв тех или иных форм господства, иногда реального, иногда преувеличенного, иногда мифического; театральный и манипулятивный ресентимент; обвинения, основанные на разного рода «обидах», – теперешних и древних; претензии на собственное господство под предлогом борьбы с господством других.*

5) *Усиленная пропаганда, в том числе в университетско-академической среде, утопических концепций равенства, справедливости «освобождения» от всех форм господства и власти.*

Вопреки отмеченным выше модным социальным теориям, власть, в том числе политическая, – не всепроникающее и всеильное, а «нормальное» явление, существующее наряду с другими социальными явлениями и институтами и зависящее от них. Ее возможности могут достигать огромных, но не беспредельных масштабов. Разумеется, никаких иллюзий относительно власти быть не может: разного рода несправедливостей и злоупотреблений, исходящих из этого источника, в мировой истории всегда было и остается более чем достаточно. Хорошо известно, что часто именно под ее воздействием согласие является вынужденным, солидарность – принудительной, а подчинение – результатом насилия и беззакония. Проблема самоорганизации, самоуправления и автономии социальных субъектов по-прежнему остается актуальной.

Возможности сокрытия злоупотреблений власти, да и самого ее присутствия, сегодня безусловно возросли. Поэтому одной из главных и трудных задач социальной науки является обнаружение, исследование и критика всех негативных сторон властных отношений самых разных видов и масштабов. Но их источники далеко не всегда сосредоточены внутри самих этих отношений. Сведение к ним всех социальных отношений и институтов вряд ли способствует решению этой задачи. Наоборот, такого рода сведение может препятствовать ее решению, так как, безгранично расширяя концепты власти и господства, приписывая им множество самых разных, не присущих им социальных свойств, растворяя их среди других институтов, скрывают собственно эти явления и делают их невидимыми для исследования.

В основе «властного детерминизма», о котором шла речь выше, лежит искаженное или, по крайней мере, сомнительное и недоказуемое понимание природы человека как существа, целиком находящегося в плену “*libido dominandi*”, стремления к господству, озабоченного исключительно борьбой за власть и господство. Даже изучение социальных конфликтов, неравенства, стратификации или мобильности, да и самой власти, при таком подходе приобретает заведомо искаженный и упрощенный характер. Тем более это относится к исследованию других сторон социальной реальности, таких как социальные системы, структуры, взаимодействия, связи, сети, социализация, интеграция, солидарность, сплоченность, согласие, сотрудничество, кооперация, социокультурная преемственность, традиция и бесчисленное множество других социальных явлений, которые несводимы к власти и требуют постоянного исследовательского внимания сами по себе.

Может показаться, что рассмотренный взгляд на власть-господство как универсальный принцип объяснения социальных явлений и процессов сосредоточен исключительно

в таких областях, как социальная метафизика, абстрактная социальная теория, политическая философия или идеологическое обоснование отдельных социально-политических движений, и ограничен только ими. Но это не так. Границы между этими областями, с одной стороны, и собственно социологией – с другой, всегда было трудно провести, а сегодня особенно, отчасти под воздействием отмеченных выше факторов. Но, даже оставаясь в размытых пределах этих дисциплин, идея «властного детерминизма» оказывает влияние и на теоретическую социологию, и на различные отраслевые социологии, и на эмпирические исследования самых разных сторон социальной жизни.

Вполне очевидно, что в определенных границах концепты власти и господства, всестороннее изучение этих явлений имеют важнейшее значение, обойтись без них невозможно и не нужно. Но трактовать их как безграничные, всепоглощающие, определяющие всю социальную жизнь, а вместе с тем превращать социологию в науку о власти нет никаких оснований. Следует еще раз подчеркнуть: социальная жизнь бесконечно сложнее и богаче, чем ее властный аспект. Поэтому доминирование этих концептов, захват ими всего понятийного пространства социальной науки оказывают чрезвычайно негативное воздействие не только на эту последнюю, но и на социальную практику. Да, в последние годы мечта Ницше о том, чтобы превратить социологию в науку о власти, попытки Фуко и его почитателей реализовать эту мечту приобрели широкую популярность. Но, несмотря на это, отказаться от господства идеи господства крайне желательно, если мы не хотим, чтобы социология погружалась в интеллектуальное убожество и пустозвонство, а социальные движения вырождались в примитивный, деструктивный или, в лучшем случае, бесплодный активизм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александр Дж.С. Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 года // Вестник МГИМО-Университета. 2008. № 3 (3). С. 73–80; 2009. № 1 (4). С. 61–72.
- Бауман З. Насилие – старое и новое // Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 259–275.
- Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: РИПОЛ Классик, 2016.
- Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
- Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. Т. 1. М.: ВШЭ, 2016.
- Вен П. Фуко. Его мысль и личность. СПб.: Владимир Даль, 2013.
- Дюркгейм Э. Моральное воспитание. М.: ВШЭ, 2021.
- де Жувенель Б. Власть. Естественная история ее возрастания. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2011.
- Миллер Д. Страсти Мишеля Фуко. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2013.
- Мюррей Д. Безумие толпы. М.: РИПОЛ классик, 2021.
- Терборн Й. Знание и власть: социальная наука и социальный мир // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 15–20.
- Фейерабенд П. Наука в свободном обществе // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 467–523.
- Фуко М. «Нужно защищать общество». Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005.
- Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011.
- Фуко М. Дисциплинарное общество в кризисе // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. Статьи и интервью. 1970–1984. М.: Праксис, 2002. С. 319–323.
- Эрибон Д. Мишель Фуко. М.: Молодая гвардия, 2008.

Статья поступила: 27.02.23. Принята к публикации: 03.04.23.

DOMINATION OF DOMINATION IDEA: "THE WILL TO POWER" IN CONTEMPORARY SOCIAL THEORY. Part II

GOFMAN A.B.

National Research University Higher School of Economics, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Alexander B. GOFMAN, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., National Research University Higher School of Economics; Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (agofman@hse.ru).

Abstract. The article discusses the "power determinism" and "power reductionism" ideas, in particular, in relation to the scientific knowledge field. Unlike the classical era of social science, based on the idea of an honest and unbiased search for truth, today the idea of scientific knowledge as politically engaged and subordinate to social movements, acting under various "progressive" slogans, has gained extraordinary popularity. This ideology of conformism in relation to these movements largely occupies a dominant position in the Western university system today. A special role in the process of reducing scientific knowledge to the factor of power was played by the ideas of such left-wing anarchists and pioneers of "cathedral nihilism" as M. Foucault and P. Feyerabend. In their work, one can find sources of a number of popular social movements for which truth is exclusively a product of certain domination forms: class, racial, gender, colonial, etc.; the autonomy of scientific knowledge is denied. In part, the popularity of power determinism is explained by strengthening of the factor of political power and expansion of opportunities for its use and camouflage, in particular, thanks to modern information technologies. Cumulatively, the expansion of "power determinism" and "power reductionism" in the field of sociological knowledge leads to a reducing of its level and authority on a social and global scale.

Key words: power, domination, social theory, science, "power-knowledge", causes, effects, P. Feyerabend, M. Foucault.

REFERENCES

- Alexander J. (2008; 2009) The Democratic Struggle for Power: the 2008 US Presidential Campaign. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [The MGIMO University Bulletin]. No. 3 (3): 73–80; No. 1 (4): 61–72. (In Russ.)
- Baudrillard J. (2016) *The Spirit of Terrorism. There Was No War in the Gulf*. Moscow: RIPOI Classic. (In Russ.)
- Bauman Z. (2002) Violence, old and new. In: Bauman Z. *The Individualized Society*. Moscow: Logos: 259–275. (In Russ.)
- Durkheim E. (2021) *The Moral Education*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Eribon D. (2008) *Michel Foucault*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)
- Feyerabend P. (1986) Science in a Free Society. In: Feyerabend P. *Selected Works on the Methodology of Science*. Moscow: Progress: 467–523. (In Russ.)
- Foucault M. (2002) *Disciplinary Society in Crisis*. In: Foucault M. *Intellectuals and Power*. Part 1. Articles and Interviews 1970–1984. Moscow: Praxis: 319–323. (In Russ.)
- Foucault M. (2005) *"Society Must be Defended": Lectures at the Collège de France, 1975–1976*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Foucault M. (2011) *Security, territory, population*. A course of lectures delivered at the Collège de France in the 1977/78 academic year. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Jouvenel B. de. (2011) *On Power: The Natural History of Its Growth*. Moscow: IRISEN, Mysl. (In Russ.)
- Miller J. (2013) *The Passion of Michel Foucault*. Moscow: Ekaterinburg: Kabinetnyi uchionyi. (In Russ.)
- Murray D. (2021) *The Madness of Crowds*. Moscow: RIPOI Classic. (In Russ.)
- Therborn G. Knowledge and Power: Social Science and the Social World. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 15–20. (In Russ.)
- Veyne P. (2013) *Foucault: His Thought, His Character*. St. Petersburg: Vladimir Dal. (In Russ.)
- Weber M. (1990) Politics as a Vocation. In: Weber M. *Selected works*. Moscow: Progress: 644–706. (In Russ.)
- Weber M. (2016) *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. Vol. 1. Moscow: VSHE. (In Russ.)

Received: 27.02.23. Accepted: 03.04.23.

Л.Г. ТИТАРЕНКО

РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ПОИСКЕ ОТВЕТОВ НА ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

ТИТАРЕНКО Лариса Григорьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета; ассоциированный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Минск, Беларусь (larissa@bsu.by).

Аннотация. Развитие теории – неотъемлемая часть науки. Российская социология работает в обстановке вызовов и социальных угроз, что предполагает пересмотр подходов к решению проблем общества на фоне назревших корректировок теоретических моделей развития социального знания. Этот во многом болезненный процесс требует интеллектуальных усилий, переосмысления существующих в российской литературе макротеорий. Идет активный поиск новых путей развития социологической науки; этот поиск сопровождается пересмотром известных «универсальных» моделей модернизации общества при сохранении собственного культурного наследия. Решение научных задач такого этапа позволит российской социологии определить свое место в глобальном научном сообществе. В статье предложены мысли автора о том, какие теории могут сегодня считаться релевантными для социологии в России. В фокусе рассмотрения новые варианты подходов к теории модернизации и цивилизационных теорий.

Ключевые слова: социологическая теория • российская социология • теоретические вызовы • альтернативная модерность • модернизация • цивилизационный подход

DOI: 10.31857/S013216250025794-6

В поисках новых путей. Процесс конструирования новых и ревизия старых теорий в социологической науке каждой отдельной страны постоянен, поскольку любое общество нуждается в теоретическом осмыслении и рефлексии социальной жизни. Невнимание сообщества ученых к фундаментальным вопросам теории, как показывает история социологии, приводит к игнорированию дисциплиной траектории собственного развития, к непониманию и недоиспользованию возможностей социологии как таковой. Научные дисциплины призваны предлагать модели, теоретически обоснованные перспективы и подходы, дающие возможность рассматривать те конкретные вопросы, решение которых вне теоретического фрейма остается неопределенным, случайным, чреватым осложнениями в масштабе страны.

В социологии – даже в «нормальных» условиях – вызывают перемены, наука не успевает отвечать на новые вызовы. Этот тезис верен для глобальной и для российской социологии, хотя их «ответы» на вызовы и сами вызовы – разные. На уровне мирового развития не первое десятилетие констатируется рост неопределенности и турбулентности. Для российской социологии характерно вялое развитие идей, которые появились в конце XX – начале XXI в. Два года назад на Харчевских чтениях М.Ф. Черныш подчеркнул, что «теоретическая проблематика – это своего рода ахиллесова пята развития российской социологии» [Романовский, Бийжанова, 2022: 143]. Резче тогда высказался чешский социолог И. Шубрт: ни глобальная, ни российская теоретическая социология пока не способны «дать ответы на новые вопросы, вставшие перед человечеством» [там же].

Новые теоретические подходы к описанию и анализу социальной реальности на рубеже веков, при интенсивной критике существующего общества, предлагались зарубежными авторами [Wallerstein, 2001; Ritzer, 2003]. П. Штомпка отверг модель универсальной модернизации с жестко детерминированным направлением и предзаданным (согласно

детерминантам, выведенным Парсонсом) результатом. Однако Штомпка не поддерживал и концепций непредсказуемости, спонтанности развития общества, которые абсолютизируют свободу воли агентов действия (постмодерн). Он понимал развитие общества как социальное становление, самопреобразование общества посредством развертывания агентности в рамках, заданных предшествующей человеческой практикой. Результат такого становления не детерминирован, зависит от случайностей и от практик агентов [Sztompka, 1993]. Эти мысли о становлении нового мира в большой мере соответствуют происходящему в настоящее время в обществе и в социологии, хотя Штомпку сейчас практически не вспоминают.

Потребность в адекватной социологической макротeorии возрастала; данная потребность проявлялась в звучащих диагнозах неопределенности состояния российской и глобальной социологии, в поисках выхода из него [Turner, 2022; Титаренко, 2022]. Обозначаются и варианты подходов к проблеме. Принять ли в качестве образца построения новой макротeorии общества существующие универсальные модели или пытаться искать нечто самостоятельное – это выбор социолога-теоретика. Состояние конкретного социума всегда, так или иначе, влияет на этот выбор. Сегодня Россия в какой-то мере остается в «либеральном прошлом», но турбулентное настоящее во все большей мере стимулирует и определяет происходящие в обществе процессы. В таких условиях зачастую и предложения новых моделей для социологического теоретизирования включают/отвергают имитации зарубежных теорий – по большей части «улучшенные» концепции социологии второй половины XX в.

В последние 30 лет социальная, социологическая теория в России не стояла на месте. Вопросы настоящего и будущего страны оставались в повестке социологов, социальной науки. Можно назвать теории С. Кирдиной, Н. Лапина, Н. Розова, О. Шкаратана, Ж. Тоценко, которые сопровождались волнами дискуссий в научном сообществе. Однако к началу третьего десятилетия XXI в., если отслеживать публикации в ведущих социологических журналах России, практически всеми отмечался тренд теоретического застоя: не было выдвинуто теорий, поддерживаемых хотя бы активной частью сообщества социологов страны. Не заметно и движения к консенсусу, к которому следует дальше идти, независимо от того, что определенные теории (включая те, которые заимствовались на «обобщенном» Западе) получали широкое освещение [Шубрт, 2021]. Правда, сама западная социология к этому рубежу оказалась в трудной ситуации, но это – предмет особого разговора.

Подчеркну еще одно определяющее обстоятельство. Практика показывает нашим современникам-соотечественникам, что нет стран, которым в равной степени подходит универсальная теория, предлагающая общую объяснительную рамку и подход к пониманию общественной жизни. В реальной жизни любая теория требует хотя бы некой адаптации, «подгонки» под конкретную страну. Если этого не происходит, то причиной может быть непререкаемый авторитет господствующей в сообществе ученых, представителей социального знания, универсальной теории и/или высокий научный статус ее автора. Известно, например, что когда в середине XX в. Т. Парсонс предлагал миру теорию модернизации, он сумел позиционировать ее как универсальную. Одновременно с этим Парсонс-теоретик вольно или невольно создал теоретическую основу пропаганды утверждений, что США достигли стадии образцовой для всего мира «системы современного (modern) общества». Остальным странам остается их догонять, адаптируя модернизацию в форме «догоняющей» теории развития. Те, кто не развивают у себя предложенные Парсонсом эволюционные универсалии, якобы обречены на постоянное отставание или «конвергенцию» с моделью США (эту перспективу он рисовал для СССР, где не было, используя термины Парсонса, свободного рынка, открытого общества и т.п.) [Парсонс, 1998].

В ретроспективе можно сказать, что и российская социология (по крайней мере, на первом этапе постсоветских трансформаций) вполне обходилась парсоновской по духу моделью (признаваемой скрыто или явно), принимая ее как теорию российской модернизации или других сходных своей сутью перспектив. Предлагаемые в 1990-е гг.

обоснования происходивших перемен прямо ориентировали на насаждение и развитие эволюционных универсалий рынка и западной демократии независимо от культурно-исторической и социальной специфики региона. В некоторых российских работах политическая модернизация однозначно отождествлялась с либерализацией [Пантин, Лапкин, 1998]. По этому поводу опять сошлемся на М.Ф. Черныша: с начала 1990-х гг. новые объяснительные модели «приходили в основном из зарубежных научных центров и часто пересаживались на российскую почву без должного критического обсуждения». В результате в российской общественной науке укреплялся до конца не преодоленный до сих пор «комплекс ученичества» – «когда все то, что генерируется зарубежной социологией, считается важным, достойным, основательным» [Черныш, 2022: 11]. Осознание этого рода фактов запаздывало в среде российских социологов. Подражательный характер российской (и восточноевропейской) социологии тех лет очевиден ряду критически мыслящих социологов Запада [Блоккер, 2022: 173]. Некоторые современные зарубежные авторы отмечают: русская мысль XIX – начала XX в. в лице В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, Н.Я. Данилевского пыталась противопоставить западному универсализму оригинальные цивилизационные концепции, отразившие конкретную специфику российского общества [Чэ Юйлин, Тэн Яньцзяо, 2023]; и эти идеи релевантны современности. Но этим не ограничиваются задачи выхода российской социологии на передовые в теоретическом плане рубежи. Можно говорить и о развитии тех позитивных подходов, которые формировались последние десятилетия в среде российских социологов при освоении и переосмыслении теоретических достижений мировой социологической мысли.

О теориях модерна и модернизации. История бытования в современной России теорий модерна и модернизации служит: а) преодолению зависимости российских теорий от западного мейнстрима, б) опорой для поисков на пути развития социологии в стране, в) прорыву к сути требуемых временем теоретических открытий. На рубеже XX–XXI вв. в российской социологии и в других социальных науках получили широкое распространение либеральные теории, часто продвигавшиеся в среду ученых в рамках программ Фонда Сороса, подобных ему ино- и просто агентов. Факт их поддержки людьми во и вокруг власти в постсоветской ситуации стал решающим. Но часть российских социологов склонялась к концепции трансформации как более адекватному подходу к происходившим в России переменам. Как позднее писал Н.И. Лапин [2018: 112], аргументы в пользу трансформации исходили от Т.И. Заславской и В.А. Ядова. Их тезис о «трансформации» был формой оппонирования стремлению сторонников Б. Ельцина утвердить в общественном сознании облик событий 1991–1993 гг. как «славной» революции.

В сравнении с модернизацией трансформация не предполагает определённой цели и осуществляется преимущественно спонтанно, что и было характерным для радикальных социально-экономических преобразований, которые осуществлялись под флагом «рыночных реформ». Главной мотивацией социологов, скорее всего, выступило желание использовать популярные западные концепции, ожидая, что они принесут положительный результат и в России. Вопросы о том, имеются ли в России для этого средства и ресурсы, возникли позднее. По сути дела, новой теории эволюционной трансформации не предлагали, хотя и позиционировались как «шаг вперед» в сравнении с теорией модернизации. Обе теории могли принести и принесли властвующей неолиберальной элите противоречивые результаты. Постсоветские реформы воспринимались населением без энтузиазма и не приводили к декларируемым целям [Черныш, 2021: 3].

На рубеже 2010-х гг. в литературе превалирует термин «модернизация» для характеристики проводимых реформ российского общества в социально-экономической, политической, культурной сферах. Такой статус этого термина объясним не только тем, что теория модернизации выглядела простой, понятной и многообещающей. Определенную лепту вносило разнообразие интерпретаций: одни акцентировали внимание на политической модернизации и власти, другие – на вопросах культуры, но большинство понимали под ней социально-экономические реформы общества, ведущие к материальному

благополучию. П. Вагнер не без оснований отмечает, что модернизация была тесно связана с идеей прогресса (у Парсонса этот аспект специально подчеркивался), импонируя и авторам, и последователям данной теории [Wagner, 2022].

Несмотря на определенные шаги к развитию российской версии теории модернизации, она сохранила западное происхождение и идеологический подтекст – зависимость от Запада. Этот аспект теории трактовался как определенный стимул приближения России к западному миру. Анализируя сложившуюся противоречивую ситуацию в обществе, П. Родькин утверждает: «В современной России главная идеологема звучит так: “У нас все как на Западе, но мы не Запад”» [Родькин, 2022: 131]. При перенесении на область теоретической социологии эта идеологема обретает примерно такой смысл: «Наши теории российского общества такие же, как на Западе, но они не являются западными».

В такой противоречивой ситуации вызывает осознание необходимости определиться с направлением развития теоретической социологии. В нашем контексте это не только прояснение личной гражданской позиции ученого, но и строго профессиональный вопрос о том, какие модели социального развития считать адекватными нынешнему состоянию общества. Конструирование новой/обновленной социологической теории для России требует переоценки моделей развития страны, предложенных за постсоветский период, включая те, которые казались вполне адекватными для практик разного рода. Переоценка эта важна не столько как стимул критического пересмотра опыта (как сейчас ясно, решающим образом ориентированного на Запад), сколько для уточнения/обновления нынешних приоритетов в понимании (объяснении, интерпретации, прогнозировании) действий в сфере социальной науки и социальной практики.

Очевидно, модернизация в сущностном плане означает переход к «современному» обществу (модерну). Это (хотя и в разных версиях) не оспаривалось в России конца XX в. Западные конструкты модернизации предлагались зарубежными теоретиками как вполне «адекватные» для России и поддерживались российскими учеными¹. Точного смысла понятия модернизации не оформилось. Сохранению теории помогало то, что применительно к России она постоянно дорабатывалась и развивалась. Руководитель проекта исследования мировых ценностей Р. Инглхарт, проработав несколько лет в России в 2010-е гг., на сопоставлении российских реалий с большим массивом данных, полученных во многих странах мира, показал, что эволюционное развитие нигде не осуществляется по универсальным схемам и что демократия, как и успехи рыночного развития, обратимы [Инглхарт, 2019]. На российские теории, подражающие западной модели, эти выводы не оказали существенного влияния. Либерализм и приверженность привычным западным подходам к обоснованию модели развития страны в значительной мере сохранялись.

Своего рода обобщение развитию теорий модернизации на российской почве представлено в работе Ю. Прозоровой о заимствованиях российскими учеными западных либеральных моделей [Прозорова, 2022]. Автор считает, что «постсоветские ассимиляции в России идей, практик и институциональных форм либеральной современности породили оценки и локальные интерпретации западного проекта, способствовали артикуляции собственных оснований и принципов модернизации» [там же: 235]. Как результат, сформировалось два основных подхода к российской модернизации. Первый повторяет западный либеральный канон. Сторонники второго, нелиберального партикуляристского подхода, укрепившиеся с 2020 г., по культурно-институциональным формам отклонились от «нормативной западной модели». К ним автор относит модели модернизации, разработанные Н.И. Лапиным.

Одна из нерешенных прежних проблем теории модернизации состояла в том, что никто из социальных акторов в России не был готов к радикальным шагам во имя интересов всего общества. Н.И. Лапин выражал уверенность, что стратегия комплексной модернизации российского общества должна быть взята на вооружение и учеными,

¹ Теория модернизации развивалась в истории, экономике и в других науках, ее конвергентный смысл понятен российским авторам [Миронов, 2018: 91; Чирков, 2018: 22].

и правительством². Используя опыт китайской модернизации, Лапин показал, что Россия представляет собой объединение нескольких регионов, существенно различных по уровням социально-экономического и социокультурного развития; каждый регион нуждается в своих целях и темпах модернизации, чтобы в целом вся страна сделала модернизационный рывок вперед [Лапин, 2015].

Этот подход российского ученого не соответствовал канону западной модернизации, поскольку теория модернизации дополнялась гуманистическими целями, а страна разбивалась на регионы³, меняющиеся с разной скоростью, решающие свои задачи. Затем, понимая ограниченность теории модернизации западного образца, ведущей к росту социального неравенства между социальными группами и регионами страны, Лапин выдвинул идею «гибридного» транзита, идентичного, в его интерпретации, модернизации, которая бы осуществлялась в интересах всего общества, а не олигархов, но с сохранением позитивных аспектов западной модели. Эта версия «гуманистической модернизации», некой «конвергенции посткапитализма и постсоциализма» в мировом сообществе социологов пока не получила поддержки (или распространения, признания). Лапин предлагал ускоренно развивать гуманистическое содержание модернизации, которое, как подчеркивалось, требует наличия сильного социального государства, федеральных целевых программ и «цивилизма», под которым понималось «гражданское общество, саморазвивающееся путём конвергенции посткапитализма и постсоциализма» [Лапин, 2018: 130]. Ученый полагал, что именно социологи должны разработать концепцию «цивилистской модернизации» [Лапин, 2018: 131]. Можно утверждать, что Н.И. Лапиным на этом этапе продумывались новаторские шаги по сближению позиций модернизационных и цивилизационных.

Шаги к цивилизационной программе. Схемы «гибридного транзита» к капитализму быстро исчерпали себя, как и предыдущие версии теории модернизации. Они и не могли быть реализованы. Россия оставалась глобальным поставщиком материальных ресурсов и квалифицированных специалистов для Запада, по-прежнему находясь в роли «догоняющей» стороны без шанса «догнать» лидеров. Поиски новой теории перед лицом «больших вызовов» 2020-х гг. продолжились.

Сама идея многообразия моделей модерна давно бытует в социологии; она была разработана на примере стран Азии, позднее (как следствие «культурного» поворота) охватив незападные страны, которые тем самым были поставлены как объект социологических исследований вровень с западной цивилизацией. Выявление специфики каждого паттерна модерна показывает их неповторимость, не давая оснований считать любой из них лучше других. Теория мультимодернов, на наш взгляд, важна для последующего анализа российской социологии, поскольку доказывает, что страны могут успешно экономически развиваться по пути, который больше соответствует их истории и культуре. При этом политические институты общества могут быть демократическими и авторитарными. Страновая культурно-историческая специфика и уникальный опыт формируют различия, которые определяют появление разных цивилизаций. Поэтому, пытаясь объяснить различия в развитии обществ, ряд ученых прошлого и настоящего брали за основу анализа цивилизационный подход, признающий множественность цивилизаций и – следовательно – множественность модернов⁴. Советский и постсоветский опыт, на наш взгляд, оправдывает складывающуюся здесь ситуацию.

² В первые годы второго десятилетия нынешнего столетия эту постановку вопроса, по всей видимости, во властных сферах России не отвергали, но и не замечали.

³ Охватив своей картографией модернизации Россию «от Москвы до самых до окраин», российский социолог де-факто предложил модель преобразований, применимых к различным, резко различающимся общественным формациям и укладам.

⁴ Остается вопрос для дальнейших размышлений: какой «элемент» перемен, преобразований выступает в роли ведущего и какой – в роли подчиненного – модернизационный или цивилизационный? Ниже мы к этому вопросу обратимся.

Поскольку советский проект конструирования модерна незападного типа закончился развалом страны, многим авторам казалось логичным следовать западной модели. Однако анализ советского модерна привел, например, левого по австралийским стандартам социолога к убеждению, что советский модерн провалился из-за серьезных политических ошибок элиты, не по причинам несостоятельности модели развития экономики [Arnason, 1993]. Смысл советского опыта модерна в том, что он опроверг универсальность западной теории модернизации и дал толчок успешному развитию других версий незападного модерна в мире. В их отношении был предложен особый термин – «альтернативный модерн». В настоящее время среди вариантов альтернативного модерна наиболее успешной выглядит китайская модель. Китайская Народная Республика в свое время выявила и переосмыслила советские ошибки развития «модерна» (игнорирование собственного социокультурного опыта прошлого) и сумела их не повторить, соединяя китайское культурное наследие с коммунистическими целями. В то же время Китай не копировал западную модель развития экономики, признавая, что «разные формы цивилизации основаны на разной культурной логике», и «поэтому невозможно использовать западную рационалистическую цивилизационную модель для суждения о других типах цивилизаций» [Чэ Юйлин, Тэн Яньцзяо, 2023: 54]. В полной мере этот вывод применим и к программам исследования российской цивилизации как альтернативного модерна.

Цивилизационный подход развивается не первый десяток лет. «...цивилизационная проблематика в течение всего XX в. привлекала внимание политических философов и наиболее проницательных политических исследователей, пытающихся продвинуться в развитии представлений о принципиальном многообразии культурно-цивилизационных оснований современного общества» [Лапкин, 2022: 135]⁵. Социологи участвовали в этом процессе. Н.И. Лапин в рамках крупного российского проекта цивилизационного развития исходил из признания идеи многовариантности цивилизаций и их нелинейной эволюции. Он считал Россию локальной цивилизацией, будущее которой зависит от выбора в качестве идеального эталона либо какой-либо локальной цивилизации («экзогенного» образца), либо решение пойти альтернативным путем и «сконструировать новый... пока не реализованный гуманистический принцип», следуя которому, она сможет стать «эндогенно-гуманистической» цивилизацией [Лапин, 2015в: 8]. «Выбор в пользу гуманной эволюции цивилизации» должен одновременно приблизить Россию как локальную цивилизацию к универсальной общецивилизационной модели реального гуманизма. Реальная проблема российской цивилизации виделась ученому в двойственности, пронизывающей историю и современные практики в стране: в глубоком разрыве между «западным цивилизационным сознанием "верхов" населения и исходными смыслами ядра культуры его исполнительских "низов"» [Беляева, 2023: 13]. Ученый концептуализировал преодоление такого разрыва посредством практической консолидации цивилизационного сознания населения, в чем-то равноразмерно тому, что в недавние времена квалифицировалось термином *культурная революция*.

В такой постановке проблемы речь пока идет об идеальной социально-философской модели. Но очевидно вот что. Социологическая цивилизационная теория должна опереться на реально существующие основы общества, которые образуют российскую цивилизацию, понять и интерпретировать происходящие в ней процессы, ее связи с универсалистской моделью (если они раскрыты), определить в сравнительном анализе ее место среди других цивилизационных моделей, сконструировать вероятностные перспективы ее будущего развития [Россия как цивилизация..., 2015]. При рассмотрении процессов становления разных типов цивилизационной модерности нужен анализ отношений между

⁵ Исторически культурно-цивилизационный подход известен, по крайней мере, с Н. Данилевского, позднее его развивали О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин, Ф. Бродель, С. Хантингтон, И. Валлерстайн и др. По мнению современных российских сторонников такого подхода, в этот ряд следует добавить Ш. Айзенштадта, П. Арнасона, Н. Элиаса, Б. Витрока и др. [Российское общество..., 2021].

культурой, социальной структурой, человеческой деятельностью в конкретном обществе, чтобы понять диалектику сохранения и изменения социального порядка. Такой логический тренд цивилизационного анализа позволит глубже осмыслить происходящие в ней изменения и определить их как локальные, региональные, глокальные, универсальные.

В постсоветской социологии большое внимание данному подходу уделяли, кроме Н.И. Лапина (2015б), О.И. Шкаратан [Россия как цивилизация..., 2015] и В.В. Козловский с коллегами [Российское общество..., 2021]. Культурологические труды А.С. Ахиезера внесли вклад в понимание социокультурной эволюции российского общества и оказали влияние на ученых других социальных дисциплин. Почему данный теоретико-методологический подход представляется нам в Беларуси актуальным для развития российской социологии?

Во-первых, он позволяет соединить понимание развития российского общества как оригинального типа модерна и особого типа цивилизации (то есть два главных направления развития российских макротеорий). Напомним, что в цивилизационном анализе также имеют место универсалистский подход, признающий единственную общечеловеческую цивилизацию, и партикуляристский, смыкающийся с теорией альтернативных модернов, которая рассматривает многообразие и равноправие цивилизационных моделей, в том числе российской. Именно такая позиция позволяет проанализировать динамику развития российской цивилизации, объяснить ее прошлое, настоящее и вероятное будущее. При этом, следуя идее Н.Я. Данилевского, нельзя считать российскую цивилизацию моделью, приходящей на смену гегемонии западной модели: признание множественности модернов позволяет поддерживать культурное разнообразие мира как необходимое, если не обязательное, условие его развития [Данилевский, 2008: 512]⁶.

Во-вторых, поскольку этот подход прямо постулирует наличие разных типов цивилизаций в истории человечества, он подводит теоретическую основу неприятия подражания Западу. Более того, что отметил британский политолог Р. Саква, признание российской цивилизации должно положить конец лояльному отношению российских ученых к требованиям «цивилизационных изменений в самой России, которые подрывали бы её представление о самой себе, о своей культуре, идентичности и статусе» [Саква, 2023: 41]. Признание вариативности цивилизаций допускает их эволюционные трансформации, не поддающиеся жесткой детерминации, опирающиеся на предшествующие практики, установки и модели поведения людей.

В-третьих, признание России отдельной цивилизацией не означает ее ухода из глобального мира, она продолжит взаимодействие с другими современными на разных уровнях. Наличие в цивилизационном анализе категорий «исторический регион», «перекресток цивилизаций» позволяет считать любую цивилизацию не замкнутым миром, а меняющейся и взаимодействующей с другими цивилизациями. Сравнительный анализ российской цивилизации позволяет выявить схожие с другими современными механизмы развития, варьировать интерпретации в описании и концептуализации структур и институтов [Российское общество..., 2021]. Поскольку российская цивилизация неоднородна, в ее рамках могут применяться концепции регионализма и локализма, развиваться глокальные социокультурные практики. Цивилизационный подход не уводит российскую социологическую теорию в тупики изоляционизма, замыкания на себе самой, позволяя анализировать в контекстах конкретной цивилизации общие, региональные и локальные сценарии развития человечества.

В-четвертых, цивилизационный подход изначально признаёт, что цивилизации проходят путь становления, развиваются исторически; их развитие не телеологично. Цивилизации могут приходить в состояние упадка, считал П.А. Сорокин (цит. по: [Тойнби, 2004: 42–43]). Любая цивилизационная трансформация является результатом взаимодействия составляющих,

⁶ Собственно, в этом заключена суть «культурного поворота» в социальных науках – культура как независимая переменная всегда и везде накладывает свой отпечаток на состояние и динамику всякого общества.

которые проявляются через человеческую деятельность разными способами в разных исторических эпохах, связывая вместе структуры, культуру и человеческую практику.

В этом русле, на наш взгляд, и могут развиваться российские цивилизационные теории макро- и мезоуровней. Такой подход позволит выявить многомерные вариативные модели развития российского общества, связанные с возможными «ответами» на глобальные вызовы, стоящие перед российской цивилизацией. Реализация конкретной модели будет, на наш взгляд, зависеть от агентских практик субъектов действия, элит, других социальных групп, общества в целом. Преследуя схожие с нашими задачи, в середине прошлого десятилетия ученые констатировали, что российская цивилизация является локальной. Она развивается между Востоком и Западом, и в ее истории духовное и политическое ядро часто не соответствовали друг другу, причем «именно конфликт первого со вторым обуславливает циклы российской истории и трудность выхода. <...> В результате российская цивилизация достигла высот в развитии культуры, сохраняя проблемы в инфраструктуре личностного развития, отсутствие права на свободный выбор моделей жизни» и другие противоречия [Россия как цивилизация..., 2015: 189]. Можно не соглашаться с утверждениями, содержащимися в этой работе; изменились исторические условия. Однако данное обстоятельство стимулирует необходимость продолжения поисков вариативных цивилизационных теорий, опираясь на исследование моделей цивилизационного развития России и специфики нынешнего состояния ее экономики, политики, культуры.

Резюмируя изложенное, повторим: российская социологическая мысль активно продолжает поиски адекватных моделей развития общества. Продолжается совершенствование гуманистической модели модернизации, которую, в частности, развивал Н.И. Лапин. Параллельно для нас очевидна перспектива сближения этой модели с цивилизационным подходом.

Цивилизационная модель развития России может быть принята сегодня профессиональным сообществом и всем обществом, несмотря на то, что в прежние десятилетия рецепция этого подхода часто идеологизировалась. Как показывают социологические опросы 2022 г., в новых условиях интересы и эмоции россиян меняются. В обществе наблюдается всплеск национального самосознания после «депрессивного чувства национальной неполноценности» [Шестопал, Рогач, 2022: 57], которое в прежний период послужило созданию теории травмы [Тощенко, 2020].

Часть российских элит и интеллектуалов не разделяют чувств большинства, дистанцируются от него. Подобное разделение не произошло одновременно: его корни берут начало с событий 1990-х гг., если не раньше. Достаточно вспомнить исследования социологического сообщества С.-Петербурга [Соколов, 2010], где были выделены группы, члены которых практически отказывались от коммуникаций друг с другом из-за разных политических взглядов. Этот микросрез сообщества социологов, возможно, представлен в мегаполисе более явно, чем в провинции. Однако и в других мегаполисах и регионах современной России подобное противостояние, возможно, имеет место. Опыт Беларуси не позволяет обойти возможность этого.

Социологическое сообщество обязано реагировать на ситуацию. Современная ситуация в мировой социологии стимулирует ученых вести разработку теорий, которые бы давали ориентиры в отношении практик нынешнего общества, тенденций будущего. Вряд ли новые цивилизационные теории будут столь радикальны, чтобы вести к разрыву связей с теоретической социологией региона Северной Атлантики. Способно ли российское сообщество, не порывая связей с некоторыми фракциями зарубежной социологии, не брать образцы и модели из этого ресурсного источника, а генерировать собственные образы развития и быть готовым принять новое, даже если оно не общепринято в мировом сообществе, – вопрос открытый.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляева Л.А. Николай Иванович Лапин: исследователь и организатор науки // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 5–15. DOI: 10.31857/S013216250022847-4.
- Блоккер П. Об удивительной живучести модернизационной теории // Неприкосновенный запас. 2022. № 1 (141). С. 163–174.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: ИРЦ, 2008.
- Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2019.
- Лапин Н.И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. 2015а. № 1. С. 5–10.
- Лапин Н.И. Дистанции между состояниями модернизированнойности макрорегионов России и их цивилизационные смыслы // Общественные науки и современность. 2015б. № 5. С. 61–71.
- Лапин Н.И. Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех» // Вестник Института социологии. 2018. № 27. С. 105–136. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.542.
- Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть I. Человеческая цивилизация перед выбором конфигурации фундаментальных ценностей // Вопросы философии. 2015в. № 4. С. 3–15.
- Лапкин В.В. Социально-политическая динамика эпохи глобального кризиса: цивилизационный бэкграунд // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 135–150.
- Миронов Б.Н. Модернизация России в XVIII–XX вв. как конвергенционный проект // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 91–103. DOI: 10.7868/S0132162518060089.
- Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России (К обсуждению гипотезы) // Полис. Политические исследования. 1998. № 2. С. 39–51.
- Парсонс Т. Система современных обществ. Москва: Аспект-Пресс, 1998.
- Прозорова Ю.А. Демократия и советская модерность // Неприкосновенный запас. 2022. № 1 (141). С. 131–162.
- Родькин П.Е. «Культура разрыва» и общество потребления в контексте ухода «Макдональдс» из России // Общественные науки и современность. 2022. № 6. С. 125–136. DOI: 10.31857/S0869049922060090, EDN: FCLOK
- Романовский Н.В., Бийжанова Э.К. Теоретическая социология в России: состояние, проблемы, перспективы (О XXIII Харчевских чтениях) // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 143–145. DOI: 10.31857/S013216250018241-8.
- Российское общество: архитектура цивилизационного развития / Отв. ред. В.В. Козловский. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-375-1.202.
- Россия как цивилизация: материалы к размышлению / Под общей ред. О.И. Шкаратана, В.Н. Лексина, Г.А. Ястребова. М.: Мир России, 2015.
- Саква Р. Неуставные международные отношения // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1 (119). С. 34–50. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-1-34-50.
- Соколов М.М. Индивидуальные траектории и происхождение «естественных зон» в петербургской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 3. С. 111–132.
- Титаренко Л.Г. Теоретическая социология в современной России: глобальная и национальная перспективы // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250019601-4.
- Тойнби А.Д. Философия истории Сорокина // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 1–44.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы как третья модальность развития // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. № 1. С. 4–12.
- Черныш М.Ф. И снова модернизация: в поисках концептуальной схемы // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 3–12. DOI: 10.31857/S013216250014946-3.
- Черныш М.Ф. Культурный поворот и кризис проблематизации в современной социологии // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250023707-0.
- Чирков А.А. Теория модернизации в российской исторической науке // Философия и культура. 2018. № 3. С. 17–33.
- Чэ Юйлин, Тэн Яньцзяо. Критика русской мыслью западной модернизации и ее современное звучание // Вопросы философии. 2023. № 3. С. 47–57. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-3-47-57.
- Шестопал Е.Б., Рогач Н.Н. Образы настоящего и будущего России в политическом сознании ее граждан // Общественные науки и современность. 2022. № 6. С. 45–61. DOI: 10.31857/S0869049922060041; EDN: FCHBHW.
- Шубрт И. Мысли о современной российской социологии и ее перспективах // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 5–15. DOI: 10.31857/S013216250011069-8.

- Arnason J.P. *The future that failed. Origins and Destinies of the Soviet Model*. Milton Park: Routledge, 1993.
- Ritzer G. *Globalization of Nothing*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2003.
- Sztompka P. *The Sociology of Social Change*. Oxford: Wiley-Blackwell, 1993.
- Turner St.P. *Mad Hazard: a Life in Social Theory*. Bingley, UK: Emerald Publishing, 2022.
- Wagner P. Progress and modernity: the problem with autonomy // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Vol. 25 (2). P. 7–27.
- Wallerstein I.M. *The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-first Century*. Minneapolis, MN: U. of Minnesota Press, 2001.

Статья поступила: 28.02.23. Финальная версия: 06.04.23. Принята к публикации: 13.04.23.

RUSSIAN SOCIOLOGY IN SEARCH OF RESPONSES FOR THEORETICAL CHALLENGES

TITARENKO L.G.

Belarusian State University, Belarus; Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia

Larissa G. TITARENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Belarusian State University, Belarus; Associate Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia (larissa@bsu.by).

Abstract. Any social science needs a theory as its integral part. Since 2022, Russian sociology has existed in the context of new challenges and social threats related to Russia's intentions to change the global balance of power. New conditions stimulate a revision of approaches to solving key problems of society and making adjustments to the theoretical models of its development. This is in many ways a painful process requiring intellectual efforts and political decisions. Since we are talking about Russian sociology, it is necessary to rethink the existing Russian macrotheories. There is an active search for new ways of developing social science. The search for these paths is accompanied by a rethinking of the well-known "universal" ways of modernizing society, which will help Russian sociology to determine its place in the global scientific community, while preserving its own cultural heritage. The article analyzes which theories can be considered relevant in Russia today, focusing on modernization schemes and civilization approach developed by Russian sociologists, in particular, by Nikolay I. Lapin.

Keywords: sociological theory, Russian sociology, big challenges, alternative modernity, modernization, civilizational approach.

REFERENCES

- Arnason J.P. (1993) *The future that failed. Origins and Destinies of the Soviet Model*. Milton Park: Routledge.
- Belyaeva L.A. (2023) Nikolai Lapin: researcher and science promoter. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 5–15. (In Russ.)
- Blokker P. (2022) On the amazing vitality of the modernization theory. *Neprikosnovenniy zapas* [Emergency reserve]. No. 1 (141): 163–174. (In Russ.)
- Che Yuling, Teng Yanjiao. (2023) "Criticism of Western Modernization in Russian Thought and Its Consonance to Modernity". *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 3: 47–57. (In Russ.)
- Chernysh M.F. (2021) Modernization re-visited: searching for a new conceptual scheme. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 3–12. (In Russ.)
- Chernysh M.F. (2022) Cultural turn and the crisis of problematization in modern sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 3–14. (In Russ.)
- Chirkov A.A. (2018) Modernization theory in Russian historical science. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture]. No. 3: 17–33. (In Russ.)
- Danilevsky N.Ya. (2008) *Russia and Europe*. Moscow: IRC. (In Russ.)
- Inglehart R.F. (2019) *Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World*. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2015a) Current theoretical and methodological aspects of Russian modernization studies. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 5–10. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2015b) Distances between the states of modernization of macro-regions of Russia and their civilizational meanings. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. No. 5: 61–71. (In Russ.)

- Lapin N.I. (2015b) Fundamental values of civilizational choice in the 21st century. Part I. Human civilization before choosing the configuration of fundamental values. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 4: 3–15. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2018) Hybrid transit and the need for “modernization for all”. *Vestnik Instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 27: 105–136. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.542. (In Russ.)
- Lapkin V.V. (2022) Socio-political dynamics of the era of the global crisis: civilizational background. *Polis. Politicheskije issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 6: 135–150. (In Russ.)
- Mironov B.N. (2018) Modernization of Russia in the XVIII–XX centuries as a convergence project. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 91–103. (In Russ.)
- Pantin V.I., Lapkin V.V. (1998) Waves of political modernization in the history of Russia (Discussing a hypothesis). *Polis. Politicheskije issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 2: 39–51. (In Russ.)
- Parsons T. (1998) *The system of modern societies*. Moscow: Aspect-Press. (In Russ.)
- Prozorova Yu.A. (2022) Democracy and Soviet Modernity. *Neprikosnovenniy zapas* [Emergency reserve]. No. 1 (141): 131–162. (In Russ.)
- Ritzer G. (2003) *Globalization of Nothing*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Rodkin P.E. (2022) “Break Culture” and Consumer Society in the Context of McDonald’s Exit from Russia. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’* [Social sciences and modernity]. No. 6: 125–136. (In Russ.)
- Romanovsky N.V., Biyzhanova E.K. (2022) Theoretical sociology in Russia: state, problems, prospects (About XXIII Kharchev readings). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 143–145. (In Russ.)
- Russia as a civilization: materials for reflection* (2015). Ed. by O.I. Shkaratan, V.N. Leksin, G.A. Yastrebov. Moscow: Mir Rossii. (In Russ.)
- Russian Society: Architectonics of Civilizational Development*. (2021) Ed. by V.V. Kozlovsky. Moscow; St. Petersburg: FNISTS RAN. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-375-1.2021. (In Russ.)
- Sakva R. (2023) Hazing international relations. *Rossiya v global’noy politike* [Russia in global politics]. Vol. 21. No. 1 (119): 34–50. (In Russ.)
- Shestopal E.B., Rogach N.N. (2022) Images of the Present and Future of Russia in the Political Mentality of Its Citizens. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’* [Social sciences and modernity]. No. 6: 45–61. (In Russ.)
- Shubrt I. (2021) Thoughts on modern Russian sociology and its prospects. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 5–15. (In Russ.)
- Sokolov M.M. (2010) Individual trajectories and the origin of “natural zones” in St. Petersburg sociology. *Zhurnal sotziologii i sotsial’noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 3: 111–132. (In Russ.)
- Sztompka P. (1993) *The Sociology of Social Change*, Oxford: Wiley-Blackwell.
- Titarenko L.G. (2022) Theoretical sociology in modern Russia: global and national perspectives. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 3–14. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2020) The trauma society as the third development modality. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya* [Journal of the Belarusian State University. Sociology]. No. 1: 4–12. (In Russ.)
- Toynbee A.J. (2004) Philosophy of History of Sorokin. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 1–44. (In Russ.)
- Turner St. P. (2022) *Mad Hazard: a Life in Social Theory*. Bingley, UK: Emerald Publishing.
- Wagner P. (2022) Progress and modernity: the problem with autonomy. *Zhurnal sotziologii i sotsial’noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 25 (2): 7–27. (In Russ.)
- Wallerstein I.M. (2001) *The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-first Century*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.

Received: 28.02.23. Final version: 06.04.23. Accepted: 13.04.23.

Методология и методы социологических исследований

© 2023 г.

А.Ю. МЯГКОВ

КАК ПОЛУЧИТЬ ПРАВДИВЫЕ ОТВЕТЫ В СЕНСИТИВНОМ ИССЛЕДОВАНИИ (О методическом потенциале номинативной техники)

МЯГКОВ Александр Юрьевич – доктор социологических наук, профессор кафедры «История, философия и право» Ивановского государственного энергетического университета имени В.И. Ленина, Иваново, Россия (myagkov@rambler.ru).

Аннотация. Даны описание и анализ номинативной техники – малоизвестного в российской социологии метода сбора данных, специально предназначенного для нейтрализации социальной желательности и стимулирования искренних ответов респондентов в сенситивных (посвященных деликатным темам) исследованиях. Анализируются теоретические истоки и методологические основания номинативной техники. Дается подробное описание двух основных версий анализируемой техники – ранней, представленной методикой «трех самых близких друзей респондента», предложенной в 1970-е гг. М. Сиркеном, и более поздней, разработанной Дж. Миллер в середине 1980-х гг. с учетом объема и глубины социальных сетей опрашиваемых, а также сведений о девиантности «значимых других». Показаны организационно-технические и методические особенности этих версий. Представлены способы статистической оценки степени распространенности изучаемых видов социальных девиаций для обеих описанных моделей. Приводятся результаты специальных исследований, позволяющие судить о возможностях, ограничениях и условиях надежного применения номинативной техники. Подчеркивается особая важность ее использования при изучении труднодоступных девиантных групп и «закрытых сообществ».

Ключевые слова: номинативная техника • сенситивные исследования • косвенные опросные техники • теневая выборка • искренность ответов респондента • социальная желательность • валидность данных

DOI: 10.31857/S013216250025795-7

Постановка проблемы. Исследователи, работающие в различных областях социальной науки и практики, испытывают сегодня растущую потребность в получении самой различной сенситивной информации. С респондентами все чаще обсуждаются такие деликатные для опрашиваемых вопросы и темы, которые еще пару десятилетий тому назад считались неудобными или даже совсем неприличными, выносились за рамки публичного дискурса. Между тем важная функция сенситивных исследований состоит в том, что они нередко вскрывают «острейшие социальные и политические проблемы» [Sieber, Stanley, 1988: 55] и «освещают самые темные уголки современных обществ» [Lee, 1993: 2]. В фокусе внимания исследователей сегодня находятся не только «старые», ставшие уже традиционными вопросы (например, употребление алкоголя и наркотиков, рискованное сексуальное

поведение и коррупция), но и темы, недавно открывшиеся в новых и совершенно неожиданных проблемно-тематических областях: потребление услуг косметической хирургии [Langer, Beckmann, 2005], употребление допинга профессиональными спортсменами [Pitsch, Emrich, 2012], отношение к войне на Донбассе [Pechenkina et al., 2018] и др.

Социологи давно пытались найти «путь к правде», предлагая различные методы, приемы и процедуры для получения искренних ответов респондентов в сенситивных исследованиях. Однако практика их применения неизменно убеждала исследователей в том, что идеальных методов решения этой проблемы не существует, все они так или иначе имеют не только достоинства, но и недостатки.

Устные (письменные) напоминания об анонимности, с которыми социологи долгое время связывали большие надежды, в реальных полевых условиях продемонстрировали низкую эффективность. Многие респонденты, как показали специальные эксперименты, не воспринимают их как повод для откровений с незнакомцем, а считают лишь простым проявлением вежливости со стороны интервьюеров и данью этическим нормам проведения интервью [Rasinski et al., 1999: 465–466]. Более того, декларативные гарантии конфиденциальности опроса, по мнению некоторых авторов, лишь усугубляют проблему искренности, выполняя роль «тревожного колокольчика», сигнализирующего респондентам об опасности честного самораскрытия и провоцирующего настороженность и подозрительность со стороны опрашиваемых [John, 2018: 101].

Малоэффективными в конечном счете были признаны и приемы «проекции» и «рутинизации» девиантного поведения, предложенные в свое время в качестве средств профилактики неискренности (см., напр.: [Haire, 1950]). Как выяснилось в результате специальных экспериментов, они не только не снижают субъективную сенситивность задаваемых вопросов, но, наоборот, усиливают ее в силу повышенного внимания к обсуждаемой деликатной теме и ее актуализации в сознании респондентов [Мягков, 2018: 38–41; Peter, Valkenburg, 2011].

Модели рандомизированного ответа (RRT), считавшиеся в 1960–1970-е гг. чуть ли не панацеей от всех проблем, связанных с деликатными вопросами, также оказались не столь совершенными, как поначалу ожидали исследователи. Многие из них, как выяснилось, страдают дефицитом доверия и легитимности у респондентов, поскольку нередко воспринимаются как странная игра, похожая на мошенничество, что неизбежно приводит к нейтрализации заложенного в этих моделях эвристического потенциала. Дополнительная когнитивная нагрузка на респондентов, связанная с механизмами рандомизации и непростыми, часто запутанными заданиями, предлагаемыми опрашиваемым, негативно сказывается не только на восприятии метода, но и на валидности итоговых данных. Модели RRT, как отмечают некоторые авторы, считают трудными для понимания даже высокообразованные респонденты [Jerke et al., 2019]. Высокая дисперсия – еще один неприятный недостаток практически всех моделей RRT¹.

Техника непарных чисел (UCT), явившаяся альтернативой RRT, для своего эффективного применения требует больших по объему (и случайных по природе) выборок, сокращение которых чревато резким увеличением ошибок и возникновением дополнительного статистического шума. Кроме того, многотысячные выборки нелегким бременем ложатся на бюджеты исследований, растягивают время их проведения.

Осознание ограниченности прежних методов, ранее казавшихся чуть ли не идеальными, мотивировало ученых и практиков к поиску новых методических подходов к изучению сенситивного поведения. Одним из них является так называемая номинативная техника. Это – один из самых редко используемых в массовой социологической практике и малоизученных методов сбора данных, предназначенных для получения надежных

¹ По данным Дж. Миллер и И. Цисин, в оценках, получаемых посредством RRT, дисперсия оказывается как минимум в четыре раза выше, чем в соответствующих результатах, собираемых традиционными методами [Miller, 1985: 106].

оценок поведения, которое люди склонны скрывать или искажать при прямых опросах в сенситивных исследованиях. Она появилась позднее многих других косвенных приемов и процедур как естественная методологическая реакция на слабости прежних методов работы с сенситивной проблематикой.

Сущность метода, его истоки и основные версии. Номинативная техника ведет свое происхождение от «методов множественности», разработанных в середине 1960-х гг. М. Сиркеном и его коллегами для изучения частоты редких случаев, происходящих со здоровьем людей. Первоначально «техника множественности» использовалась для получения оценок заболеваемости диабетом, а также степени недоучета числа рождений и смертей в США [Sirken, 1975]. Однако позднее М. Сиркен показал, что данная техника, опирающаяся на информацию о номинируемых других (т.е. о характеристике респондентом других людей), может быть использована и при изучении более широкого круга сенситивных вопросов и тем [Sirken, 1998: 1–6].

Данная методология основана на генерации «теневой выборки»² из числа тех людей, которые имеют некоторые редкие признаки или проявляют какое-либо редкое поведение, и последующем их опросе на предмет наличия этих признаков, но не у них самих, а у их близких родственников или друзей. Поскольку некоторые члены теневой выборки могут таким образом быть «опрошены» более чем один раз при использовании этой процедуры, необходимо получить дополнительные сведения, чтобы определить веса, которые бы компенсировали вероятность многократного учета одних и тех же людей.

Существуют две основные методические версии номинативной техники: ранняя, разработанная в начале 1970-х гг. М. Сиркеном и получившая название методики «трех самых близких друзей респондента», и более поздняя, предложенная в начале 1980-х гг. Дж. Миллер в ее докторской диссертации, посвященной оценке распространенности героиновой зависимости среди населения США [Miller, 1984]. Именно эту версию большинство авторов и называют сегодня «номинативной техникой» [Chaudhury, Christofides, 2013: 129], хотя данное название часто относят и к методике М. Сиркена, а также к ее квазиверсиям (см., напр.: [Lee, 1993: 86–87; Trotter, Medina-Mora, 2000: 103]).

Суть ранней версии М. Сиркена состоит в следующем. Испытуемых просят ответить на вопрос: «Вспомните, пожалуйста, трех своих самых близких друзей, не называя их фамилий. Сколько из них, по вашему мнению, когда-либо курили марихуану?» (варианты ответа: «ни одного», «один», «двое», «трое»). По результатам исследования оценочная доля девиантов вычисляется как средняя арифметическая взвешенная от числа всех полученных ответов, нормированная с учетом утроенного объема выборки (т.е. деленная на три) [Sirken, 1975; 2002: 3264–3267].

Предположение о большей эффективности данного метода базировалось на двух априорных допущениях. Во-первых, автор полагал, что респонденты будут отвечать на этот вопрос с предельной откровенностью, не опасаясь навредить своим друзьям, в силу абсолютной анонимности фигурирующих в беседе людей и полной невозможности их идентификации. Это обстоятельство должно способствовать максимальному снижению числа «недосообщений» (преуменьшений) и получению истинных оценок масштабов сенситивного поведения. Во-вторых, считалось, что опрашиваемые вполне в состоянии быть «достоверными информантами», поскольку им многое доподлинно известно об образе жизни и привычках своих друзей (см.: [Мягков, 2012: 205; 2018: 45–46]).

Между тем сведения об эффективности методики М. Сиркена и опыте ее практического применения, имеющиеся в зарубежной литературе, весьма ограничены. Известно лишь, что первые испытания нового метода, предпринятые самим автором в рамках Мичиганского исследования по проблемам наркопотребления (1974), не дали убедительных свидетельств о его преимуществах по сравнению с традиционными личными вопросами: обнаруженные различия в пользу этого подхода были крайне незначительными

² «Теневую выборку» статистики нередко называют также «сетевой выборкой» [Levy, 1977: 963].

и варьировали от 3,1 до 3,9 п.п. [Bradburn, Sudman, 1979: 148; Sirken, 1998: 4]. Противоречивые данные были получены и в работе Н. Брэдберна и С. Садмана, также использовавших раннюю версию номинативной техники для оценки уровней употребления алкоголя и марихуаны [Bradburn, Sudman, 1979: 149–150].

Вместе с тем критики данного подхода обратили внимание на слабость некоторых его базовых предпосылок. В ряде работ отмечалось, в частности, что версия М. Сиркена, равно как и ее некоторые упрощенные модификации³, опирается на ряд непроверенных (а возможно, и ошибочных) допущений. В частности, авторы и сторонники данной техники исходят из предположения, что девианты и недевианты имеют одинаковое число друзей, и что все респонденты доподлинно знают, причастны ли их друзья к обсуждаемой в опросе форме отклоняющегося поведения. Однако эти допущения сомнительны и нуждаются, как минимум, в серьезной эмпирической проверке. К тому же данная версия не учитывает, что респонденты с их пересекающимися социальными сетями могут сообщать исследователям о ненормативном поведении одних и тех же друзей, что неизбежно ведет к искажению оценок распространенности изучаемых девиаций.

Учитывая эти соображения, американская исследовательница Дж. Миллер в 1984 г. предложила усовершенствованную версию номинативной техники, также предназначенную для получения косвенных оценок степени распространенности социально неодобряемого, нелегального и/или нравственно несанкционированного поведения. В специальной литературе разработанная Дж. Миллер процедура, с ее слов, получила название номинативной техники⁴. В статистическом плане данная версия также опирается на теорию и практику «теневых» («сетевых») выборок М. Сиркена⁵, а в психологическом отношении – на хорошо фундированную концепцию атрибутивной асимметрии, согласно которой люди более охотно сообщают о предосудительном поведении других, нежели о девиациях в собственном поведении [Miller, 1985: 106, 112; 120; Chen et al., 2021: 2]. Главное назначение этой версии номинативной техники состоит в том, чтобы минимизировать отрицание респондентами их причастности к социально нежелательным видам поведения.

Так же как и предыдущая версия метода, техника Дж. Миллер предполагает получение ответа респондента не о его собственном поведении, а о поведении других людей, которых он знает. Тем самым она полностью исключает использование прямого вопроса о причастности опрашиваемого к определенному виду сенситивного поведения. Референтной группой для этой техники также выступают близкие друзья респондентов. Однако, в отличие от аутентичной методики М. Сиркена, вновь предложенная номинативная техника (или ее новый вариант) предполагает последовательное предъявление опрашиваемым не одного, а двух взаимосвязанных вопросов. При этом автор исходит из следующего положения: если каждый участник опроса сообщает исследователю число (0, 1, 2, 3...) близких друзей, употребляющих героин, тогда с соответствующей коррекцией, учитывающей возможность дублирования, можно получить точную оценку доли потребителей героина среди населения.

С этой целью респондентам в исследовании задаются следующие два ключевых вопроса [Miller, 1985: 107].

³ С. Садмен и его коллеги задавали респондентам упрощенный вопрос: «Сколько человек из числа ваших друзей употребляют героин?». Для получения оценки распространенности наркозависимости в изучаемом сообществе авторами использовалась процедура простого усреднения чисел, полученных от респондентов в качестве ответов [Sudman et al., 1977].

⁴ Любопытно, кстати, что Дж. Миллер не считала принципиальным различие понятий «техника» и «метод». В своих работах она называет представляемую ею новую методическую процедуру в одних случаях «номинативной техникой», а в других – «номинативным методом» [Miller, 1985: 104–106]. Аналогичным образом поступают и некоторые другие зарубежные авторы [Trotter, Medina-Mora, 2000: 103; Tourangeau, Yan, 2007: 873].

⁵ «Номинативную методологию, – пишут по этому поводу А. Чаудхури и Т. Христофидес, – можно считать применением сетевой выборки» [Chaudhury, Christofides, 2013: 129].

1) «О скольких ваших близких друзьях вам доподлинно известно, что они когда-либо употребляли героин? Просто подсчитайте тех, о которых вы точно знаете, что они его употребляли».

Если ответ равен или больше 1, тогда о каждом из употребляющих героин друзей респондента задается второй вопрос.

2) «Сколько других близких друзей этого человека (кроме вас) знают, что он (или она) употребляет героин?».

Информация, собираемая с помощью второго вопроса, дает возможность исследователю определить соответствующий «вес» для коррекции дубликации. Этот вес, по Дж. Миллер, есть инверсия общего числа людей в населении, которые могут сказать, что они употребляют героин. Его показатель позволяет скорректировать тот факт, что потребитель героина может быть назван двумя, тремя, четырьмя и более близкими друзьями респондента [Miller, 1985: 108].

Поскольку каждый потребитель героина с учетом социальных сетей может быть известен нескольким респондентам, а с другой стороны, каждый респондент может сообщать о нескольких потребителях, то с практической точки зрения очень неудобно задавать второй вопрос о каждом наркозависимом человеке, известном респонденту, в отдельности. Не исключено, что таких вопросов придется задать много, а опрос при этом станет громоздким, что приведет к разрушению динамического характера коммуникации. Поэтому, если респондент сообщает, что он знает двух и более потребителей героина, ему предлагают мысленно (или по специальной схеме) выбрать одного из них случайным путем и после этого ответить на второй вопрос исследования [Miller, 1985: 110, 123–124].

Учитывая эти общеметодологические соображения и статистическую логику номинативного метода, доля лиц с сенситивным поведением в несколько упрощенном виде может быть рассчитана как частное от деления числа друзей респондентов, причастных к сенситивному поведению, на число людей, знающих об этой причастности (по сумме оценок, полученных для каждого респондента в отдельности) [Miller, 1985: 119–120; Davis et al., 2022: 285]⁶.

Зарубежный исследовательский опыт. В отличие от методов рандомизированного ответа (RRT) и техники «непарных чисел» (UCT), валидность и надежность которых в западной социологии тестировались многие десятки и, возможно даже, сотни раз, работ, посвященных эмпирической апробации и методическому анализу номинативной техники, в современной научной литературе сравнительно немного⁷.

Рассмотрим результаты некоторых, наиболее интересных, на наш взгляд, исследований по применению и опытной проверке эффективности этого относительно нового и многообещающего методологического подхода к изучению сенситивной проблематики. Это важно для понимания и оценки аналитического потенциала данного метода, его измерительных возможностей и ограничений.

Первые тестовые испытания номинативной техники на предмет ее валидности и статистической эффективности проводились Дж. Миллер в ходе трех общенациональных опросов американских домохозяйств, предпринятых в 1977, 1979 и 1982 гг. и посвященных оценке масштабов распространения героиновой зависимости среди американской

⁶ Статистическая логика и развернутый математический аппарат для получения несмещенных номинативных оценок с учетом дубликаций номинантов подробно представлены в работах Дж. Миллер [Miller, 1985], а также А. Чаудхури и Т. Христофидеса [Chaudhuri, 2010; Chaudhury, Christofides, 2013].

⁷ Российская исследовательская практика знает несколько успешных случаев применения номинативной техники в версии М. Сиркена, опирающейся на вопрос о «трех самых близких друзьях респондентов». Она, в частности, использовалась для оценки распространенности наркомании среди городской молодежи, бытовой и деловой коррупции в одном из российских регионов, проявлений молодежного экстремизма и иных видов социальных девиаций (см. об этом: [Мягков, 2015: 148; 2018: 46]). Однако все эти исследования носили ограниченный характер: были локальными по своим масштабам, выполнялись в тестовом (апробационном) режиме и, как правило, на небольших по объему студенческих выборках.

молодежи. Результаты этих исследований оказались весьма оптимистичными. По сообщению автора, во всех трех опросах номинативные оценки наркопотребления значительно (от 1,5 до 7,5 раза) превышали соответствующие показатели, полученные по самоотчетам респондентов. При этом превышения наблюдались в обеих гендерных группах и во всех возрастных когортах опрошенных [Miller, 1985: 113–115]. В результате Дж. Миллер приходит к выводу, что номинативная техника – «статистически обоснованный метод получения косвенных оценок девиантного поведения» [Miller, 1985: 104], хотя некоторые его аспекты нуждаются в дополнительной эмпирической проверке.

Об успешном применении номинативной техники сообщают также Э. Дэвис и ее коллеги. В их исследовании в 2017 г. среди жителей Камбоджи ($N = 1937$) метод тестировался на материале весьма деликатной, как считалось, для местного населения темы, связанной с нелегальным истреблением азиатских медведей и использованием их частей (прежде всего мяса и желчи) в медицинских, пищевых или коммерческих целях. Номинативные данные сравнивались с результатами опросов, полученных посредством RRT, техники непарных чисел (UCT) и традиционного личного интервью [Davis et al., 2019: 2].

Проведенное исследование показало, что номинативный подход проявил себя с самой лучшей стороны, продемонстрировав наивысший уровень надежности и достоверности при измерении масштабов контрнормативного поведения по сравнению со всеми прочими применявшимися методами. Оценочная доля нелегальных потребителей медвежьих дериватов среди опрошенных в режиме номинативной техники оказалась самой высокой – 27,8%, в то время как для UCT она составила 15,2%, для персонального интервью – 7,8%, а для RRT – всего 2,3% [Davis et al., 2019: 10].

Между тем более позднее исследование Э. Дэвис и ее соавторов, проведенное в 2019 г. в Лаосе ($N = 179$), не подтвердило сделанный ранее вывод о явных преимуществах тестируемого метода. Домашнее потребление медвежьих дериватов в ходе обычных персональных интервью признали 23,5% опрошенных, в то время как номинативные оценки оказались в два раза ниже – 11,3% [Davis et al., 2022: 286]. Анализ полученных данных, проведенный авторами, показал, что неудача номинативной техники связана, прежде всего, с особенностями восприятия изучаемой темы респондентами и спецификой социальных отношений в лаосском обществе. Бытовое потребление продуктов дикой природы в Лаосе имеет широкое распространение среди населения и не стигматизировано в массовом сознании. Многие эксперты объясняют это мягкостью существующих в стране законов о браконьерстве и слабостью практики их применения. Поэтому сама тема исследования в данном случае не воспринималась многими опрашиваемыми как «ужасная» и не вызывала у них желания скрыть или исказить свои истинные ответы [Davis et al., 2022: 286]. Высокая степень сенситивности обсуждаемых в опросе видов поведения, по мнению авторов исследования, – главное условие эффективного применения номинативной техники.

Возможно и еще одно, на первый взгляд, чисто математическое, хотя по сути глубоко социальное, объяснение полученных авторами парадоксальных результатов. Низкие номинативные оценки могут также отражать тот факт, что опрашиваемые знают относительно небольшое число друзей и родственников, потребляющих браконьерскую продукцию, но при этом сообщают о большом числе знакомых, которым известно о ее потреблении их номинируемыми друзьями или членами их семей, что еще раз свидетельствует об открытости данного вида поведения и деятельности в сельских общинах Лаоса. Это, как считают авторы исследования, подтверждает также предположение, что использование нелегально добытых продуктов дикой природы находится под прямым влиянием социальных групп. Социальная группа выступает, таким образом, своего рода мотиватором, поддерживающим незаконное потребление [Davis et al., 2022: 286].

Весьма проблематичными можно считать результаты, полученные в исследовании С. Йетман и Дж. Тринитаполи, интервьюировавших в 2009 г. в одной из южных провинций Республики Малави молодых женщин в возрасте от 15 до 25 лет ($N = 1493$) по вопросам, касающимся рискованного сексуального поведения. Особенность данного исследования

состояла в том, что для сбора данных под брендом номинативной техники авторы использовали усеченный вариант методики М. Сиркена, лишь внешне напоминавший номинативную методологию и предполагавший постановку как личных вопросов о сексуальном поведении самих опрашиваемых женщин, так и вопросов о соответствующем поведении их лучших подруг с последующим сопоставлением полученных ответов [Yeatmen, Trinitapoli, 2011: 1666].

Анализ собранных данных показал, что применение квазиверсии номинативной техники заметно повысило оценки распространенности стигматизированных видов поведения по сравнению с самоотчетами отвечавших. Так, на вопрос о сексуальных контактах за последний год утвердительно ответили, говоря о себе, 61,3% женщин, опрошенных в режиме обычного интервью, в то время как на тот же вопрос о лучшей подруге уже более 72% респондентов дали положительные ответы. Лишь очень немногие женщины (1,7%) признали, что они имели более одного сексуального партнера за последний год. Между тем, когда тот же вопрос был задан относительно подруг, доля утвердительных ответов многократно возросла (до 20,3%). На вопросы о прошлых беременностях лишь 0,4% респондентов-женщин ответили, что они когда-либо в жизни делали аборт, но при этом 7,6% из числа опрошенных сообщили, что абсолютно точно знают, что их лучшие подруги прерывали беременность [Yeatmen, Trinitapoli, 2011: 1666].

Между тем, как отмечают авторы, номинативная техника не решает всех проблем, связанных с предъявлением опрашиваемым сенситивных вопросов. Она может оказаться недостаточно эффективной при изучении таких видов поведения, которые не обсуждаются даже с близкими друзьями. Поэтому, несмотря на положительные результаты апробации метода, необходимо проведение дальнейших исследований по установлению его валидности как на индивидуальном, так и на общепопуляционном уровне.

Достоинства и недостатки номинативной техники. Результаты специальных апробационных исследований, проведенных за последние годы, свидетельствуют, таким образом, что данная методическая процедура имеет несколько *явных преимуществ* перед многими другими методами, использующими как прямые, так и косвенные оценки девиантного поведения.

Во-первых, поскольку информация собирается о номинируемых, но не идентифицируемых других, то соблюдается анонимность и респондентов, и номинантов. Это в свою очередь способствует ослаблению страхов и опасений, чувства угрозы, тревоги, смущения и т.д., связанных с предъявлением сенситивных вопросов, и, как следствие, ведет к сокращению уровня преумножений в ответах, касающихся обсуждаемого девиантного поведения. Ненавязчивость, невмешательство во внутренний мир респондентов и способность обеспечить достоверные результаты, максимально приближенные к истинным, – главные преимущества номинативного подхода.

Во-вторых, эта техника позволяет увеличивать фактический объем выборки за счет так называемых «теневых» респондентов, перечисляемых, но не идентифицируемых в ходе опроса. Одним из важных последствий этого, особенно когда исследуемая характеристика является довольно распространенной, может быть сокращение ошибки выборки по сравнению с тем, если бы опрос проводился с использованием прямых методов [Fishburne, 1980: 81–82].

В-третьих, при массовых обследованиях номинативная техника потенциально обеспечивает более полный охват населения, поскольку у тех, кого чаще всего пропускают при опросах домохозяйств, появляется возможность быть учтенными в теневой выборке⁸. Возможность получения информации о труднодостижимых (и при этом часто девиантных) группах – важное преимущество данной техники [Miller, 1985: 104, 106].

⁸ Общеизвестно, например, что в национальных исследованиях в выборку реже других категорий попадают студенты, проживающие в общежитиях, военные, находящиеся в воинских частях, заключенные в тюрьмах, люди, лежащие в больницах, и т.п., не говоря уже о бомжах. При проведении опросов, в которых единицами отбора выступают домохозяйства, эти группы населения вообще оказываются за пределами выборки и последующего изучения.

В-четвертых, при использовании номинативной техники исследователю не требуется хранить информацию о потенциально инкриминируемых индивидах, которая при неблагоприятных обстоятельствах могла бы попасть в чужие руки и стать объектом для легального преследования⁹ [Fishburne, 1980: 82].

Вместе с тем, как показывают исследования, данная методическая процедура – отнюдь не панацея для решения всех проблем, связанных с получением сенситивной информации, у нее есть свои *недостатки и ограничения*.

Номинативная техника может оказаться малополезной при изучении особо личных или интимных видов деятельности (таких, например, как сексуальное поведение), где объемом знаний, доступных посторонним людям (включая даже самых близких друзей), сильно ограничен. Несмотря на оптимистические результаты некоторых исследований [Yeatmen, Trinitapoli, 2011], сомнения в эффективности этой техники при изучении интимных тем по-прежнему остаются, поскольку в подобных случаях люди вряд ли могут выступать в роли достоверных информантов относительно третьих лиц. Но даже если респонденты примут роль информантов, цена их ответов может оказаться ничтожной, а возникающие в связи с этим систематические тенденции к преувеличению и/или преуменьшению действий «значимых других» могут быть весьма сильными и привести к серьезным искажениям исследовательских результатов [Fishburne, 1980: 72–73].

Кроме того, поскольку самой номинативной процедурой предусмотрена возможность неоднократного учета одних и тех же людей, эта техника не может работать без надежных данных о включенности респондентов в систему социальных сетей и отношений, отсутствие которых делает невозможной процедуру перевзвешивания.

Главными условиями валидности номинативной техники являются точность сообщений участников опроса, а также их желание и возможность предоставить информацию о других близких членах сообщества [Chaudhury, Christofides, 2013: 129]. Между тем, как показывают специальные методические исследования, от 15 до 20% респондентов, ответивших на первый вопрос, при ответе на второй вопрос номинативной пары не могут оценить число других друзей, которые знают о девиантном поведении номинанта [Droitcour et al., 1991: 188]. Для этой группы опрашиваемых требуется процедура импутации (восстановления) данных на аналитической стадии исследования. Однако в этом случае точность ответов оказывается сомнительной и, как считают специалисты, возникает опасение, что номинативный подход может производить преувеличенные оценки девиантности [Miller, 1985: 109, 115].

Основные выводы. Несмотря на крайне ограниченное число экспериментальных работ по оценке эффективности номинативной техники, имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют заключить, что этот метод является весьма надежным инструментом для оценки масштабов социально несанкционированных видов поведения. Он успешно предотвращает преуменьшения, вызываемые социальной желательностью и являющиеся камнем преткновения для традиционных прямых опросов. Кроме того, метод экономичен и хорошо исполним, что весьма немаловажно для его позитивного восприятия респондентами.

Вместе с тем, как свидетельствуют исследования, номинативную технику невозможно автоматически использовать при изучении любых тем или контекстов. Она может успешно применяться только после предварительного тестирования и при наличии нескольких условий.

1) *Сенситивный характер оцениваемого поведения.* Если респонденты не воспринимают заявленную в опросе тему как стигматизированную, а обсуждаемое поведение, несмотря на его девиантный характер, имеет широкое распространение в обществе и считается естественным и нормальным, тогда данная техника, как свидетельствует опыт

⁹ Протокол «информированного согласия» включает в себя в качестве одного из обязательных требований к организаторам опросов обеспечить надежное хранение файлов со всеми результатами и данными исследования, включая всю собранную информацию об опрашиваемых и их идентификаторы. Это накладывает на социологов известную моральную и правовую ответственность, связанную с сохранностью собираемых данных о респондентах [Informed Consent Templates].

лаосского исследования [Davis et al., 2022: 286], не сможет выполнять свое главное предназначение и не даст ожидаемых результатов.

2) *Устойчивые и разветвленные социальные сети.* Исследования показывают, что номинативная техника демонстрирует успешность в тех случаях, когда она применяется в сообществах с разветвленными сетями социальных отношений, когда люди многое знают о жизни и поведении не только своего ближайшего, но и весьма отдаленного окружения. И, наоборот, в сообществах, где доминируют исключительно реципрокные отношения, социальные сети заужены, внутренние коммуникации ослаблены, и где, говоря словами П. Фишберн, имеется много «социальных изолянтов» [Fishburne, 1980: 72–73], там данный подход оказывается бессилем против систематических смещений, связанных с эффектами социальной желательности [St. John et al., 2010].

3) Не только сами респонденты, но и их *референтные группы* должны быть хорошо осведомлены об обсуждаемом в исследовании образе жизни и поведении своих членов. При этом они *должны быть готовы и иметь желание* сообщить об этом исследователям [Fishburne, 1980: 220].

Если надежность и эффективность номинативной техники в версиях М. Сиркена и Дж. Миллер в целом не вызывают сомнений, то так называемая «методика лучших друзей респондентов», использованная, в частности, в исследовании С. Йетман и Дж. Тринитаполи, без тщательной экспериментальной проверки не может быть рекомендована к использованию в исследовательских целях. Эта «квазиверсия» номинативного подхода является, на наш взгляд, весьма сомнительной, поскольку имеет один существенный изъян. Предъявление респондентам личного вопроса и вопроса о девиациях друзей (подруг) неизбежно вызывает эффект атрибутивной асимметрии, суть которого в том, что люди обычно склонны приписывать себе социально ценные, значимые качества, а другим – те или иные формы девиантности и социально несанкционированного поведения [Моин, 1991]¹⁰. Поэтому вполне правомерно предположить, что факт превышения номинативных оценок над обычными самоотчетами, который авторы исследования интерпретируют как успех метода, может быть как результатом инновативных свойств и характеристик используемой методической процедуры, так и следствием эффекта «смещающей атрибуции». Если это действительно так, то не исключено, что ответы респондентов о поведении их друзей представляют собой некую неразличимую смесь истинных (реальных) показателей изучаемого поведения и его субъективных оценок, искаженных «атрибутивной предвзятостью». Для полной уверенности в статистической эффективности этой модели целесообразно проведение экспериментальных испытаний по оценке влияния асимметрии приписывания на результаты сенситивного исследования. До получения однозначных результатов этих экспериментов вывод о превосходстве данной квазиверсии номинативной техники следует считать преждевременным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Моин В.Б. Асимметрия приписывания в социологических опросах // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 40–52. [Moin V.B. (1991) Attribution asymmetry in sociological surveys. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 40–52. (In Russ.)]
- Мягков А.Ю. Искренность респондентов в сенситивных опросах: методы диагностики и стимулирования. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Вариант, 2012. [Myagkov A.Yu. (2012) *Sincerity of the Respondents in Sensitive Surveys: Diagnostic and Stimulation Methods*. 2nd ed., fix. and add. Moscow: Variant. (In Russ.)]
- Мягков А.Ю. Стимулирование искренних ответов респондентов в опросных исследованиях: Вопросы методологии и методов. Иваново: ИГЭУ, 2018. [Myagkov A.Yu. (2018) *Stimulating the Sincere*

¹⁰ У. Гарднер и его соавторы сообщают, например, что опрошенные ими ученые почти в четыре раза чаще (17,4%) говорили о случаях нарушений академической этики другими их коллегами, чем признавались в собственных этических нарушениях (4,7%) [Gardner et al., 2005].

- Answers of Respondents in Survey Research: Methodology and Methods Questions*. Ivanovo: IGEU. (In Russ.)]
- Мягков А.Ю. Об одном методе оценки масштабов девиантного поведения // Специфика профессиональной деятельности социальных работников / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: НИСОЦ, 2015. С. 147–150. [Myagkov A.Yu. (2015) About One Method of Evaluation of the Extent of Deviant Behavior. *The Specificity of the Professional Activity of Social Workers*. Gen. ed. by Z.Kh. Saraliev. Nizhny Novgorod: NISOTS. (In Russ.)]
- Bradburn N.M., Sudman S. (1979) *Improving Interview Method and Questionnaire Design*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Chaudhuri A. (2010) *Randomized Response and Indirect Questioning Techniques in Surveys*. Boca Raton, FL: Chapman & Hall/CRC Taylor and Francis Group.
- Chaudhuri A., Christofides T.C. (2013) *Indirect Questioning in Sample Surveys*. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag.
- Chen S., Lu X., Liljeros F. et al. (2021) Indirect Inference of Sensitive Variables with Peer Network Survey. *Journal of Complex Networks*. Vol. 9. No. 6: 1–15. URL: <https://academic.oup.com/comnet/article-abstract/9/6/cnab034/6420764> (accessed 13.02.2023).
- Davis E.O., Crudge B., Glikman J.A. (2022) The Nominative Technique: A Simple Tool of Assessing Illegal Wildlife Consumption. *Oryx*. Vol. 56. No. 2: 284–287.
- Davis E.O., Crudge B., Lim T. et al. (2019) Understanding the Prevalence of Bear Part Consumption in Cambodia: A Comparison of Specialized Questioning Techniques. *PLOS ONE*. Vol. 14. No. 2: 1–17. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0211544> (accessed 18.10.2022).
- Davis E.O., Glikman J.A. (2020) An Assessment of Wildlife Use by Northern Laos Nationals. *Animals*. Vol. 10. No. 685: 1–13.
- Droitcour J.A., Caspar R., Hubbard M.L. (1991) The Item Count Technique as a Method of Indirect Questioning: A Review of Its Development and a Case Study Application. In: *Measurement Errors in Surveys*. Ed. by P.P. Biemer, R.M. Groves, L.E. Lyberg et al. New York: John Wiley & Sons, INC: 185–210.
- Fishburne P.M. (1980) *Survey Technique for Studying Threatening Topics: A Case Study on the Use of Heroine*. Doctoral Dissertation. New York: New York University.
- Gardner W., Lids C.W., Hartwig K.C. (2005) Authors' Reports About Research Integrity Problems in Clinical Trials. *Contemporary Clinical Trials*. Vol. 26. No. 2: 244–251.
- Haire M. (1950) Projective Techniques in Marketing Research. *Journal of Marketing*. Vol. 14. No. 5: 649–656.
- Informed Consent Templates. URL: <https://www.compliance.iastate.edu/com-mittees/irb/informed-consent-templates> (accessed 10.02.2023).
- Jerke J., Johann D., Rauhut H. et al. (2019) Too Sophisticated Even for Highly Educated Survey Respondents? A qualitative Assessment of Indirect Question Formats for Sensitive Questions. *Survey Research Methods*. Vol. 13. No. 3: 319–351.
- John L.K., Loewenstein G., Acquisti A. et al. (2018) When and Why Randomized Response Techniques (Fail to) Elicit the Truth. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 148. No. 1: 101–123.
- Langer R., Beckmann S. (2005) Sensitive Research Topics: Netnography Revisited. *Qualitative Market Research*. Vol. 8. No. 2: 189–203.
- Lee R.M. (1993) *Doing Research on Sensitive Topics*. London: Sage.
- Levy P.S. (1977) Estimation of Rare Events by Simple Cluster Sampling With Multiplicity. *Proceedings of the Social Statistics Section, American Statistical Association*: 963–966. URL: <http://www.asasrms.org/Proceedings/y1977/-Estimation%20Of%20Rare%20Events%20By%20Simple%20Cluster%20Sampling%20With%20Multiplicity.pdf> (accessed 25.10.2022).
- Miller J.D. (1984) *A New Survey Technique for Studying Deviant Behavior*. Ph.D. thesis. Washington, D.C.: The George Washington University.
- Miller J.D. (1985) The Nominative Technique: A New Method of Estimating Heroine Prevalence. In: *Self-Report Methods of Estimating Drug Use: Meeting Current Challenges to Validity*. Ed. by Rouse B.A. et al. Nida Research Monograph 57: 104–124. URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/self-report-methods-estimating-drug-use-meeting-current-challenges> (accessed 25.10.2022).
- Pechenkina A.O., Bausch A.W., Skinner K.K. (2018) The Pitfalls of List Experiments in Conflict Zones. *Civil Wars*. Vol. 20. No. 3: 408–435.
- Peter J., Valkenburg P.M. (2011) The Impact of “Forgiving” Introductions on the Reporting of Sensitive Behavior in Surveys: The Role of Social Desirability Response Style and Developmental Status. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 75. No. 4: 779–787.
- Pitsch W., Emrich E. (2012) The Frequency of Doping in Elite Sport: Results of a Replication Study. *International Review for the Sociology of Sport*. Vol. 47. No. 5: 559–580.

- Rasinski K.A., Willis G.B., Baldwin A.K. et al. (1999) Methods of Data Collection, Perceptions of Risks and Losses, and Motivation to Give Truthful Answers to Sensitive Survey Questions. *Applied Cognitive Psychology*. Vol. 13. No. 4: 465–484.
- Siebert J.E., Stanley B. (1988) Ethical and Professional Dimensions of Socially Sensitive Research. *American Psychologist*. Vol. 43. No. 1: 49–55.
- Sirken M. (1975) Evaluation and Critique of Household Surveys of Substance Use. *Alcohol and Other Drugs Use and Abuse in the State of Michigan*. Lansing: Michigan Department of Public Health: 1–35.
- Sirken M.G. (1998) A Short History of Network Sampling: 1–6. URL: http://www.asasrms.org/Proceedings/papers/1998_001.pdf (accessed 10.02.2023).
- Sirken M.G. (2002) Questionnaire Biases of Illicit Drug Use Survey Estimates That Depend on Reports of Close Friends. *Proceedings of Joint Statistical Meetings – Section on Survey Research*: 3264–3267. URL: <https://www.amstat.org/sections/SRMS/Proceedings/y2002/Files/JSM2002000631.pdf> (accessed 24.10.2022).
- St. John F.A.V., Edwards-Jones G., Gibbons J.M. et al. (2010) Testing Novel Methods for Assessing Rule Breaking in Conservation. *Biological Conservation*. Vol. 143. No. 4: 1025–1030.
- Sudman S., Blair E., Bradburn N.M. et al. (1977) Estimates of Threatening Behavior Based on Reports of Friends. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 41. No. 2: 261–264.
- Tourangeau R., Yan T. (2007) Sensitive Questions in Surveys. *Psychological Bulletin*. Vol. 133. No. 5: 859–873.
- Trotter R.T., Medina-Mora M.E. (2000) Qualitative Methods. *Guide to Drug Abuse Epidemiology*. World Health Organization: P. 91–124. URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/1066563850/a58352_PartA.pdf;jsessionid=EF1E-C5A4FE220FB9DD4575B8E3C19A35?sequence=1 (accessed 09.02.2023).
- Yeatmen S., Trinitapoli J. (2011) Best-Friend Reports: A Tool for Measuring the Prevalence of Sensitive Behaviors. *American Journal of Public Health*. Vol. 101. No. 9: 1666–1667.

Статья поступила: 14.02.23. Финальная версия: 04.04.23. Принята к публикации: 13.04.23.

HOW TO GET TRUTHFUL ANSWERS IN SENSITIVE RESEARCH (On the methodological potential of the nominative technique)

MYAGKOV A.Yu.

Ivanovo State Power Engineering University, Russia

Alexander Yu. MYAGKOV, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Ivanovo State Power Engineering University, Ivanovo, Russia (myagkov@rambler.ru).

Abstract. The article is devoted to the description and analysis of the nominative technique, which belongs to the class of non-randomized survey models designed to obtain sincere answers from respondents in research on sensitive issues. Theoretical origins and methodological foundations of the nominative technique are analyzed. Its connection with the methods of multiplicity and the theory of network samples by M. Sirken is traced. A detailed description of the two main versions of the analyzed technique is given: the early one, presented by the «three closest friends of the respondents» method, proposed in the 1970s by M. Sirken, and the later, developed by J. Miller in the middle 1980s taking into account the volume and depth of the respondents' social networks, as well as information about the deviance of "significant others". The organizational, technical and methodological features of these versions are shown. Methods for statistical assessment of the prevalence of the studied types of social deviations for both described models are presented. The advantages and disadvantages, possibilities and limitations of the nominative technique, as well as the conditions for its reliable application are discussed. The results of empirical studies are presented, indicating the superiority of this technique over the self-report method in terms of the reliability and quality of the data obtained. The conclusion is made about the expediency of its use when discussing sensitive issues and topics with respondents.

Keywords: nominative technique, sensitive research, indirect questioning techniques, shadow sample, sincerity of answers, social desirability, validity of data.

Received: 14.02.23. Final version: 04.04.23. Accepted: 13.04.23.

М.Н. ЯШИНА, А.В. ЖАРИКОВА

КОММУНИКАЦИЯ В ИНТЕРВЬЮ С ПОДРОСТКАМИ НА СЕНСИТИВНУЮ ТЕМАТИКУ

ЯШИНА Мария Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной и отраслевой социологии (mnya@mail.ru); ЖАРИКОВА Анна Владимировна – лаборант-исследователь Центра социологических и интернет-исследований (anna.zharikova.v@gmail.com). Обе – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. Статья посвящена описанию коммуникативных особенностей проведения интервью с подростками по чувствительной тематике. Показан опыт реализации методических подходов («равный-равному», проективных методик «Линия жизни», «Ромашка», вопросы-виньетки) в исследовании «Оценка потребностей участниц программы “Твердым шагом во взрослую жизнь”», реализованном на базе Социологической клиники прикладных исследований Санкт-Петербургского государственного университета в 2019 г. В статье проанализированы как общие проблемы, характерные для интервьюирования детей и подростков, такие как особый правовой статус, психологическая готовность и навыки быть интервьюером, так и специфика реализации полуструктурированных интервью с девушками-подростками, относящимися к чувствительному полю. Дается описание методики «равный-равному», анализируется роль интервьюеров при реализации этого подхода. Указываются достоинства и недостатки методик «Линия жизни», «Ромашка», вопросы-виньетки с точки зрения способов оптимизации проведения интервью по чувствительным темам.

Ключевые слова: чувствительность • подростки • проективные методики • вопросы-виньетки • интервью «равный-равному»

DOI: 10.31857/S013216250023705-8

Введение. Современный этап развития исследовательских методов идет по пути спецификации, учитывающей особенности объекта изучения. Не остались в стороне и исследования в русле социологии детства. Признание субъектности за детьми и подростками предполагает активное вовлечение их в качестве самостоятельных участников в социологические исследования, способствуя как увеличению количества исследований, так и поискам наиболее эффективных методов и методик для этой возрастной группы.

Непосредственное участие любого ребенка в качестве респондента/информанта требует учета, а в каких-то аспектах и пересмотра правовых, методических и этических аспектов организации исследования.

Процесс проведения социологического исследования независимо от возрастной, этнической и иной специфики участников регламентируется в первую очередь положениями, изложенными в профессиональных кодексах. В отношении же несовершеннолетних, как наделенных только им присущими правовыми гарантиями, важно принимать во внимание действие международных актов, например Конвенции о правах ребенка, а также требований национального законодательства. В России – это ФЗ «Об образовании», «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Поэтому, помимо соблюдения анонимности, добровольности участия, прав и интересов информантов, для участия детей и подростков необходимо в обязательном порядке иметь разрешение на проведение исследования от лиц, представляющих интересы конкретного ребенка. Присутствие такого дополнительного «соучастника», который вольно или невольно, сознательно или нет, но оказывает влияние на ход исследования и на качество получаемых данных своим отношением к тематике, доверием к исследователю, установками на

нормативность поведения [Mensch et al., 2003], ставит перед исследователем дополнительные задачи.

В методическом плане акцент делается на выбор метода, зависящего от общей концепции понимания статуса ребенка в исследовании. В настоящее время сложилось несколько подходов к этому вопросу, которые расположены на континууме между крайними позициями – от «ребенка, как участника исследования, по существу неотличимого от взрослых» до «ребенка и взрослого, являющихся носителями противоположных практик» [Punch, 2002; Митрофанова, 2017]. Выбор в пользу одного из подходов влияет на последующую стратегию проведения исследования: применять методы без учета специфики детской аудитории или использовать методы, ориентированные на детей. Каждый из выбранных путей обладает своими достоинствами и недостатками.

Этические дилеммы в исследовании одни из самых сложных и сопряжены не только с внутренними принципами проведения исследований, но и с внешними условиями, связанными с местом и ролью детства в социальной структуре общества. Несмотря на активно развивающуюся идею о субъектности ребенка и важности его мнения относительно социальных практик и собственных прав, спецификой интервьюирования детско-подростковой аудитории является существующая априори асимметрия между участвующими субъектами [Moody, Darbellay, 2018: 4; Майорова-Щеглова, 2008]. Социальный статус взрослого, связанный с возрастом и опытом, представляется доминирующим. Дети и подростки воспринимаются недостаточно социально компетентными из-за меньшего жизненного опыта, неразвитости навыков рассказывания о себе, отсутствия практик общения со взрослыми людьми «на равных» [Bohn, Berntsen, 2008; Bradbury-Jones, Taylor, 2015]. Закрепленное в общественном сознании неравноправное взаимодействие между взрослыми и детьми способствует тому, что последние не привыкли свободно высказывать собственное мнение, опасаясь реакции взрослых, а также испытывают чувство неуверенности при общении [Lundy, 2007].

Учет этих факторов приобретает еще большее значение в ситуации необходимости обсуждения сенситивных тем с несовершеннолетними. Поиск способов сбора данных, позволяющих минимизировать перечисленные трудности в общении с информантами-подростками, был реализован в 2019 г. в исследовании «Оценка потребностей участниц программы “Твердым шагом во взрослую жизнь”» на базе Социологической клиники прикладных исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Целью данной статьи является описание особенностей построения коммуникации между интервьюером и подростком-информантом в ходе социологического исследования на сенситивную тематику.

Сенситивность в социологическом исследовании. Как и при любом взаимодействии, в ходе социологического исследования могут возникать различные коммуникативные трудности. Традиционно к ним относятся проблема доверия со стороны информанта; ошибки в интерпретации вопросов и ответов участников интервью; потеря интереса информанта к продолжению участия в исследовании; сенситивность тематики и(или) вопроса, эмоциональный фон, возникающий в процессе полевой работы у участников исследования, этические противоречия [Kitchener, Kitchener, 2009; Гудова, 2019].

Наиболее сложной и непредсказуемой из перечисленных проблем является сенситивность. У этого феномена нет однозначного определения [Rodríguez, 2018]. В 1960-х гг. сенситивными темами в исследовании считались те аспекты общественной жизни, которые не принято обсуждать. К ним относились вопросы, касающиеся секса, религиозных, политических взглядов, финансов и дохода, и вопросы, связанные с социальными проблемами [Pinto, Gravitz, 1964]. Постепенно к этой области добавились стигматизируемое поведение, нарушения различного вида норм и предписаний, особенно табу, и в целом любые темы, при обсуждении которых участнику необходимо повторно переживать сильные эмоции [Sieber, Stanley, 1988]. В настоящее время сенситивность касается уже не только непосредственных участников исследования, то есть информанта и интервьюера, но и тех, кто может соприкоснуться с обсуждаемыми проблемами в качестве привлеченных

участников, таких как транскрайберы, аналитики, читатели, представители тех социальных групп, чьи проблемы поднимаются в ходе исследования [Dickson-Swift et al., 2009].

Отечественный опыт изучения сенситивности идет преимущественно в фарватере западных исследований. Дискуссии в основном разворачиваются относительно этических аспектов исследований с сенситивной тематикой или в сенситивном поле [Божков, 2019], а также методологических путей профилактики и разрешения сенситивности [Мягков, 2002].

Поиск средств, способных обеспечить наибольший комфорт при сборе данных в исследованиях с сенситивностью, осуществляется по нескольким направлениям: изменение формулировок в рамках классических методов (информированного согласия, отдельных вопросов и предупреждений перед потенциально сенситивными вопросами), применение особых способов организации процесса сбора данных, а также разработка новых методик и методов, наиболее подходящих для сбора данных в исследованиях на сенситивную тему.

Несмотря на наличие некоторых объективных условий для возникновения сенситивности, на наш взгляд, непосредственно это связано с субъективным опытом и характеристиками индивида. Поэтому выделить универсальные для всех темы и заранее предугадать, что станет для человека тем самым триггером и затронет его «интимное», невозможно. Можно лишь предположить, обсуждение каких именно тем станет затруднительным, исходя из наших представлений о ценностях и опыте изучаемой группы, к которой относится респондент, или из общих тенденций возникновения сенситивности в исследованиях.

В социологии используются три «сенситивных» понятия: «*сенситивное поле*», «*сенситивная тема*» и «*сенситивный вопрос*». Несмотря на то что два последних часто используются как синонимы, выделим их различия. *Сенситивная тема* – это аспект жизни, который не одобряется социальными нормами и считается табуированным для обсуждения в данной культуре. *Сенситивный вопрос* затрагивает нормативный, обычный аспект жизни респондента, обсуждение которого вызывает беспокойство только у опрашиваемого и сопряжено с появлением дополнительных рисков. Главная трудность в том, что заранее предугадать, станет ли тот или иной вопрос сенситивным для информанта – и в нашем случае ребенка, практически невозможно. Опознать данное явление можно по ряду сопровождающих его маркеров, возникающих непосредственно в ходе беседы. Сенситивность может проявляться в невербальных сигналах, например изменении выражения лица, смене открытой позы на закрытую, повышенном потоотделении, учащении дыхания, плаче, смехе. Также она может выражаться в вербальных маркерах: как в формате отказа от ответа на задаваемый вопрос, так и в полном разрыве коммуникации с интервьюером. *Сенситивным полем* некоторые авторы [Омельченко, 2020; Новкунская и др., 2022] называют группы, сообщества, объединённые определенным опытом, повлиявшим на целый ряд сфер их жизни.

Исследования, в которых значительное место занимает обсуждение сенситивной тематики, создают риски для участвующих сторон. Основной риск для исследователя выражается в вероятности получить некачественные данные из-за нечестных, социально желательных ответов, пропуска вопросов, а также из-за эмоционально насыщенного взаимодействия [Rodríguez, 2018]. Сенситивность может нанести вред и самому информанту: после окончания разговора на чувствительные, интимные для него темы он остаётся со своими переживаниями, мыслями по поводу обсуждаемого, что может его травмировать. Особо уязвимой группой при обсуждении сенситивных тем являются дети и подростки.

Опыт реализации стратегии peer-to-peer («равный-равному»): находки и сложности. В 2019 г. было проведено исследование, в котором приняли участие студентки колледжей с подразделением «детский дом» и воспитанницы центров содействия семейному воспитанию (ЦССВ) в возрасте от 16 до 19 лет. Сбор данных осуществлялся на базе всех учреждений, которые участвовали в реализации программы «Твердым шагом во взрослую жизнь». Эта программа разработана РОО СПСБН «Стеллит» для девушек

подросткового возраста из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Колпакова и др., 2019].

На подготовительном этапе доступ к полю был согласован с директорами учреждений, также от них получены информированные согласия. С интервьюерами был организован тренинг для подготовки к работе в сенситивном поле, который проводил один из разработчиков программы, имеющий исследовательский опыт работы с несовершеннолетними, в том числе оставшимися без попечения родителей. В рамках тренинга был подробно разобран гайд интервью, проведен инструктаж по применению визуальных и проективных методик, а также разбор нестандартных ситуаций, которые могут возникнуть в ходе взаимодействия с респондентом (нестандартная реакция респондента и пр.). На этом же этапе проходила процедура рекрутинга.

Основным методом сбора данных были полуструктурированные интервью с участниками программы ($N = 21$). До начала интервью информантам предлагалось ознакомиться с информированным согласием относительно сроков, вознаграждения, авторства исследования, а также об их правах (добровольность участия, возможность не отвечать на вопросы и прервать общение). Во время проведения интервью представители администрации учреждения не присутствовали, интервью проводилось один на один с респондентом. В качестве поощрения за участие в исследовании респондент получал подарочную карту сетевого продуктового магазина на сумму 500 рублей.

Исследование проводилось с информантами, относящимися к сенситивному полю, и содержало сенситивную тематику. В ходе интервью девушек спрашивали о событиях их жизни, что неизбежно было связано с упоминанием травмирующего опыта потери родителей или конфликтных отношений в семье, обсуждались вопросы, связанные с взаимоотношениями с молодыми людьми, репродуктивным здоровьем, контрацепцией и сексуальным насилием, а также аддиктивным поведением. Эти факторы на начальном этапе планирования полевого этапа рассматривались как источники потенциальных коммуникативных проблем, поэтому особое внимание уделялось построению общения в ходе интервью. Важно было реализовать стратегию совпадения образов между информантом и интервьюером – то, каким человек представляет себя, то, каким он представляет своего собеседника, и то, как, по его мнению, собеседник видит его.

Для реализации поставленных целей был выбран формат *peer-to-peer* («равный-равному»), позволяющий быстрее завоевать доверие информанта, сильнее вовлечь его в процесс взаимодействия [Williams, 2020]. Основным принципом подбора равных интервьюеров в исследовании являлась близость по возрасту с информантами. Интервьюеры и информанты принадлежали одной демографической группе: возраст интервьюеров составил 18–22 года, все были девушками. Важно отметить, что при взаимодействии с группами, обладающими специфическим жизненным опытом (в данном случае молодые девушки, воспитывающиеся без попечения родителей), равенства интервьюеров и опрашиваемых по половозрастным показателям оказалось недостаточно для реализации формата «равный-равному» в полной мере.

Интервьюеры, являясь студентами вуза, имели иной социальный статус по сравнению с участницами программы, что отразилось на построении коммуникации. Прогнозируемые трудности, связанные с некорректным восприятием информантом интервьюера, не возникли, но границы в коммуникации все равно сохранялись. Несмотря на то что в начале интервью участники договаривались, что обращаются друг к другу «на ты», информанты все равно использовали форму «вы», обращаясь к интервьюеру.

Основным способом уменьшения напряженности во время разговора с обеих сторон, компенсации ошибок, смягчения разговора на чувствительную тему, формой психологической разгрузки, а также профилактикой возможного осуждения со стороны собеседника, если информация могла негативно сказаться на его образе в глазах слушателя, стал смех. Например,

И: НН (2) ну да:: (.) наверное так (.) о боже просто у меня в гайде был вопрос ?сталкивались ли твои подружки (.) а ты тут говоришь [//смех// так я:]

Р: [//смех//]

И: //смех// не знаю как? реагировать НН трещовенько (Интервью № 4, ж., 16 лет, студентка колледжа с подразделением «детский дом»).

Различия в социальном опыте и декларируемое равенство не позволили интервьюерам проявить рефлексивность по отношению к своей роли в процессе коммуникации [Штейнберг, 2021]. Интервьюеры знали, что не могут выражать напрямую свою позицию относительно слов информанта. Принцип, что «здесь нет правильных или неправильных ответов», озвучивался перед началом интервью. Вместе с тем выдержать интервью как формат беседы на равных было сложно, не давая комментариев, к которым участники привыкли при общении в повседневной жизни.

«И: .ну да.(.)? может быть ты знаешь ещё какие-нибудь способы контрацепции

Р: (2) °? в смысле°

И: ну вот защи- защиты там от беременности

Р: НН //смех// мне друг рассказывал перчатку резиновую вот знаете отрезал (.) наклеил //смех/ резиночку только прицепил и всё (.) друг рассказал/

И: //смех/? поделился опытом /

Р: //смех/да/

И: //смех/ ну так себе опыт конечно / (Интервью № 19, ж., 18 лет, проживала в Центре содействия семейному воспитанию)

Информант, рассказывая про альтернативный способ контрацепции, смеется. Интервьюер поддерживает данный смех, но в одной из реплик дает комментарий: «Ну так себе опыт, конечно». Сопровождаемый смехом, данный оценочный комментарий не воспринимается как критика и не нарушает хода интервью.

В исследованиях с участием подростков важно учитывать психологические особенности этой возрастной группы. Переход от жесткой нормативности в детстве к взрослому восприятию социальной нормы с полутонами и контекстуальностью, в подростковом возрасте воспринимается особенно остро. Существующее размывание нормативных границ, «снисходительность» общественного мнения, переход части повседневной жизни из сакрального в публичное пространство способствуют устранению одномерности поведения и позволяют не потерять лицо при разговоре, что благоприятно сказалось на обсуждении потенциально сенситивных тем.

Отсутствие профессионального практического опыта у интервьюеров, их ошибки при проведении интервью сгладили социальные различия, уравнивая их с информантами.

Возможности компенсации трудностей интервью с несовершеннолетними на сенситивную тематику. В рамках проводимого исследования вопросы о прошлом информантов затрагивали темы потери родителей, опыта пребывания в детском доме, обсуждение которых связано с необходимостью вновь вспомнить травмирующую ситуацию. Это могло привести к преднамеренному обману или желанию выдать фантазии за реальность из-за стремления избежать разговоров о предмете, вызывающем болезненные воспоминания, из-за страха, стыда или в попытке соответствовать интересам исследователя. Трудности в общении на сенситивную тематику компенсировались использованием дополнительных методик: «Линия жизни», «Ромашка» и методики «вопросы-виньетки» (вопросы-истории).

Визуально-графическая методика «Линия жизни» – проективная методика исследования субъективной картины жизненного пути личности [Василенко, 2016]. «Линия жизни» позволила не задавать вопросы напрямую, а дать возможность самому информанту рассказать о своём бэкграунде так, как он считает нужным. Эта методика использовалась в начале интервью, что позволило девушкам рассказать о себе, а интервьюеру – погрузиться в контекст жизни информанта, чтобы в дальнейшем сослаться на полученную

ранее информацию при формулировке последующих вопросов, продемонстрировать свою заинтересованность и расположить информанта к себе.

Включение данной методики в ход интервью позволяет сменить монотонный формат ответов на вопросы на более интерактивную занятость, переключить внимание информанта, способствует его вовлечению в происходящее. Методика показала свои преимущества: девушки говорили о событиях прошлого спокойно и развернуто. Некоторые довольно отрешенно говорили о смерти близких родственников или даже оценивали данное событие как положительно повлиявшее на их дальнейшую жизнь.

Еще одна визуально-графическая методика, использованная в исследовании, – «Ромашка» – основывается на карте социальных сетей (social network mapping) и позволяет выявить количество доверенных лиц в окружении информанта, их статусы и характеристики. «Ромашка» была включена в исследование, так как одна из проблем, с которой сталкиваются выпускники учреждений с подразделением «детский дом», – узкий круг общения. Информантам предлагалось нарисовать цветок, в центре которого находятся они сами, а лепестки составляют близкие для них люди, которым они доверяют. Далее участниц просили рассказать про статус этих людей – кем они приходится информанту, а затем описать, в каких случаях девушка обращается к каждому из них. Информанты рассказывали о значимых качествах людей из ближайшего окружения, составляли список характеристик, которыми должен обладать человек, чтобы можно было ему довериться. Просьба нарисовать цветок положительно воспринималась информантами.

«Линия жизни» и «Ромашка» способствовали созданию доверительных отношений между интервьюером и информантом, снизив напряжённость и коммуникативные проблемы. А смещение акцента с пассивной позиции отвечающего на вопросы на активное вовлечение в качестве соучастника исследования позволяет информанту расширить ракурс восприятия собственной жизни.

Третьей методикой был «метод виньеток» («вопросы-виньетки» или «вопросы-истории»). В отличие от способа обезличивания вопросов, «метод виньеток» полностью абстрагируется от личного опыта информанта и не затрагивает его. В этом заключаются его ограничения: с помощью виньеток невозможно выявить реальный опыт информанта и соотнести предлагаемый им ответ с тем, совершит ли он подобные действия на самом деле. Однако эта методика успешно позволяет выявлять установки опрашиваемых, их мнения и суждения относительно описываемой ситуации.

Для формулировки виньеток было принято решение использовать формат «совет подруге» и формулировать ситуацию так, как будто действие происходит со знакомой информанта: дано описание жизненной ситуации, в которую попадает воображаемая подруга информанта, и задается вопрос – как информант посоветовала бы поступить своей подруге. Были сформулированы три ситуации: вопрос «Алёна и Витя» – про взаимоотношения мужчины и женщины, риски незащищенного секса и способы контрацепции, «Подружка из Интернета» – про безопасность в Интернете и риски употребления наркотиков. И третий вопрос «В клубе» – про доверие незнакомцам и риски употребления алкоголя. В качестве примера формулировки приводим вопрос про доверие незнакомцам и риски употребления алкоголя: *«Твоя подруга Катя пошла с одногруппницами в клуб потанцевать. После пары песен Катя устала и присела отдохнуть у барной стойки. Там к ней подошел красивый молодой человек и предложил ей выпить вместе с ним. Он протянул ей бокал с напитком и сказал: "Попробуй, я думаю, тебе понравится". Как следовало бы поступить Кате?»*

Использованный формат описания ситуации позволил девушкам высказать различные мнения, в том числе отличающиеся от социально одобряемых. Часть информантов предположила, что в напиток может быть что-то подсыпано, и посоветовала героине отказать от его употребления, другие отметили, что если героиня не видела, откуда взялся напиток, то, конечно, его не нужно брать, но если его приготовили на глазах у девушки, то она может согласиться на данное предложение – *«в клубе все так делают»* (Интервью № 3, ж., 17 лет, студентка колледжа с подразделением «детский дом»). Другие

информанты отмечали, что выбор, отозваться на предложение или нет, зависит от напитка: если он соответствует вкусовым предпочтениям девушки, то она может его выпить.

Наименее результативными оказались ответы на описание ситуаций по темам «безопасность в Интернете» и «риски употребления наркотиков». Все девушки высказали свое негативное отношение к употреблению наркотиков, дав социально одобряемые ответы. Подобная оценка ситуации информантами не полностью соответствовала действительности; по информации, полученной из интервью с воспитателями, реальное отношение ряда девушек было иным.

Причины, объясняющие полученные результаты, нам видятся в том, что у детей и подростков более выражено стремление к социально одобряемому поведению, по сравнению со взрослыми. Как указывает Р. Туранго [Tourangeau et al., 2000: 257], тенденция изменять свои ответы является «ситуативной», то есть респондент сам убеждает себя, по крайней мере, частично, в отношении одобрения или неодобрения интервьюера. В вопросе последствий потребления наркотиков четче обозначены нормы поведения и общественная мораль строже в требовании их соблюдения, чем, например, по отношению к потреблению алкоголя или сексуальному поведению. И во избежание дополнительных рисков информанты вынуждены идти на обман. Схожую тенденцию отмечают и другие исследователи. Так, например, «во многих обществах молодежь может нечестно описывать употребление алкоголя из-за страха социальных санкций со стороны членов семьи или сообщества. Аналогично могут возникнуть негативные последствия для молодежи, которая нарушает существующие социокультурные нормы, касающиеся возраста вступления в сексуальную связь» [DiClemente et al., 2013: 111–112].

Дополнительным фактором служит и то, что высказывание мнения, не соответствующего социальным нормам, может оказать влияние на самооценку информанта из-за противоречия собственных представлений о самом себе и о том, о чем он хочет и может говорить с другим человеком, особенно в ситуации очного интервью [Mensch et al., 2003]. А нахождение на территории учреждения, опосредованное влияние администрации и гипотетические санкции способствуют тому, что наиболее типичной ситуацией будет продуцирование социально желательного ответа.

Заключение. Проведенное исследование показало, что предварительная подготовка, учитывающая особенности изучаемой группы, применение в дополнении к интервью проективных методик, тренинг интервьюеров, способствуют повышению качества взаимодействия в ходе сбора данных, хотя и не полностью нивелируют проблемы.

Введение проективных методик позволило обеспечить наибольший комфорт для участников при обсуждении сенситивных тем. Они выполнили функцию контактных вопросов, обеспечивая разнообразие в ходе беседы, не давая информанту устать от трудного разговора и удерживая его внимание. Использованные методики положительно сказались на психологической атмосфере: информанты более спокойно говорили о событиях из своей личной жизни. Ответы были развернутыми и отражали различные позиции.

Обращение к сенситивной тематике в исследовании требует учета особенностей социализации изучаемой группы, их ценностей и пережитого опыта. Опираясь на эти данные, возможно предположить, обсуждение каких именно тем станет затруднительным. В отношении подростков возникает дополнительная сложность из-за переходного социального положения этой группы. В этом контексте сенситивной становится практически любая тема, в которой подросток не может определить своё положение в обществе или в ситуации, когда он не полностью уверен в нормативности своих действий, в том числе из-за существующих стандартов поведения.

При проведении интервью на сенситивные темы важна роль интервьюера. Применение методики «равный-равному» позволило избежать проблемы поколенческих различий, возникающих при интервьюировании детей и подростков взрослыми специалистами. По завершении исследования проводилось сравнение опыта взрослых сотрудников «Стеллита» (женщин), которые проводили интервью с подростками во время разработки

программы, и результатов, полученных после проведения интервью студенческой группой. Подростки более свободно говорили с молодыми исследователями на тему сексуальных отношений, насилия, употребления алкоголя. Но систематического сравнения, в частности методического эксперимента, не проводилось. Однако удалось выявить иные сложности. Существенные различия в жизненном опыте с исследуемой группой, несмотря на схожесть по половозрастным параметрам, повышают требования к профессиональным навыкам интервьюеров и их умению решать коммуникативные трудности при обсуждении сложных тем.

В целом выполненное исследование требует продолжения для анализа специфики восприятия сенситивности у подростков, а также анализа эффективности применяемых методов на более репрезентативной выборочной совокупности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Божков О.Б. Форум полевых интервьюеров в Петербурге // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2019. № 5. С. 77–79.
- Василенко Т.Д. Метод «Линия жизни» // Практикум по психологии жизненных ситуаций / Под ред. Е.Ю. Коржовой. СПб.: ООО «Фирма Стикс». 2016. С. 22–38.
- Гудова Е.А. О «травме методом» и эмоциональной работе полевого исследователя // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2019. № 48. С. 58–82.
- Колпакова О.И., Куцак М.С., Одинокова В.А. Оценка гендерно специфической программы социализации и адаптации выпускников детских домов «Твердый шаг во взрослую жизнь» // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. 2019. № 18. С. 59–78.
- Майорова-Щеглова С.Н. Проективные методы исследования подростков // Школьные технологии. 2008. № 4. С. 170–179.
- Митрофанова С.Ю. Дети как объект социогуманитарного исследования: социологический ракурс // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. Том 10. № 2. С. 160–168.
- Мягков А.Ю. Статистические стратегии сенситивных измерений // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 111–121.
- Новкунская А., Литвина Д., Темкина А. «Социологи в белом»: конструирование профессиональной позиции в медицинском поле // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2022. Том 13. № 3. С. 57–87.
- Омельченко Е.Л. «Я ничем вам не помог...»: исследовательская рефлексия вслед неудачному интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Том 12. № 1. С. 81–95.
- Штейнберг И.Е. Метод «длинного стола» в качественных полевых социологических исследованиях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 493–516.
- Bohn A., Berntsen D. Life story development in childhood: the development of life story abilities and the acquisition of cultural life scripts from late middle childhood to adolescence // Developmental Psychology. 2008. No. 44 (4). P. 1135–1147. DOI: 10.1037/0012-1649.44.4.1135.
- Bradbury-Jones C., Taylor J. Engaging with children as co-researchers: Challenges, counter-challenges and solutions // International Journal of Social Research Methodology. 2015. No. 18 (2). P. 1–13. DOI: 10.1080/13645579.2013.864589.
- Dickson-Swift V., James E.L., Kippen S., Liamputtong P. Researching sensitive topics: qualitative research as emotion work // Qualitative Research. 2009. No. 9. P. 61–79. DOI: 10.1177/1468794108098031.
- DiClemente R.J., Swartzendruber A.L., Brown J.L. Improving the validity of self-reported sexual behavior: No easy answers // Sexually Transmitted Diseases. 2013. No. 40 (2). P. 111–112. DOI: 10.1097/OLQ.0b013e3182838474.
- Kitchener K.S., Kitchener R.F. Social science research ethics: Historical and philosophical issues // The handbook of social research ethics / Ed. by D.M. Mertens, P.E. Ginsberg. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. 2009. P. 5–22. DOI: 10.4135/9781483348971.
- Lundy L. 'Voice' is not enough: conceptualising Article 12 of the United Nations convention on the rights of the child // British Educational Research Journal. 2007. No. 33 (6). P. 927–942.
- Mensch B.S., Hewett P.C., Erulkar A. The reporting of sensitive behavior by adolescents: A methodological experiment in Kenya // Demography. 2003. No. 40 (2). P. 247–268. DOI: 10.1353/dem.2003.0017.
- Moody Z., Darbellay F. Studying childhood, children, and their rights: The challenge of interdisciplinarity // Childhood. 2019. No. 26 (1). P. 8–21. DOI: 10.1177/0907568218798016.
- Pinto R., Gravit M. Méthodes des sciences sociales. Paris: Dalloz, 1969.

- Punch S. Research with children: the same or different from research with adults? // *Childhood*. 2002. No. 9 (3). P. 321–341.
- Rodriguez L. Methodological challenges of sensitive topic research with adolescents // *Qualitative Research Journal*. 2018. No. 18 (1). P. 22–32. DOI: 10.1108/QRJ-D-17-00002.
- Siebert J.E., Stanley B. Ethical and Professional Dimensions of socially Sensitive Research // *American Psychologist*. 1988. No. 43. P. 49–55. DOI: 10.1037/0003-066X.43.1.49.
- Tourangeau R., Smith T.W. Asking Sensitive Questions: The Impact of Data Collection Mode, Question Format and Question Content // *Public Opinion Quarterly*. 1996. No. 60. P. 275–304.

Статья поступила: 05.12.22. Финальная версия: 03.02.23. Принята к публикации: 20.04.23.

COMMUNICATION WITH TEENAGERS IN INTERVIEWS ON SENSITIVE TOPICS

YASHINA M.N.*, ZHARIKOVA A.V.*

*Saint Petersburg State University, Russia

Maria N. YASHINA, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Prof. of the Department of Applied and Industrial Sociology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia (mnya@mail.ru); Anna V. ZHARIKOVA, laboratory assistant-researcher Resource Center "Center for Sociological and Internet Research" at SPBU, Saint Petersburg, Russia (anna.zharikova.v@gmail.com).

Abstract. The article is devoted to the description and analysis of the "crosswise" and "triangular" models, pioneered in 2008 by Hong Kong statisticians Yu, Tian and Tang and belonging to the class of non-randomized survey techniques (NRRT), specifically designed to control the effects of social desirability and stimulate self-disclosure of respondents in sensitive surveys. Based on the results of foreign studies, the authors made an attempt to evaluate the possibilities of these models for obtaining sincere answers from the respondents. The paper describes design features, question-answer logic and statistical foundations of both models under study. Methods for calculating a probabilistic estimate of the prevalence of the studied sensitive behavior are presented. The results of empirical tests are offered making it possible to judge the validity of the two techniques. The advantages of the crosswise and triangular models compared to the Warner RRT technique and the self-report method are shown, consisting in high validity, good performance by both respondents and interviewers, as well as methodological versatility. The most important shortcomings and limitations of survey techniques related to the respondents' non-compliance with the prescribed instructions and the subjective preferences of the interviewees in relation to certain response options are analyzed. The mechanism of the appearance of false-positive assessments that negatively affects the validity of the final data is revealed. Possible solutions to this problem are proposed. As a result of a comparative analysis of the two studied models, the authors come to the conclusion that the advantage in choosing between these two indirect techniques in terms of practical application remains with the crosswise model due to the symmetry of its question-answer design and more effective control of social desirability effects.

Keywords: sensitivity; adolescents; projective techniques; vignettes; peer-to-peer interviews.

REFERENCES

- Bohn A., Berntsen D. (2008) Life story development in childhood: the development of life story abilities and the acquisition of cultural life scripts from late middle childhood to adolescence. *Developmental Psychology*. Vol. 44. No. 4: 1135–1147. DOI: 10.1037/0012-1649.44.4.1135.
- Bozhkov O.B. (2019) Forum of field interviewers in St. Petersburg. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy* [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research]. No. 5: 77–79. (In Russ.)
- Bradbury-Jones C., Taylor J. (2015) Engaging with children as co-researchers: Challenges, counter-challenges and solutions. *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 18. No. 2: 1–13. DOI: 10.1080/13645579.2013.864589.
- Dickson-Swift V., James E.L., Kippen S., Liampittong P. (2009) Researching sensitive topics: qualitative research as emotion work. *Qualitative Research*. No. 9: 61–79. DOI: 10.1177/1468794108098031.
- DiClemente R.J., Swartzendruber A.L., Brown J.L. (2013) Improving the validity of self-reported sexual behavior: No easy answers. *Sexually Transmitted Diseases*. Vol. 40. No. 2: 111–112. DOI: 10.1097/OLQ.0b013e3182838474.

- Gudova E.A. (2019) About "trauma by method" and emotional work of a field researcher. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling]. No. 48: 58–82. (In Russ.)
- Kitchener K.S., Kitchener R.F. (2009) Social science research ethics: Historical and philosophical issues. In: Mertens D.M., Ginsberg P.E. (eds) *The handbook of social research ethics*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications: 5–22. DOI: 10.4135/9781483348971.
- Kolpakova O.I., Kutsak M.S., Odnikova V.A. (2019) Evaluation of the gender-specific program of socialization and adaptation of graduates of orphanages "A firm step into adulthood". *Sotsial'noye obshchivaniye semey i detey: nauchno-metodicheskiy sbornik* [Social services for families and children: a scientific and methodological collection]. No. 18: 59–78. (In Russ.)
- Lundy L. (2007) 'Voice' is not enough: conceptualising Article 12 of the United Nations convention on the rights of the child. *British Educational Research Journal*. Vol. 33. No. 6: 927–942.
- Mayorova-Shcheglova S. N. (2008) Projective methods for studying adolescents. *Shkol'nyye tekhnologii* [Journal of School Technology]. No. 4: 170–179. (In Russ.)
- Mensch B.S., Hewett P.C., Erulkar A. (2003) The reporting of sensitive behavior by adolescents: A methodological experiment in Kenya. *Demography*. Vol. 40. No. 2: 247–268. DOI: 10.1353/dem.2003.0017.
- Mitrofanova S.Yu. (2017) Children as an object of sociohumanitarian research: a sociological perspectives. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology]. Vol. 10. No. 2: 160–168. (In Russ.)
- Moody Z., Darbellay F. (2019) Studying childhood, children, and their rights: The challenge of interdisciplinarity. *Childhood*. Vol. 26. No. 1: 8–21. DOI: 10.1177/0907568218798016.
- Myagkov A. (2002) Statistical strategies of sensitive measurements. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 111–121. (In Russ.)
- Novkunskeya A., Litvina D., Temkina A. (2022) "Sociologists in White": Constructing Professional Position in Medical Field. *Laboratorium: Russian Review of Social Research* [Laboratorium. Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy]. Vol. 13. No. 3: 57–87. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-3-57-87>. (In Russ.)
- Omelchenko E. (2020) "I didn't help you in any way...": Research Reflection After a Failed Interview. *Interaction. Interview. Interpretation* [Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya]. Vol. 12. No. 1: 81–95. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.5>. (In Russ.)
- Pinto R., Gravit M. (1969) *Méthodes des sciences sociales*. Paris: Dalloz.
- Punch S. (2002) Research with children: the same or different from research with adults? *Childhood*. Vol. 9. No. 3: 321–341.
- Rodriguez L. (2018) Methodological challenges of sensitive topic research with adolescents. *Qualitative Research Journal*. Vol. 18. No. 1: 22–32. DOI:10.1108/QRJ-D-17-00002.
- Sieber J.E., Stanley B. (1988) Ethical and Professional Dimensions of socially Sensitive Research. *American Psychologist*. No. 43: 49–55. DOI: 10.1037/0003-066X.43.1.49.
- Steinberg I.E. (2021) The Long Table Method in Qualitative Field Sociological Studies. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: obshchestvennyye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 5: 493–516. (In Russ.)
- Tourangeau R., Smith T.W. (1996) Asking Sensitive Questions: The Impact of Data Collection Mode, Question Format and Question Content. *Public Opinion Quarterly*. No. 60: 275–304.
- Vasilenko T.D. (2016) The "Lifeline" method. In: Korzhova E.Y. (eds) *Workshop on the psychology of life situations*. St. Petersburg: LTD "Firm Styx": 22–38. (In Russ.)

Received: 05.12.22. Final version: 03.02.23. Accepted: 20.04.23.

Ю.М. ПАСОВЕЦ

ДИХОТОМИЯ И ДВУХЧЛЕННАЯ ПОЛИТОМИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

ПАСОВЕЦ Юлия Михайловна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Курского государственного университета, Курск, Россия (yulia_pasovets@mail.ru).

Аннотация. Выделяются особенности дихотомии и двухчленной политомии как приемов аналитического разделения изучаемого объекта на две части, результат которого отражается в построенной бинарной паре понятий или тем; определяются их существенные отличия друг от друга, обусловленные принципами деления. Анализ опыта применения приемов двухчленного разделения объекта в зарубежных и отечественных социологических и социальных исследованиях позволяет выявить распространенность практик использования двухчленной политомии и антитезы для конструирования бинарных пар (которые зачастую некорректно обозначаются как дихотомии) и редкие случаи применения строгого дихотомического деления (когда образованные бинарные пары действительно можно назвать дихотомиями). Раскрываются значимые эвристические возможности двухчленной политомии и дихотомии для концептуализации, анализа и интерпретации усложняющейся и динамичной современной социальной реальности, а также систематизации полученных данных.

Ключевые слова: классификация • дихотомия • двухчленная политомия • бинарная пара • язык социологического исследования • методология науки

DOI: 10.31857/S013216250023051-9

К числу методов, практика применения которых имеет достаточно длительную традицию, относится классификация, которая реализуется и как деление данных, относящихся к одному объекту, на классы по выбранному критерию («деление общего»), и как аналитический инструмент деления изучаемого объекта, множества элементов, входящих в его состав, на части по определенному основанию («разделение целого»). Одним из наиболее известных способов такого разделения является дихотомическая классификация, зачастую кратко именуемая по форме представления двух противоположностей – дихотомией. В дихотомии многих исследователей привлекают ее возможности показать двойственность изучаемого объекта, самостоятельность и взаимосвязанность его противоположных частей, а также простота дихотомического деления и выразительность дихотомии как речевого (риторического) приема [Kornina, 2016; Giordano, 2017; и др.]. Вместе с тем популярность дихотомии скрывает под собой ряд методических проблем современных социологических и социальных исследований, которые обусловлены отсутствием четкого понимания отличий дихотомии и схожей с ней двухчленной политомии как приемов деления объекта на две части, а также распространением практики обозначения бинарных пар, сконструированных на несоответствующих дихотомическому делению принципах, как дихотомий. Эти проблемы тесно связаны с языком социологического исследования, грамотное построение которого в рамках конкретных исследований во многом зависит от адекватного выбора, соблюдения принципов и корректного обозначения методических приемов [Татарова, 2003].

Специфика дихотомии и двухчленной политомии, связанная с аналитическим делением изучаемого объекта на две части, позволяет решать в исследовании особые задачи и открывать новые возможности для анализа и интерпретации данных. Однако в последние годы в социологическом и социальном знании возможности этих приемов как

инструментов познания и анализа данных подвергаются критике. Это свидетельствует о неоднозначной оценке дихотомии и двухчленной политомии в научном сообществе и актуализации обозначения их эвристического потенциала для социологии.

Цель статьи состоит в определении специфики и принципов дихотомии и двухчленной политомии как приемов аналитического деления изучаемого объекта, анализе практики их применения в социологических исследованиях в настоящее время и характеристике их эвристических возможностей в изучении современной социальной проблематики.

Специфика дихотомии и двухчленной политомии как приемов «разделения на два». Термин «дихотомия» в дословном переводе с греческого означает деление на две части. С новейшего времени в научном знании дихотомия начинает активно использоваться как прием разделения объекта на две взаимоисключающие части. Постепенно дихотомическая классификация приобретает статус и способа познания, и построенной на его основе системы упорядоченных знаний [Дихотомические классификации..., 2019: 8, 45–46].

Дихотомия как способ классификации предполагает деление объекта (объема определенного понятия, множества составляющих этот объект элементов) на две взаимоисключающие и взаимосвязанные части по формуле исключения третьего («А – неА»). Соответственно, в методическом плане особенностями дихотомии являются взаимное исключение членов деления, один из которых определяется отрицательно; их взаимосвязь, обусловленная принадлежностью к одному объекту; исчерпывающий характер дихотомического деления, устраняющий возможные логические и методические ошибки (например, деление по разным основаниям или совместимость членов деления)¹.

В последних работах зарубежных исследователей дихотомия трактуется как способ разделения на два «лагеря», имеющих тенденцию к замкнутости и жесткой конфронтации [Корнина, 2016: 417], или как две противоположные точки зрения, выделенные по принципу «или/или», и способ обозначения поляризованных явлений с взаимоисключающими (или/или) отношениями [Bowden, 2017: 182–184]. В публикациях отечественных авторов дихотомия определяется как разделение целого на две исчерпывающие части, имеющие интегральный признак как принадлежность их к целому и различающиеся между собой по дифференцирующему признаку, когда «одна часть определяется как отрицание другой» [Писарь, 2016: 16–17].

Отличающимся от дихотомии и в то же время сходным с ней приемом деления является двухчленная политомия. Методическая специфика последней связана с делением рассматриваемого объекта на две непротиворечащие и не исключающие друг друга части, обе из которых могут определяться положительно, а также с неполным характером такого деления. Последнее выражается в том, что второй член деления представляет собой *частичную* противоположность первого и допускает существование между ними промежуточных элементов. Вследствие двухчленного деления, сходного с дихотомией, его называют *псевдодихотомическим*².

Сходство бинарных пар, сформированных на принципах дихотомии и двухчленной политомии, оказывается лишь внешним. Зачастую при отсутствии необходимой проработки оснований деления изучаемого объекта и соблюдения принципов выбранного способа деления оно становится причиной некорректного обозначения этих приемов в исследованиях, акцентирования риторической роли дихотомии при игнорировании ее методического назначения и возможностей.

Различия в принципах «разделения на два» между дихотомией и двухчленной политомией обуславливают и лингвистическую специфику конструирования бинарных пар посредством этих приемов.

¹ Дихотомия // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01e204fd7ac6d4d2b8bae3e1> (дата обращения: 27.01.2023).

² Там же.

При дихотомической классификации строгое соблюдение ее принципов предполагает формирование бинарной пары посредством бинарной дизъюнкции, которая осуществляется на основе отрицания положительного понятия с использованием частицы «не». Примерами реализации такого дихотомического деления выступают бинарные пары понятий, достаточно часто используемые в области социологии: «стабильность – нестабильность», «равенство – неравенство». Следует отметить, что в вопросе конструирования бинарных пар некоторые авторы предлагают в качестве членов одной дихотомии применять контрадикторные антонимы, аргументируя это наибольшей близостью к дихотомии антонимии в ее контрадикторной форме, выраженной в парных антонимах, противоположных (взаимоисключающих), но взаимодополняющих друг друга до целого [Дихотомии..., 2021: 17]. Однако определение контрадикторности антонимов представляет собой довольно сложную задачу, решение которой требует лингвистической подготовки, без которой вырастает вероятность замены дихотомии двухчленной политомией. В качестве примеров использования контрадикторных антонимов в бинарной паре понятий можно привести «наличие – отсутствие», «здоровье – болезнь». Вместе с тем в рамках двухчленной политомии бинарная пара может быть образована с помощью контрарных антонимов, которые являются противоположными друг другу и допускают наличие промежуточных компонентов, так что они в своей сумме не исчерпывают целого [Писарь, 2016: 16]. С учетом этого область использования контрарных антонимов в целях конструирования бинарных пар является достаточно широкой и представлена разнообразными примерами: «стабильность – изменчивость», «богатство – бедность», «молодость – старость» и другими.

К настоящему моменту дихотомия и дихотомическая классификация являются более проработанными вопросами методологии науки, более узнаваемыми и «популярными» в научном сообществе, в отличие от двухчленной политомии, не получившей должного освещения в научной и методической литературе. Оставляя за рамками данной работы сопоставление трактовок близких к дихотомии понятий, отметим, что в современной научной литературе в качестве синонимов данного понятия зачастую используются термины «оппозиция», «полярность», «бинарность», «бинарная оппозиция», «биполярность», «антитеза», «конкурирующие взгляды», «(диаметрально) противоположные понятия», «диссонанс», «крайности», «оппонирующая дуальность», а как взаимосвязанные с ним, отражающие дискуссионный характер такого противопоставления, – понятия «спор», «дебаты», «дискуссия», «дилемма», «асимметрия». Предпринимаются попытки определения соотношения понятия дихотомии с другими терминами, которые применяются для характеристики противоположностей и их взаимосвязи, – «амбивалентностью», «антиномией», «бинарностью», «антонимией».

Применение двухчленной политомии и дихотомии в современных социологических исследованиях. В социологической науке традиция использования разделения изучаемого объекта на две части насчитывает более столетия. Ее истоки связаны с работами классиков XIX в.: например, Э. Дюркгейм различал две фундаментальные и противоположные формы солидарности – механическую и органическую; в свою очередь, Ф. Теннис указывал на различающиеся и специфические формы социальной организации – «Gemeinschaft» и «Gesellschaft» [Giordano, 2017: 69–70]. Она проявилась и в работах крупных социологов XX в. Так, Т. Парсонс в качестве аналитических инструментов для оценки норм, регулирующих социальное действие, предлагал выделять парные переменные «аффективность – аффективная нейтральность», «ориентация на себя – ориентация на коллектив», «партикуляризм – универсализм», «диффузность – специфичность», «качества личности – результаты деятельности» (или во второй трактовке «аскриптивность – достижительность»). В каждой паре понятия понимались Т. Парсонсом как противоположные друг другу полюсы, как альтернативы выбора в социальном действии [Парсонс, 2000: 24–36]. П. Бурдье трактовал противопоставление вообще как фундаментальный принцип структурирования и восприятия социальных практик, выявления вторичных различий, связанных со стилями жизни. Он применял его, в частности, при анализе практик

потребления, выделяя основную оппозицию «благородные – вульгарные» потребительские практики и вторичную оппозицию «вкус к роскоши (или к свободе) – вкус от нужды» [Бурдые, 2005: 25–32].

Такое деление и конструирование посредством его приемов бинарных пар продолжает вызывать интерес у современных исследователей и активно использоваться ими при анализе и интерпретации современной социальной проблематики. В литературе в области социологического и социального знания можно встретить значительное количество таких бинарных пар, зачастую называемых авторами дихотомиями.

Знаковой в этом ряду является коллективная монография британских авторов «Core Sociological Dichotomies», посвященная выявлению и анализу основных дихотомий социологического знания на протяжении истории формирования и на современном этапе его развития. В ней на основе словаря «The New Shorter Oxford English Dictionary» само понятие дихотомии определяется как «деление (особенно резко выраженное) на два класса, части и т.д.» и как «резкий или парадоксальный контраст» [Core Sociological Dichotomies, 1998: 3]. В этой работе в качестве ключевых социологических дихотомий обозначены более двадцати бинарных пар понятий, также называемых авторами «антитезами» [Core Sociological Dichotomies, 1998]. С определенной долей условности их можно разделить на две группы в зависимости от целевого использования – для обоснования методологии социологического исследования или с целью анализа и объяснения социальной реальности. К первой группе, значимой для методологии социологии, могут быть отнесены следующие бинарные пары: «субъект – объект», «количественный – качественный», «теория – практика», «релятивизм – абсолютизм», «идеализм – материализм», «образ – текст». Во вторую группу, имеющую ключевое значение для интерпретации социальных явлений и процессов, можно включить такие «антитезы», как «структура – агентность», «преемственность – изменение», «культура – природа», «современность – постмодерн», «публичный – частный», «гражданский – политический», «локальный – глобальный», «национализм – интернационализм», «активный – пассивный», «факт – значение», «потребности – желания», «работа – отдых» и другие.

В приведенном коллективном труде выделенные бинарные пары называются социологическими дихотомиями, хотя по критерию соответствия принципам дихотомического деления они ими не являются. Ведь в представленных бинарных парах два члена деления определены положительно. Даже «пассивность», противопоставленную «активности», необоснованно считать однозначно отрицательной. Перечисленные пары не исчерпывают делимый континуум полностью, оставляя место промежуточным компонентам. Так, в случае с противопоставлением «активного» и «пассивного» между ними обнаруживается срединный элемент, обозначаемый в социологических исследованиях различными терминами («умеренный», «промежуточный», «переходный»). Поэтому представленные бинарные пары оказываются двухчленными полнотомиями, хотя и обозначаются авторами «Core Sociological Dichotomies» как дихотомии.

Этот пример демонстрирует ключевые методические проблемы современного социологического знания – трудности достижения валидности между изучаемым объектом и методическим инструментом его измерения и анализа, а также некорректное обозначение используемых приемов аналитического деления объекта на две части.

В последнее время во многих социологических и социальных исследованиях под видом дихотомии применяется именно двухчленная полнотомия, представляющая собой неполную противоположность из-за неточности второй части бинарной пары и возможности дальнейшего деления этой части на промежуточные компоненты. Так, достаточно часто используемая в работах бинарная пара «город – село» («город – деревня») не представляет исчерпывающее деление территориальной организации общества. В ней оба компонента деления определяются положительно, что, несмотря на обозначение ее как дихотомии, позволяет использовать ее в анализе современной социальной реальности для акцентирования не противоположности, а взаимосвязи между городом и селом.

Например, германские авторы М. Джейн и А. Корженевич опираются на «дихотомию» «город – село», но по сути раскрывают процесс преобразования сельских районов в города, разворачивающийся в современной Индии, и роль территориальной мобильности населения в ускорении урбанизации в этой стране [Jain, Korzhenevych, 2022]. В свою очередь, российские авторы А.И. Костяев и Г.Н. Никонова используют эту бинарную пару для обоснования нивелирования противостояния между городом и деревней в современном обществе, характеристики их диалектического единства и выделения предпосылок для дезурбанизации [Костяев, Никонова, 2021].

В данном ряду находятся и достаточно оригинальные бинарные пары, принципы конструирования которых сложно отнести и к дихотомическому, и к двухчленному политическому делению. Так, для обоснования собственного понимания дезинформации как сигналов, проявляющих недоверие к другому, канадский исследователь М. Поллери генерирует «дихотомию» «правда – фальсификация» [Polleri, 2022]. Однако в ее конструкции противопоставлены понятия, выделенные по разным основаниям, поскольку «правде» антонимична «ложь», а «фальсификации» – «достоверность». Другой пример: в исследовании американскими учеными проблемы эвакуации людей при стихийных бедствиях противопоставление понятий в бинарной паре «страх перед преступностью – социальное влияние», названной дихотомией [Kuhlman et al., 2022], также имеет произвольный характер, а выбранные для контраста понятия не являются взаимоисключающими и взаимосвязанными частями одного объекта.

Подобные бинарные пары предлагаются для интерпретации социальных проблем и в работах российских исследователей. В частности, в разработанной отечественными авторами для анализа политического процесса бинарной паре «конфликт – интеграция», обозначенной как дихотомия [Юрченко и др., 2020], также прослеживается результат фрондирования терминов, выделенных по различным критериям (ведь «конфликт» противоположен «согласию», а «интеграция» – «дезинтеграции»). В другом исследовании для прогнозирования тенденций эволюции национальной экономики предлагается «дихотомия» «структурная трансформация экономики – макроэкономическая нестабильность» [Каячева, Слесаренко, 2020], принципы формирования которой далеки от канонов классификационного деления.

В этом контексте обращают на себя внимание бинарные пары с понятием «уязвимость»: «устойчивость – уязвимость» и «резилиентность – уязвимость», которые именуются в работах зарубежных авторов дихотомиями. Хотя до настоящего времени не выработано однозначного понимания соотношения между устойчивостью и резилиентностью, понимаемой по-разному (как шокоустойчивость, или как жизнеспособность, или как тождественность устойчивости), в исследованиях достаточно четко заявляется об их противоположности уязвимости. Такое противопоставление используется как аналитический инструмент для различения крайних состояний социальных систем в современном мире и интерпретации полученных данных: например, при изучении корпоративной устойчивости – уязвимости бизнеса в период пандемии COVID-19 [Ikram et al., 2020]; резилиентности и уязвимости развития городских территорий [Zeng et al., 2022]. Как отмечает американский исследователь Б.Л. Тернер, противопоставление резилиентности и уязвимости начинается с возникновения теории устойчивого развития и позволяет раскрыть две противоположные темы общей системы «человек – окружающая среда» [Turner, 2010: 571–572]. Вместе с тем противопоставление устойчивости и уязвимости не означает их взаимного исключения и взаимосвязанности как двух частей единого целого, принципиальных для дихотомического деления. Даже понимаемые с определенной долей условности как положительное и отрицательное состояния одного объекта, устойчивость и уязвимость не являются взаимоисключающими по отношению друг к другу. Представляется, что при понимании резилиентности как отличного от устойчивости феномена эти замечания будут относиться и к бинарной паре «резилиентность – уязвимость». На наш взгляд, для конструирования бинарной пары с понятием уязвимости на принципах дихотомического

деления корректным будет выбор в пользу «уязвимости – неуязвимости», а на принципах двухчленной политомии – «уязвимости – защищенности».

Построение таких бинарных конструкций во многом оправдывается необходимостью достижения содержательных целей авторских исследований, связанных в большей степени с противопоставлением понятий, чем с осуществлением двухчленного деления изучаемого объекта. Однако язык научного исследования требует корректного обозначения используемых методических приемов.

В рассмотренных случаях наблюдается своеобразная фикция (видимость) дихотомии, выражающаяся в обозначении данным термином бинарной пары, которая или сформирована посредством двухчленной политомии, или произвольно задана автором по принципу антитезы как стилистической конструкции контраста. Такой прием обозначения построенной посредством различных приемов бинарной пары как дихотомии, которая зачастую заявляется в качестве ключевой идеи работы и отражается в ее названии, с одной стороны, выполняет в исследовании функцию противопоставления рассматриваемых категорий, с другой стороны, выступает мощным риторическим приемом, привлекающим к себе внимание более широкого круга исследователей и читателей.

Итак, на основании анализа работ зарубежных и российских авторов выявлена распространенность использования в современных социологических исследованиях двухчленной политомии и практики ее обозначения как «дихотомии». В данном контексте возникает вопрос о месте дихотомии как приема классификационного деления и о перспективах его использования в социологическом знании.

В массиве последних социологических исследований применение дихотомической классификации в строгом соблюдении ее принципов встречается достаточно редко. В таких исследованиях бинарная пара при дихотомическом делении изучаемого объекта конструируется посредством бинарной дизъюнкции через отрицание положительного термина с частицей «не» и применяется для характеристики отсутствия альтернатив между крайними вариантами или для критики и доказательства несостоятельности оперирования только полярными категориями. В первом случае в качестве примера можно привести дихотомию «уходить – не уходить», предложенную китайским исследователем Л. Ченг для выявления намерений фермеров покинуть места своего проживания под давлением политики урбанизации и индустриализации и программ переселения в Китае [Cheng, 2022]. Во втором случае – дихотомию «трущобы – нетрущобы», использованную в работе американских и греческих исследователей для доказательства необходимости многомерной оценки жилищной депривации жилья в мире и разработки системы ее индикаторов, включающей целый набор переменных [Patel et al., 2022]. Можно назвать также дихотомию «развитый – неразвитый», которая стала отправной точкой для разработки британским ученым Ф. Антунесом де Оливейра концепции неравномерного и комбинированного развития, учитывающей разнообразие траекторий развития [Antunes de Oliveira, 2020].

В изменившихся условиях дихотомия как методический инструмент исследования подвергается прямой критике со стороны социологического сообщества, а некоторые бинарные пары, обозначенные как дихотомии, признаются утратившими свою эвристичность для анализа новой социальной реальности. Еще на рубеже XX–XXI веков Х. Патнэм заявлял о крахе «дихотомии» «факт – ценность», составлявшей на протяжении длительного периода один из фундаментальных аспектов социального знания [Putnam, 2004]. Ключевой предпосылкой к такой критике в социологическом познании выступают трудности (если не невозможность) точного описания оценочного опыта субъекта, абстрагируясь от ценностей и игнорируя их. В последних публикациях австрийский исследователь С. Ринофнер-Крейдль подтверждает этот вывод, говоря о разочаровании современных социологов в философской дихотомии «факт – ценность», поскольку в настоящее время сложно представить социологическое исследование повседневной реальности индивидов без описания и детального анализа интенций, их структуры, оценочных переживаний и суждений [Rinofner-Kreidl, 2016].

На наш взгляд, в современной социологии следует говорить не о крахе дихотомии или двухчленной политомии, часто выступающей «под маской» дихотомии, а о ряде ограничений в применении этих приемов при изучении актуальной социальной проблематики, отражающей противоречия усложняющейся структуры и ускоряющейся динамики современного общества.

Обращение исследователей к дихотомии во многом обусловлено относительной простотой ее процедуры как приема классификации и выразительностью как риторического приема. Однако процедура дихотомического деления лишь на первый взгляд кажется простой. Ее реализация в социологическом исследовании связана с соблюдением методических требований и определяет, так сказать, методическую ответственность исследователя. Способ разделения изучаемого объекта посредством бинарной дизъюнкции, используемый для дихотомического деления по формуле исключения третьего «А – неА», не пользуется популярностью у социологов, поскольку оставляет непроясненной вторую часть бинарной пары, заданной отрицанием с частицей «не». По этой причине во многих случаях формирование бинарной пары в исследовании осуществляется на принципах двухчленной политомии, которая для «звучности» называется дихотомией, по сути таковой не являясь.

Кроме того, использование дихотомии, как и двухчленной политомии, ориентировано на контрастную оценку и интерпретацию исследуемого объекта, игнорирование его промежуточных состояний. Это обуславливает возможности их применения в изучении отдельных тем или для решения определенного круга задач в современной социологии.

Эвристические возможности двухчленного деления изучаемых объектов в современной социологии. Специфика дихотомии и двухчленной политомии, связанная с рассмотрением изучаемого объекта на основе его аналитического деления на две составляющие части, зачастую становится предметом критики и оценивается как ограничение в изучении сложных феноменов современного мира. Среди аргументов такой критики упоминаются упрощенный взгляд на изучаемый объект при дихотомическом делении, игнорирование промежуточных проявлений, кроме крайностей [Мотрошилова, 2011: 12], размывание границ между противоположностями из-за многосторонности явлений в современном интегрированном мире [Яницкий, 2019: 16–17]. Учитывая это, представляется значимым обратить внимание на эвристические возможности рассматриваемых приемов в исследовании социальной проблематики.

На современном этапе развития социологического знания по-прежнему сохраняется научная потребность в анализе и интерпретации изучаемых объектов через призму проблематизации их дуальности, крайностей и различий, противоречивости и в то же время определения их единства, взаимосвязанности, возможных вариаций.

С одной стороны, динамичная и усложняющаяся социальная реальность обуславливает новые задачи социологического познания, связанные с поисками баланса между крайностями, сближения противоположностей, преодоления противоречий для гармонизации социальных отношений. Как отмечает британский исследователь Х. Копнина относительно дихотомии как способа классификации, именно этот прием позволяет раскрыть проблематичный дуализм и крайности социальной реальности, предложить альтернативные модели, признающие взаимно конституирующие процессы и учитывающие противоположности, а также определить возможности срединного (оптимального) способа решения социальных проблем на основе устранения предвзятости крайних вариантов [Kopnina, 2016: 417–422]. Эта характеристика представляется применимой и к аналитическим возможностям двухчленной политомии.

В направлении поиска такого баланса и оптимальных решений проблем применение двухчленной политомии, как и дихотомии, может выступать исходным пунктом в определении искомых крайностей, противоположностей, противоречий. Так, в теоретическом конструкте исследования российских авторов под руководством Т.О. Разумовой семья и работа противопоставляются друг другу как две противоположные сферы жизнедеятельности современного человека, а затем эмпирически обосновывается возможность

достижения баланса между ними в целях обеспечения высокого качества трудовой жизни [Разумова и др., 2020].

С другой стороны, усложнение социального мира и ускорение происходящих в нем процессов ведут к возрастанию неопределенности и рисков, поляризации социальных отношений, что определяет актуальность изучения социальных крайностей и противоречий. По мнению швейцарского антрополога К. Гиордано, необходимым методическим инструментом для обнаружения существенных различий в социальной реальности, проведения их сравнительного анализа, интерпретации и обобщения оказываются именно дихотомии. Их полезность для социологического познания определяется эффективностью при научной концептуализации и анализе социальной реальности, ее крайностей и различий, что особенно значимо для теоретического уровня социологического знания [Giordano, 2017: 70].

В исследованиях по такой проблематике приемы двухчленной политомии и дихотомии могут быть востребованы для акцентирования различий, характеристики противоположностей, выявления трудностей сближения между ними или их нивелирования. Например, в недавнем исследовании, проведенном П. Гуха, А. Нетти и Р. Лобо в период до и во время пандемии COVID-19 в Индии, аналитическое противопоставление публичной и частной сфер жизни (посредством двухчленной политомии, но названное авторами дихотомией) использовано, чтобы показать крайности возврата труда женщин из общественной сферы к сфере домашнего хозяйства под влиянием пандемического кризиса [Guha et al., 2022].

Наряду с этим конструирование бинарных понятий, раскрывающих противоположные стороны изучаемого объекта, позволяет сделать акцент, с одной стороны, на самостоятельности каждой из них, с другой – на их взаимосвязанности между собой. Британский исследователь А. Боуден отмечает, что термины и темы, выделенные в рамках одной бинарной пары, могут рассматриваться и по отдельности, демонстрируя различные интерпретации изучаемых феноменов, и в комбинации с другими концептами, создавая предпосылки для целостной перспективы их рассмотрения [Bowden, 2017: 193]. Реализация такой процедуры представляется значимой для концептуализации основных понятий и построения теоретической модели социологического исследования.

Приемы двухчленной политомии и дихотомии предполагают упорядочивание и систематизацию данных по определенным принципам. В этом плане в социологических исследованиях они могут использоваться и как методический инструмент для обнаружения новых социальных фактов и взаимосвязей, что становится возможным благодаря упорядочиванию и организации данных по заданному критерию. Тем самым двухчленная политомия и дихотомия могут быть востребованы и при изучении усложняющейся и динамичной современной социальной реальности в рамках концептуализации, анализа и интерпретации изучаемых объектов, а также систематизации полученных данных. Однако применение этих приемов в конкретном социологическом исследовании требует учета их методической специфики, понимания принципиальных отличий друг от друга и соответственно корректного обозначения.

Помимо этого, по своей стилистической конструкции, связанной с противопоставлением понятий и конструированием бинарной пары, дихотомия и двухчленная политомия оказываются яркими риторическими приемами. За счет акцентирования противоположностей как антитезы они эффектно привлекают к себе внимание аудитории, и их использование в научном тексте обеспечивает выразительную форму репрезентации основной идеи исследования.

Заключение. Таким образом, анализ зарубежных и российских работ показывает, что в настоящее время в социологических и социальных исследованиях отмечаются, с одной стороны, редкое использование строгого дихотомического деления, с другой – широкая практика применения двухчленной политомии, зачастую некорректно называемой дихотомией, и достаточно распространенное конструирование бинарной пары по принципу антитезы, также неверно обозначаемой как дихотомия. Дихотомия в случаях некорректного обозначения приема образования бинарной пары начинает выступать в роли

привлекающего внимание речевого приема, не имеющего никакого отношения к способу классификационного деления.

Наряду с этим в большинстве исследований с использованием двухчленной политомии или дихотомии как приемов «разделения на два» отсутствует обоснование выбора конкретного приема в качестве способа формирования бинарной пары, используемой авторами для характеристики предмета исследования. Представляется, что именно это становится основной причиной неверного обозначения двухчленной политомии как дихотомии, требуя внимания и проработки со стороны авторов для повышения их методической культуры и грамотного построения языка социологического исследования.

Двухчленная политомиа и дихотомия как методические инструменты социологического исследования содержат в себе существенный эвристический потенциал для концептуализации, анализа и объяснения социальной проблематики и для систематизации данных. Они позволяют выявить различия в социальной реальности, осуществить их сравнительный анализ и интерпретацию, раскрыть дуализм и противоположные стороны изучаемых объектов, акцентировав при этом самостоятельность и взаимосвязанность этих крайностей, упорядочить и обобщить полученные данные на основе заложенного в двухчленном делении принципа, разработать альтернативные модели объяснения. Перечисленные возможности этих приемов раскрываются и при социологическом изучении новой социальной реальности в ее характеристиках усложненной структуры и ускоряющейся динамики. Вместе с тем в области социологического и социального познания значимыми для реализации двухчленной политомии и дихотомии как приемов аналитического деления изучаемых объектов остаются проблемы отсутствия исчерпывающих толкований к бинарным парам и основаниям для их выделения, определения наиболее валидных из них в конкретных предметных полях изучения социальной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурдые П. Различение: социальная критика суждения // *Экономическая социология*. 2005. Т. 6. № 3. С. 25–48.
- Дихотомии в учебниках гуманитарного цикла / В.П. Ключков, И.С. Казаков, И.В. Кротова и др. Курган: Курганский государственный университет, 2021.
- Дихотомические классификации в естественнонаучном знании / Т.В. Малькова, А.В. Овсянникова, И.В. Кротова, Н.О. Васильева. Курган: Курганский государственный университет, 2019.
- Каячева Л.В., Слесаренко Е.В. Дихотомия структурной трансформации экономики и макроэкономической нестабильности // *Экономические науки*. 2020. № 190. С. 7–11.
- Костяев А.И., Никонова Г.Н. Дихотомия «город-деревня»: от ретроспективы к современности // *Никоновские чтения*. 2021. № 26. С. 3–9.
- Мотрошилова Н.В. «Социальная эпистемология»: новые проблемы, дискуссии и дихотомии // *Ценности и смыслы*. 2011. № 5 (15). С. 5–31.
- Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.
- Писарь Н.В. К вопросу об определении понятия «дихотомия» в лингвистике // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Серия: Филология, педагогика, психология. 2016. № 3. С. 12–18.
- Разумова Т.О., Алешина А.Б., Серпухова М.А. Баланс семья-работа в условиях изменений качества трудовой жизни // *Уровень жизни населения регионов России*. 2020. Т. 16. № 3. С. 24–37.
- Татарова Г.Г. Система языковых конструкторов анализа социологических данных // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. 2003. № 4–5. С. 35–46.
- Юрченко В.М., Юрченко И.В., Готин М.Б. Дихотомия «конфликт – интеграция» в современном политическом процессе // *Вестник Российской нации*. 2020. № 1 (71). С. 57–68.
- Яницкий О.Н. Возможно ли сегодня социальное прогнозирование динамики мобильного мира? // *Вестник Института социологии*. 2019. Т. 10. № 1. С. 11–28.
- Antunes de Oliveira F. Development for Whom? the Developed/Underdeveloped Dichotomy // *Journal of International Relations and Development*. 2020. Vol. 23. Is. 4. P. 924–946.
- Bowden A. From Discrete Dichotomies to Plural Paradoxes: Re-Viewing Stratigraphical Time, Temporality and Change // *KronoScope*. 2017. Vol. 17. № 2. P. 182–208.

- Cheng L. To Leave or Not to Leave? "Intention" Is the Question. Investigating Farmers' Decision Behaviours of Participating in Contemporary China's Rural Resettlement Programme // *Environmental Impact Assessment Review*. 2022. Vol. 97. Art. no. 106888.
- Core Sociological Dichotomies / ed. by C. Jenks. London: SAGE Publications Ltd, 1998.
- Giordano C. What Is a Mediterranean Agro-town? On The Sense and Nonsense of Anthropological Dichotomies // *Logos (Lithuania)*. 2017. Vol. 92. P. 68–83.
- Guha P., Neti A., Lobo R. Merging the Public and Private Spheres of Women's Work: Narratives from Women Street Food Vendors during COVID-19 Crisis // *Gender, Work and Organization*. 2022. Vol. 29. № 6. P. 1935–1951.
- Ikram M., Zhang Q., Sroufe R., Ferasso M. The Social Dimensions of Corporate Sustainability: An Integrative Framework Including COVID-19 Insights // *Sustainability (Switzerland)*. 2020. Vol. 12. Is. 20. P. 1–29. Art. no. 8747.
- Jain M., Korzhenevych A. The Concept of Planetary Urbanization Applied to India's Rural to Urban Transformation // *Habitat International*. 2022. Vol. 129. Art. no. 102671.
- Kopnina H. Nobody Likes Dichotomies (But Sometimes You Need Them) // *Anthropological Forum*. 2016. Vol. 26. Is. 4. P. 415–429.
- Kuhlman C.J., Marathe A., Vullikanti A., Halim N., Mozumder P. Natural Disaster Evacuation Modeling: The Dichotomy of Fear of Crime and Social Influence // *Social Network Analysis and Mining*. 2022. Vol. 12. № 1. Art. no. 13.
- Rinofner-Kreidl S. Disenchanting the Fact / Value Dichotomy: A Critique of Felix Kaufmann's Views on Value and Social Reality // *Studies in the Philosophy of Sociality*. 2016. Vol. 6. P. 317–348.
- Patel A., Borja-Vega C., Mimmi L.M., Soukup T., Kolomaznik J., Bhan T., Mundt M.D., Lee H. Predicting Housing Deprivation from Space in The Slums of Dhaka // *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*. 2022. Vol. 49. Is. 8. P. 2112–2128.
- Polleri M. Towards an Anthropology of Misinformation // *Anthropology Today*. 2022. Vol. 38. No. 5. P. 17–20.
- Putnam H. *The Collapse of The Fact / Value Dichotomy and Other Essays*. Cambridge: Harvard University Press, 2004.
- Turner B.L. Vulnerability and Resilience: Coalescing or Paralleling Approaches for Sustainability Science? // *Global Environmental Change*. 2010. Vol. 20. Is. 4. P. 570–576.
- Zeng X., Yu Y., Yang S., Lv Y., Sarker M.N.I. Urban Resilience for Urban Sustainability: Concepts, Dimensions and Perspectives // *Sustainability (Switzerland)*. 2022. Vol. 14. Is. 5. Art. no. 2481.

Статья поступила: 14.11.22. Финальная версия: 11.04.23. Принята к публикации: 12.04.23.

DICHOTOMY AND TWO-COMPONENT POLYTOMY IN CONTEMPORARY SOCIOLOGY

PASOVETS Yu.M.

Kursk State University, Russia

Yuliya M. PASOVETS, Cand. Sci. (Sociol.), Assistant Professor, Department of Sociology, Kursk State University, Kursk, Russia (yulia_pasovets@mail.ru).

Abstract. The article analyzes specifics of dichotomy and two-component polytomy as methodical tools of research and the practice of their application to attract attention of contemporary authors to the importance of adequate choice, compliance with the principles and correct designation of methodical techniques in research, important for the competent construction of the language in sociological research. The paper reveals the features of dichotomy and two-component polytomy as techniques to analytically divide the considered object into two parts, the result of which is reflected in the constructed binary pair of concepts/themes. It determines their significant differences from each other, due to the principles of division, which reflect the completeness of the division, the nature of the relationship between the parts. The article analyzes the experience of applying the techniques of two-component object division in foreign and Russian sociological and social studies in recent years. It reveals the prevalence of the practices of using two-component polytomy and antithesis for the construction of binary pairs, which are often incorrectly designated as dichotomies, and rare cases of the use of strict dichotomous division, when the formed binary pairs can really be called dichotomies. The author opens up significant heuristic possibilities of two-component polytomy and dichotomy for conceptualization, analysis and interpretation of the increasingly complex and dynamic contemporary social reality, as well as systematization of the data obtained. These techniques allow to reveal dualism and opposite sides of the research objects, while emphasizing the independence and interconnectedness of extremes, to identify differences, to carry out their comparative analysis and interpretation, to organize and generalize the obtained data based on the principle of two-component division of the object, to develop alternative models of explanation.

Keywords: classification, dichotomy, two-component polytomy, binary pair, language of sociological research, methodology of science.

REFERENCES

- Antunes de Oliveira F. (2020) Development for Whom? Beyond the Developed / Underdeveloped Dichotomy. *Journal of International Relations and Development*. Vol. 23. Is. 4: 924–946.
- Bourdieu P. (2005) Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste // *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 6. № 3: 25–48. (In Russ.)
- Bowden A. (2017) From Discrete Dichotomies to Plural Paradoxes: Re-Viewing Stratigraphical Time, Temporality and Change. *KronoScope*. Vol. 17. No. 2: 182–208.
- Dichotomies in Humanities Textbooks* (2021) / V.P. Klochkov, I.S. Kazakov, I.V. Krotova et al. Kurgan: Kurgan State University. (In Russ.)
- Dichotomous Classifications in Natural Sciences* (2019) / T.V. Malkova, A.V. Ovsyannikova, I.V. Krotova, N.O. Vasilyeva. Kurgan: Kurgan State University. (In Russ.)
- Cheng L. (2022) To Leave or Not to Leave? “Intention” Is the Question. Investigating Farmers’ Decision Behaviours of Participating in Contemporary China’s Rural Resettlement Programme. *Environmental Impact Assessment Review*. Vol. 97. Art. no. 106888.
- Giordano C. (2017) What Is a Mediterranean Agro-town? On The Sense and Nonsense of Anthropological Dichotomies. *Logos (Lithuania)*. Vol. 92: 68–83.
- Guha P., Neti A., Lobo R. (2022) Merging the Public and Private Spheres of Women’s Work: Narratives from Women Street Food Vendors during COVID-19 Crisis. *Gender, Work and Organization*. Vol. 29. No. 6: 1935–1951.
- Ikram M., Zhang Q., Sroufe R., Ferasso M. (2020) The Social Dimensions of Corporate Sustainability: An Integrative Framework Including COVID-19 Insights. *Sustainability (Switzerland)*. Vol. 12. Is. 20: 1–29. Art. no. 8747.
- Jain M., Korzhenevych A. (2022) The Concept of Planetary Urbanization Applied to India’s Rural to Urban Transformation. *Habitat International*. Vol. 129. Art. no. 102671.
- Jenks C. (ed.) (1998) *Core Sociological Dichotomies*. London: SAGE Publications Ltd.

- Kayacheva L.V., Slesarenko E.V. (2020) Dichotomy of Structural Transformation of Economy and Macroeconomic Instability. *Ekonomicheskie nauki* [Economic sciences]. No. 190: 7–11. (In Russ.)
- Kopnina H. (2016) Nobody Likes Dichotomies (But Sometimes You Need Them). *Anthropological Forum*. Vol. 26. Is. 4: 415–429.
- Kostyaev A.I., Nikonova G.N. (2021) Dichotomy “City-Village”: from Retrospective to The Present. *Nikonovskie chteniya* [Nikonov Readings]. No. 26: 3–9. (In Russ.)
- Kuhlman C.J., Marathe A., Vullikanti A., Halim N., Mozumder P. (2022) Natural Disaster Evacuation Modeling: The Dichotomy of Fear of Crime and Social Influence. *Social Network Analysis and Mining*. Vol. 12. No. 1. Art. no. 13.
- Motroshilova N.V. (2011) “Social Epistemology”: New Problems, Discussions and Dichotomies. *Tsennosti i Smysly* [Values and Meanings]. No. 5 (15): 5–31. (In Russ.)
- Razumova T.O., Aleshina A.B., Serpukhova M.A. (2020) Work-life balance under conditions of changes in the quality of working life. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. Vol. 16. No. 3: 24–37. (In Russ.)
- Rinofner-Kreidl S. (2016) Disenchanted the Fact / Value Dichotomy: A Critique of Felix Kaufmann's Views on Value and Social Reality. *Studies in the Philosophy of Sociality*. Vol. 6: 317–348.
- Parsons T. (2000) *On the structure of social action*. Moscow: Academic project. (In Russ.)
- Patel A., Borja-Vega C., Mimmi L.M., Soukup T., Kolomaznik J., Bhan T., Mundt M.D., Lee H. (2022) Predicting Housing Deprivation from Space in The Slums of Dhaka. *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*. Vol. 49. Is. 8: 2112–2128.
- Pisar N.V. (2016) On the Definition of “Dichotomy” in Linguistics. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psihologiya* [Vestnik IKBFU. Philology, Pedagogy, and Psychology]. No. 3: 12–18. (In Russ.)
- Poller M. (2022) Towards an Anthropology of Misinformation. *Anthropology Today*. Vol. 38. No. 5: 17–20.
- Putnam H. (2004) *The Collapse of The Fact / Value Dichotomy and Other Essays*. Cambridge: Harvard University Press.
- Tatarova G.G. (2003) System of Language Constructions of Analysis of Sociological Data. *RUDN Journal of Sociology*. No. 4–5: 35–46. (In Russ.)
- Turner B.L. (2010) Vulnerability and Resilience: Coalescing or Paralleling Approaches for Sustainability Science? *Global Environmental Change*. 2010. Vol. 20. Is. 4: 570–576.
- Yanitsky O.N. (2019) Is Social Forecasting of The Mobile World's Dynamics Currently Possible? *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 10. No. 1: 11–28. (In Russ.)
- Yurchenko V.M., Yurchenko I.V., Gotin M.B. (2020) The “Conflict – Integration” Dichotomy in the Modern Political Process. *Vestnik Rossijskoj nacii* [Bulletin of Russian nation]. No. 1 (71): 57–68. (In Russ.)
- Zeng X., Yu Y., Yang S., Lv Y., Sarker M.N.I. (2022) Urban Resilience for Urban Sustainability: Concepts, Dimensions and Perspectives. *Sustainability (Switzerland)*. Vol. 14. Is. 5. Art. no. 2481.

Received: 14.11.22. Final version: 11.04.23. Accepted: 12.04.23.

© 2023 г.

М.Х. ФАРУКШИН

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВ В ЭТНОФЕДЕРАЦИЯХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

ФАРУКШИН Мидхат Хабибович – доктор философских наук, профессор-консультант Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Российская Федерация (Midkhat.Farukshin@kpfu.ru).

Аннотация. При наличии общих функций язык в этнических федерациях имеет ряд отличительных особенностей. Их анализу на основе опыта многонациональных и биэтнических федераций посвящена данная статья. Она состоит из четырех частей. В первой показана роль языка как критерия формирования составных частей этнических федераций. Во второй рассмотрен территориально ограниченный характер действия официальных языков субъектов федерации и вытекающие отсюда социальные последствия. Третья часть посвящена анализу использования языка в качестве социального критерия формирования органов государственной власти и избрания (назначения) должностных лиц. В четвертой части речь идет о проблеме сочетания общенационального государственного языка федерации и официальных языков субъектов федерации и перспективах двуязычия. Наличие функциональных особенностей, общих для языков в этнических федерациях, не означает отсутствия языковой специфики в каждой из них. В свою очередь это не исключает целесообразность заимствования элементов положительного опыта иных стран, что объясняет актуальность сравнительных исследований разных этнических федераций, в том числе в сфере языка и языковой политики.

Ключевые слова: язык • официальный язык • государственный язык • родной язык • доминантный язык • язык этнических групп • этническая федерация • двуязычие • моноязычие • идентичность

DOI: 10.31857/S013216250025796-8

Проблема языка и языковой политики в многонациональных государствах исключительно актуальна. Она имеет прямое отношение к совокупности проблем жизни любой полиэтнической страны: интеграции общества, его стабильности, безопасности государства, межэтническим отношениям, образованию и национальной культуре. Сфера языка – потенциально конфликтное поле: «более половины гражданских войн, происшедших после 1945 года, повлекли за собой языковой конфликт» [Shair-Rosenfield et al., 2021: 81]. «Язык часто является критическим аспектом этнического конфликта, потому что он рассматривается в качестве ключевого элемента этнической культуры и идентичности» [Mowbray, 2006: 3]. И отечественные эксперты констатируют, что «за послесоветский период языковые проблемы не раз оказывались в центре ожесточенных дебатов и конфликтных ситуаций» [Тишков, Степанов, 2016: 4]. Учитывая совокупность указанных

Автор благодарен членам редколлегии журнала «Социологические исследования» за ценные замечания.

факторов, становится очевидной научная и практическая актуальность исследования функций языка и анализ языковой политики как разновидности государственной политики в целом. Трудно не согласиться с тем, что «языковая политика имеет первостепенное значение в многоязычных обществах, поскольку она регулирует отношения между языковыми группами, а также отношения этих групп с государством» [Medeiros et al., 2020: 534].

Тема «национальные языки и федерализм» долгое время оставалась в тени. Недооценка проблемы языка в исследованиях федерализма обедняла их, особенно когда речь шла об этнических федерациях. «Положения, касающиеся признания и учета языковых различий, могут быть особенно актуальны в федерациях, во многих из которых проживает весьма разнообразное население. Действительно, во многих случаях языковое разнообразие было одной из ключевых причин, по которой федерализм занимал центральное место в основаниях страны или был результатом ее конституционной эволюции» [Morris, 2016: 69]. Как считают некоторые эксперты, «признание языкового разнообразия является одним из важнейших элементов институционализации федерализма в многоязычных странах» [Phyak, Awasthi, 2022: 6].

Языковая ситуация своеобразна в каждой из этнических федераций. Однако при этом есть характеризующие их общие черты. Одной из них являются функциональные особенности языков, свойственные именно этническим федерациям. Этой проблеме посвящена настоящая статья, написанная в русле социологии языка (направление – социальные функции языка) с выходом в область этносоциологии и социологии политики.

Этнолингвистический принцип в организации федерации. Этнические федерации – специфическая разновидность федеративных государств, отличающихся существенными влияниями этнического фактора на государственное устройство. Этнические федерации созданы по территориально-этническому принципу. Их границы в основном совпадают с границами компактного проживания титульной этнической группы, то есть группы, давшей название региону – субъекту федерации, на территории которого региональная власть пользуется относительной политической автономией.

Поскольку инструментальная роль языков различается даже среди этнических федераций, важно учитывать их деление на две группы. Одну составляют многонациональные федерации, в которых несколько субъектов, построенных по территориально-этническому принципу. В таких федерациях существует доминантная по численности и реальной роли в обществе нация, язык которой является в стране общенациональным, государственным языком, например в Российской Федерации – русский, в Испании – кастильский. Исключение составляет Индия. В этой многонациональной федерации два общенациональных официальных языка – хинди и английский. «С момента обретения Индией независимости как хинди, так и английский играли роль официальных языков в законодательной, административной, экономической, профессиональной, культурной, образовательной и судебной сферах» [Sarangi, Sharma, 2022: 6].

По Конституции Федеративной Демократической Республики Непал официальным языком государства является «непальский язык, написанный шрифтом деванагари». Семь составных частей федерации – провинций – могут в соответствии со своим законодательством определить один или более языков нации, на которых говорит большинство людей в провинции, в качестве своего официального языка (языков), в дополнение к непальскому языку.

В Конституции Эфиопии нет термина официальные или государственные языки. В ней говорится о рабочих языках: «рабочим языком федерального правительства является амхарский язык». «Члены федерации уполномочены в законодательном порядке устанавливать собственные рабочие языки» (ст. 5). Решение объявить амхарский рабочим, но не официальным языком федерального правительства принималось с учетом общественных настроений. Оно, очевидно, было направлено на то, чтобы избежать представления, что один язык доминирует над другими [Fessha, 2022: 9]. Из 11 регионов (штатов) 6 избрали рабочими языки большинства своего населения, 4 сохранили в качестве рабочего амхарский язык, один штат объявил рабочими два языка.

Опыт названных и других многонациональных федераций свидетельствует о том, что в условиях языкового многообразия чрезвычайно важное значение приобретает наличие общенационального государственного языка, который выполняет функции универсального коммуникатора, обеспечивающего социальную интеграцию и единство общества.

Субъекты многонациональных федераций имеют свои официальные языки, которые могут использоваться в разных сферах жизни. В Индии официальными признаны 22 языка, включая официальные языки штатов. Это отличает Индию от Пакистана, где изначально навязывался официальный язык Урду всему населению, провинциям отказано в праве на признание провинциальных языков и использование их внутри своей территории [Adeneyi, Swenden, 2019: 469].

Другую группу составляют так называемые биэтнические федерации, в которых существуют две основные этнические группы, компактно проживающие на своих территориях – субъектах федерации и участвующие в реализации власти на паритетных началах. Языки этих двух групп являются официальными языками этнической федерации, по крайней мере, формально юридически, при отсутствии общегосударственного языка. Типичными примерами таких федераций являются Бельгия и Канада. Близко к биэтническим федерациям примыкает федеративное государство Босния и Герцеговина, где сербы, хорваты и босняки считаются государствообразующими народами. Их родные языки являются официальными языками этой федерации. В Швейцарии три официальных языка – немецкий, французский, итальянский, имеют равные права, наряду с ними федеральная конституция признает в качестве национального языка страны ретороманский язык. Последний используется в местностях, где численно преобладают его носители, и является с марта 1996 г. служебным в отношениях федерации с гражданами – носителями данного языка.

Хотя языки в этнических федерациях испытывают влияние по существу тех же факторов и процессов, что и языки в других федеративных и унитарных государствах, положение языков и языковая политика в этнических федерациях имеет особенности. Отметим наиболее отличительные из них.

Прежде всего, особой функцией языка в этнических федерациях является то, что он выступает фактором, *определяющим деление федераций на составные части – по этнолингвистическому принципу*. С учетом его устанавливаются границы территорий субъектов федерации. В одних случаях, как в России, субъекты федерации формировались на основе как сугубо территориального принципа (например, края, области, федеральные города), так и территориально-этнолингвистического принципа (республики, автономная область, автономные округа). Чаше субъекты этнических федераций создавались исключительно по этнолингвистическому принципу. Такова ситуация в Бельгии, Боснии и Герцеговине, Индии, Канаде, Нигерии, Швейцарии и Эфиопии.

Как отмечают эксперты, «вопрос о языке занимал центральное место в эволюции бельгийской федерации»; федерализм в Бельгии «частично возник из абсолютно законного требования сохранить культурную и языковую самобытность каждой из составных частей населения» [Van Drooghenbroeck, Popelier, 2022: 15].

С 1991 г. в Эфиопии провозглашено равенство всех языков и организация составных частей федерации (регионов или штатов) по этнолингвистическому принципу. «Федерация состоит из 11 штатов, которые в общем и целом разграничены по этнолингвистическим линиям» [Fessha, 2022: 9].

Большое значение определение границ новых штатов по лингвистическому принципу имело в Индии. «Реорганизация штатов главным образом на языковой основе вскоре после обретения независимости подчеркнула важность доминантных региональных языков для политического и административного общения между штатами и центральным правительством» [Sarangi, Sharma, 2022: 7]. В Индии принимался во внимание не только лингвистический, но и этнический фактор. «Процесс был сложным и кропотливым, но удалось создать субнациональные единицы, называемые “штатами”, в основном на основе языка; впоследствии были также приняты во внимание этнические факторы» [Bhattacharya, 2019: 3].

Территориальная ограниченность языков. Другая особенность языковой ситуации и языковой политики в многонациональных и биэтнических федерациях заключается в том, что для языков этнических групп, доминирующих в субъектах федераций, характерна *территориальная ограниченность* их функционирования. Конечно, это не означает, что эти языки вообще не применяются за пределами территории соответствующих субъектов федерации: они используются также в диаспорах.

В Российской Федерации государственные языки республик не только распространены на их территориях, но и используются в иных регионах, в которых имеются диаспоры титульных наций. Татарский язык преимущественно применяется в Республике Татарстан, но им пользуются татарские диаспоры в других российских регионах. В Государственной Программе развития образования и науки Республики Татарстан на 2014–2025 гг. сообщается, что на сегодняшний день в 27 субъектах Российской Федерации функционируют 1366 образовательных учреждений с (татарским) компонентом содержания образования. Но это не отменяет того факта, что территориально наиболее интенсивно этот язык используется именно в республике.

В биэтнических федерациях территориальная ограниченность распространения официальных языков составных частей федерации зависит от природы языковых отношений и может носить более строгий характер. В Бельгии французский язык используется главным образом на территории Валлонии, а действие нидерландского языка ограничено пределами Фландрии. В Конституции Бельгии содержится указание на то, что действие декретов (имеющих силу закона) Советов Французской и Фламандской коммун ограничено соответственно регионами французского и нидерландского языков и не касается служб, деятельность которых распространяется за пределы лингвистического региона, в котором они расположены, а также федеральных и международных институтов, учреждаемых законом, деятельность которых имеет общий характер более чем для одного сообщества.

Несколько иная ситуация в Канаде. Два официальных языка – английский и французский, хотя не имеют чисто локальный характер, тем не менее, их распространение ограничено в основном территориями провинций: французский язык широко используется в Квебеке, где он является официальным языком провинции, и в меньшей мере в Нью-Юнко, где он тоже является официальным наряду с английским. Последний является де-юре или де-факто единственным официальным языком в остальных провинциях, в которых французским пользуются меньшинства при условии достаточной численности в местах компактного проживания.

При отсутствии общегосударственного языка и при территориальной ограниченности языков субъектов этнических федераций создаются определенные социальные и психологические трудности для населения. Об этом свидетельствует опыт Швейцарии. Каждый кантон имеет свой (в некоторых случаях свои) официальный язык. Переезд швейцарца из кантона в кантон, официальные языки которых разные, по сути, предполагает смену языка либо переход к двуязычию. Пересечение этнолингвистических границ чревато проблемами с адаптацией к частично другому законодательству, иному языку образования, общению с региональными и муниципальными органами власти на новом языке, использованию телевидения и других средств массовой информации на официальном языке нового кантона. Переселение в другой кантон вынуждает ассимилироваться на базе другого языка, на базе иной культуры. Швейцария считается многонациональной страной, а население в каждом кантоне является преимущественно моноязычным, что существенно затрудняет коммуникацию между людьми, проживающими в разных кантонах. Моноязычие утвердилось в силу того, что «в пределах кантонов высокоразвитая муниципальная автономия гарантирует преобладание одного языка соответственно в качестве языка, используемого в школах, церквях и официальными властями» [Jahn, 2019: 245].

Политическое оправдание системы фиксированных лингвистических границ дал Швейцарский Конституционный трибунал. Рассматривая дело по жалобе одного бизнесмена, он пояснил: «Лингвистические границы нашей страны, однажды установленные,

должны рассматриваться как неизменяемые. Обеспечение гармоничных взаимоотношений между различными сегментами (этническими группами) нашей страны требует, чтобы каждому была гарантирована целостность территории, на которой говорят на его языке и на которую распространяется его культура, и чтобы каждому было дано право препятствовать любому вторжению» [Larousse, 1992: 128]. По мнению зарубежного эксперта, этнолингвистическая структура швейцарского общества является как объединяющей, так и разделяющей силой. Язык разделяет франкоговорящих и говорящих на немецком языке швейцарцев и в то же время усиливает внутригрупповую связь в пределах лингвистических общин, которые в других случаях разделены в зависимости от религии, класса и региона. «Другими словами, этнолингвистическое разделение становится социальной основой демаркации границ коллективной идентичности» [Erk, 2003: 53].

Некоторые эксперты высказывают тревогу по поводу угрозы национальному единству страны в связи с широким распространением английского языка, с так называемой англоизацией общественной жизни. Сложилось положение, что немецкоговорящей и франкоговорящей Швейцарии легче общаться между собой на английском, чем на немецком или французском языке. «Эта тенденция отдавать предпочтение английскому в качестве второго языка, несмотря на все усилия, прилагаемые швейцарским государством и системой образования для сохранения одного из других национальных языков в качестве второго языка, является следствием глубокой экономической, социальной и повседневной культурной интеграции Швейцарии с Европой и миром, которая в последние годы стала реальностью для Швейцарии» [Jahn, 2019: 263].

Строгое деление территории и населения страны по языковому принципу ограничивает свободу выбора языка для связи граждан с региональными и локальными органами власти, при обращении за государственными услугами, получении образования. В Швейцарии при общении с федеральными властями или получении услуг, предоставляемых федеральной администрацией, граждане могут использовать любой из национальных языков по своему выбору – независимо от места их проживания. Все федеральные законы, нормативные акты и сообщения доступны одновременно на немецком, французском и итальянском языках и имеют равный правовой статус. Однако свобода выбора языка заканчивается в кантонах, которые сами определяют официальный язык, используемый их органами власти, школами и общественными службами [Belser, Mazidi, 2022: 8].

Примерно о том же свидетельствует пример Каталонии. Хотя согласно статье 6 ее Статута любой человек имеет право использовать оба официальных языка – каталонский и испанский, а «граждане Каталонии имеют право и обязаны знать их», одновременно указывается, что «собственным языком Каталонии является каталонский. В данном качестве каталонский язык является языком обычного и предпочтительного использования в работе органов общественного управления и средств массовой информации Каталонии, он также является языком общения и обучения в образовательной системе».

В Эфиопии региональным образованиям (т.е. субъектам федерации) предоставлено право требовать знания местного языка (каким бы незначительным ни было число его носителей) в качестве предварительного условия для трудоустройства и выборной должности, а также требовать, чтобы все дети изучали этот язык в школе. С учетом этого права регионов делается вывод, что «национальная политика в большей степени соответствует модели "официального многоязычия", поскольку она допускает, но не гарантирует сохранение всех эфиопских языков» [Smith, 2008: 227]. Но, ставя трудоустройство и занятие выборной должности в зависимость от знания местного языка, региональное образование нарушает социальные права человека, в частности право на труд.

В Российской Федерации территориальная ограниченность языка проявляется в том, что государственные языки республик воспринимаются как официальные только в соответствующих республиках. Интересная, хотя и мало существенная, деталь: при играх клубов «Ак Барс» и «Салават Юлаев» в континентальной хоккейной лиге (КХЛ) в Казани или Уфе перед матчем исполняются государственные гимны Российской Федерации

и соответствующей республики (Татарстана или Башкортостана), а при играх тех же клубов в других российских регионах исполняется только гимн Российской Федерации. Правда, в данном случае имеются в виду больше символы национальной государственности, однако сам факт исполнения гимнов соответственно на татарском и башкирском языках имеет и этнолингвистический оттенок.

Что касается отношений с региональными органами государственной власти и муниципальной власти, получения оказываемых ими населению услуг, то знание государственных языков республик не обязательно. Достаточно владение русским языком.

Язык как критерий при формировании органов власти. Языковая принадлежность граждан является в одних этнических федерациях формальным, в других неформальным (по умолчанию) критерием, используемым в процессе формирования и деятельности органов государственной власти.

В Бельгии в сформированный по лингвистическому принципу Сенат входит 29 франкоязычных, 41 нидерландоязычный, 1 немецкоязычный сенатор. Палата представителей разделена на две группы депутатов, говорящих на нидерландском и французском языках. Законодательство в области лингвистической политики и некоторые конституционные законы требуют особого способа принятия их голосованием (для прохождения этих законов необходимо получить большинство в каждой из лингвистических групп и 2/3 голосов членов парламента).

В Конституции Бельгии закреплено положение, что за возможным исключением премьер-министра Совет министров состоит из равного количества министров, изъясняющихся на французском языке, и министров, изъясняющихся на нидерландском языке. Правительство должно получить большинство внутри обеих главных этнолингвистических групп в парламенте. Посты государственных чиновников на правах паритета делятся между фламандцами и валлонами на уровне центральных органов управления и органов управления Брюсселя.

Состав Конституционного суда также отражает паритет двух лингвистических групп. Закон об Арбитражном суде 1989 г. предусматривал, что из 12 судей, назначаемых королем, шесть судей ранее Арбитражного, теперь Конституционного суда, говорящих на французском языке, образуют группу французского языка, а шесть судей, говорящих на нидерландском языке, – группу нидерландского языка Суда.

Разделение населения страны по этнолингвистическому принципу привело к регионализации политических партий. Их представители в федеральном парламенте подотчетны только перед своей этнолингвистической группой. Избирательные округа совпадают с этнорегиональными границами; во франкоговорящей общине и общине, в которой говорят по-нидерландски, проводятся разные кампании. В избирательных округах Валлонии конкурируют между собой только партии, отражающие интересы франкофонов, а Фландрии конкурируют между собой только фламандские партии. Поэтому для тех и других партий нет смысла проводить кампании в другой общине.

Этнолингвистический принцип представительства в органах государственной власти используется в Боснии и Герцеговине. Во второй палате парламента – Палате народов (House of People) – 15 сенаторов, по 5 босняков, хорватов и сербов. Роль главы государства играет Президиум, состоящий из трех человек, представителей босняков, хорватов и сербов. Закон о Совете министров ввел паритетное представительство в этом органе босняков, хорватов и сербов с выделением одного поста для представителя другого народа.

В Канаде с 1867 г. существует правило репрезентативности в правительстве Канады представителей основных языковых групп – англоканадцев и франкоканадцев. И те и другие имеют представительство в судебной системе.

В Швейцарии по ст. 175 Конституции 1999 г. при формировании Союзного Совета (правительства) «следует учитывать соразмерное представительство местностей страны и языковых регионов», а в части 4 ст. 188 содержится положение: «При выборах судей Союзного Суда обоего пола Союзное Собрание принимает во внимание представительство

официальных языков». Согласно обычному праву Федеральный совет, правительство Швейцарии, состоящий из семи членов, должен, как правило, включать два представителя франкоязычных кантонов и одного представителя итальянского кантона. Остальные члены представляют немецкоговорящие кантоны. «Администрации смешанных языковых коммун и кантонов также заботятся о том, чтобы обеспечить либо пропорциональное распределение должностей между языковыми группами, либо даже чрезмерное представительство языков меньшинств» [Jahn, 2019: 269–270].

В Российской Федерации официально отсутствует зависимость представительства в органах государственной или муниципальной власти от этнической принадлежности и языка человека. Она признается в некоторых случаях в отношении малочисленных народов. Так, Дума Ханты-Мансийского автономного округа – Югры состоит из 35 депутатов, 3 из которых представляют в законодательном (представительном) органе государственной власти округа коренные малочисленные народы. Неформально этноязыковой принцип в кадровых вопросах все же учитывается иногда и в России. По Конституции РФ каждый субъект федерации посылает в Совет Федерации по два человека. Республика Татарстан традиционно делегирует в этот орган представителей двух основных в республике этнических групп – одного татарина и одного русского. При выдвижении на пост главы республики федеральный центр иногда учитывает, что кандидат должен быть представителем титульной в ней национальности, владеющим государственным языком республики, но не обязательно.

Вопрос, должен ли глава республики в составе Российской Федерации знать язык титульной нации региона, является дискуссионным. Конечно, знание и использование государственного языка республики ее главой важно в том плане, что своим примером он может влиять на отношение к этому языку со стороны должностных лиц государственного и муниципального аппаратов региона, проведение в республике политики по сохранению и развитию национального языка. Знание родного языка народа помогает руководителю лучше чувствовать и понимать духовные основы своей нации, позволяет ему общаться с носителями этого языка, особенно в сельских районах, где они составляют большинство населения. Ничего дискриминационного это положение не содержит. Никто не запрещает кандидату на должность главы республики изучить наряду с русским язык титульной нации республики, который провозглашается государственным языком региона.

Однако федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 № 414-ФЗ не содержит требования о знании главой субъекта федерации каких-либо языков (ст. 20). Поэтому федеральная власть не ставит избрание главы республики в зависимость от знания или незнания кандидатом на эту должность языка титульной нации республики (Дагестан, Удмуртия).

Республики вынуждены руководствоваться названной статьей федерального закона и приспособлять свое законодательство. Так, до 2023 г. в Конституции Республики Татарстан содержалась норма, согласно которой Президент РТ должен был владеть государственными языками Республики Татарстан, т.е. русским и татарским. В результате принятия Закона о внесении изменений в Конституцию Республики Татарстан (1-ЗРТ от 26 января 2023) г. в Основной закон РТ была внесена поправка, согласно которой Глава (Раис) Республики Татарстан «при осуществлении своих полномочий использует государственные языки Республики Татарстан», т.е. введена ни к чему не обязывающая норма.

Проблема двуязычия в этнофедерациях. В многонациональных этнических федерациях существует проблема сочетания общенационального официального (государственного) языка и официальных языков субъектов федерации, усвоения населением последних обоих языков. В биэтнических федерациях возникает та же проблема, но связанная с использованием языков двух основных этнических групп. Поэтому для этнических федераций актуальна *проблема двуязычия*. Формирование и внедрение двуязычия представляет непростую задачу, которая не была решена в полной мере ни в одной этнической федерации. Так, в Испании, согласно Конституции, «кастильский является официальным

государственным языком. Все испанцы обязаны его знать и имеют право пользоваться им». «Остальные языки Испании являются также официальными в соответствующих автономных Сообществах в соответствии с их Уставами» (ст. 3).

Так, согласно Статуту Каталонии, каталанский язык является официальным языком Каталонии. Также является официальным кастильский язык, являющийся официальным языком испанского государства. Любой человек имеет право использовать оба официальных языка, а граждане Каталонии имеют право и обязаны знать их. Казалось бы, что в Каталонии законодательно стимулируется двуязычие. Однако подтверждается правило: двуязычными становятся в первую очередь носители языка этнолингвистического меньшинства: «все носители каталанского языка говорят по-испански» [Woolard, 2018: 30].

Владение доминантным в стране языком повышает возможности получения высшего образования, нахождения работы, социальной мобильности. Так, опираясь на богатую эмпирическую базу, российские социологи подчеркивают, что для массового сознания характерно представление: «русский язык – прагматически необходимый язык, если ты живёшь и хочешь состояться в профессии и других сферах жизни в России, это средство для получения образования, для саморазвития, язык профессионального и социального роста» [Российская идентичность..., 2022: 245].

Владение региональным языком при его достаточной развитости в благоприятных социальных условиях тоже помогает улучшить личные перспективы. Например, по некоторым оценкам, правда, основанным на переписях 1990-х гг. в Каталонии, вероятность трудоустройства увеличивается на 3–5 процентных пунктов, если люди умеют читать и говорить по-каталански; она увеличивается на 2–6 процентных пунктов при умении писать на каталанском языке [Rendon, 2007: 683–684].

На фоне ниспадающей динамики языков этнических меньшинств под воздействием процессов глобализации важнейшим фактором сохранения и расширения роли этих языков является использование их в региональном государственном управлении. Именно от этого зависит степень распространенности названных языков в публичном пространстве в целом. В Испании на государственной службе в автономных сообществах требуется знание обоих официальных языков – общенационального кастильского и официального языка соответствующего автономного сообщества. При этом это требование является либо всеобщим для всех видов указанной службы, как в Каталонии, либо некоторых из них в зависимости от доли носителей регионального языка, как в Стране Басков [Castillo, López-Basaguren, 2022: 12]. Для сравнения: в республиках в составе Российской Федерации использование в региональном государственном управлении их государственных языков не обязательно. Они заменяются русским языком.

В биэтнических федерациях с двумя официальными языками соотношение между ними носит противоречивый и не равноправный характер и не ведет к полномасштабному двуязычию. Например, немалое напряжение в политической и общественной жизни Канады создает языковая ситуация в связи с внедрением англо-французского двуязычия. В Канаде законодательно закреплено равноправие языков английского и французского. Законы публикуются на обоих языках. Гарантируется двуязычие при предоставлении федеральных услуг, а также право обращаться в органы публичной власти на любом из официальных языков и даже на другом языке, если на это есть значительный спрос. Канадцы вправе получать ответ из органов власти на любом из них. Федеральная власть обязана создавать равные возможности в области занятости в федеральных институтах как для франкофонов, так и для англоязычных граждан, поощрять создание коммун лингвистического меньшинства по всей Канаде [Simeon, Turgeon, 2013: 57]. Канадское правительство принимало специальную программу «Планирование развития канадского двуязычия», предпринимало меры, направленные на повышение роли французского языка. Согласно одной точке зрения, «власти осознали необходимость перехода от официального двуязычия, предполагающего наделение равными языковыми правами, к “двуязычию на практике”, предполагающему формирование максимально двуязычной нации» [Куралесина,

2017: 165]. Но полноценного распространения двуязычия по стране не произошло. Рост двуязычия «сигнализирует о позитивных изменениях, однако, проценты довольно низкие и привлекают внимание ко многим людям, которые не являются двуязычными в двуязычной, как предполагается, стране» [Ryan, Sinay, 2020: 312]. Сформировалось по существу одностороннее двуязычие за счет более активного использования франкофонами английского языка. Более того, в Канаде сложились два лингвистических режима: один на федеральном уровне – официальное двуязычие, другой функционирует на провинциальном уровне в Квебеке и тоже официально – одноязычие. Естественно, это создает противоречивую ситуацию, и перспективы ее разрешения пока не просматриваются.

Напряженная ситуация с основными официальными языками сложилась в другой биэтнической федерации – Бельгии. Французский и нидерландский языки не только не олицетворяют двуязычие, но взаимно исключают друг друга. Взаимоисключающий характер двух основных языков Бельгии является отражением взаимоотношений этнических групп – носителей этих языков.

Монолингвизм оказывает серьезное влияние на жизнь бельгийцев. Он пронизывает, например, систему образования. Поскольку последняя относится к компетенции регионов – субъектов федерации, существование субсидируемых правительством школ на французском языке во Фландрии невозможно, как и государственных школ с нидерландским языком обучения – в Валлонии. Это не исключает возможность организации частных школ с обучением на французском языке во Фландрии, и наоборот. Языковая политика Бельгии не направлена на создание двуязычной нации. Билингвальных школ не существует даже в двуязычном регионе Брюссель.

Хотя в Швейцарии национальными считаются четыре языка, примерно 9% граждан используют другие языки. Однако, несмотря на такое многоязычие, в Швейцарии существуют довольно резкие языковые границы, разделяющие кантон: «за исключением ограниченного числа муниципалитетов, официального двуязычия на местном уровне не существует. Швейцария может быть четырехязычной, но в большинстве случаев каждую часть ее территории можно рассматривать как одноязычную»¹.

В республиках в составе Российской Федерации в языковой жизни утвердилось не настоящее двустороннее двуязычие (русско-национальное и национально-русское), а одностороннее национально-русское, когда представитель нерусской этнической группы может общаться и на родном языке, и на русском, а русскоязычный гражданин РФ – только на русском. Существующее в России одностороннее национально-русское двуязычие вследствие нежелания русских в основной массе изучать языки других народов Российской Федерации не дает оснований предъявлять претензии к русскоязычному населению. Необходимо признавать реальность, а она такова, что инструментальная роль языка является решающим фактором для распространения двуязычия. Это подтверждается российской и международной практикой. Русский язык выполняет все необходимые для русскоязычного населения функции.

Справедливо утверждение, касающееся двуязычия в целом: «Двуязычие связано с объемом контактов между различными лингвистическими группами: люди из большой лингвистической группы с меньшей вероятностью становятся двуязычными, в основном оно распространено в малых языковых группах» [Анохина, 2002: 117]. Более реальным двуязычие станет тогда, когда оно является безальтернативным условием для работы, престижной должности, общения в трудовом коллективе, в быту.

* * *

Выделение языка и языковой политики в этнических федерациях в качестве самостоятельного объекта исследования и свойственных им в этой области некоторых общих

¹ Grin F. Language Policy in Multilingual Switzerland: Overview and Recent Developments // Paper presented at the Cicle de confèrencies sobre política lingüística Direcció general de política lingüística Barcelona. 1998. 4 December.

черт не означает игнорирование специфики ее в каждой из таких федераций. Она определяется историческими условиями, этническим составом социума, природой государственного устройства и политической культурой общества. Вот почему опыт ни одной страны не может быть автоматически перенесен на почву другого государства. Строго говоря, ни одно государство не может быть моделью для других. Вместе с тем сказанное не исключает возможность и необходимость заимствования положительного опыта иных стран. Именно это в первую очередь делает актуальными сравнительные исследования разных этнических федераций, в том числе в сфере языка и языковой политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Анохина В.С. Англо-французское двуязычие в современной Канаде // США-Канада. Экономика-политика-культура. 2002. № 11: 111–120. [Anokhina V.S. (2002) English-French bilingualism in modern Canada. *SSHA-Kanada. Ekonomika-politika-kul'tura* [USA-Canada. Economics-politics-culture]. No. 11: 111–120. (In Russ.)]
- Куралесина Е. Новейшие аспекты языковой политики Канады // Древняя и Новая Романья. 2017. Вып. 12. С. 154–166. [Kuralesina E. (2017) The newest aspects of the language policy of Canada. *Drevnyaya i Novaya Romaniya* [Ancient and New Romania]. Iss. 12: 154–166. (In Russ.)]
- Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика / Отв. ред. И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. [Kuznetsov I.M., Ryzhova C.V. (eds) (2022) *Russian identity and interethnic relations. Public discourse and social practice*. Moscow: FNISTS RAN. (In Russ.)]
- Тишков В.А., Степанов В.В. Введение. Национальные языки и этнокультурное образование в регионах России // Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России / Ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 4–19. [Tishkov V.A., Stepanov V.V. (2016) Introduction. National languages and ethno-cultural education in the regions of Russia. In: Tishkov V.A., Stepanov V.V. (eds) *Interethnic relations and ethno-cultural education in the regions of Russia*. Moscow: IEA RAN: 4–19. (In Russ.)]
- Adeneyi K., Swenden W.F. (2019) Power-Sharing in the World's Largest Democracy: Informal Consociationalism in India (and Its Decline?) *Swiss Political Science Review*. Vol. 25. Iss. 4: 450–475. DOI: 10.1111/spsr.12360.
- Belser E.M., Mazidi S. (2022) Linguistic Diversity in Switzerland: Going Beyond Territorial Accommodation. *Forum of Federations, Occasional Paper Series*. No. 57: 24.
- Bhattacharyya H. (2019) State Reorganization and Accommodation of Ethno-Territorial Cleavages in India. *Forum of Federations. Occasional Paper Series*. No. 29: 21.
- Castillo A.L., López-Basaguren A. (2022) Minority Languages in Spain: Recognition, Promotion and Some Conflicts. *Forum of Federations, Occasional Paper Series*. No. 62: 22.
- van Drooghenbroeck S., Popelier P. (2022) The Belgian Linguistic Compromise: Between Old Battles and New Challenges. *Forum of Federations, Occasional Paper Series*. No. 55: 19.
- Erk J. (2003) Swiss Federation and Congruence. *Nationalism and Ethnic Politics*. Vol. 9. Iss. 2: 50–74. DOI: 10.1080/13537110412331301415.
- Fessha Y.T. (2022) Language Policy in Federal Ethiopia: Too Much or Too Little? *Forum of Federations, Occasional Paper Series*. No. 60: 18.
- Jahn E. (2020) *War and Compromise between Nations and States. Political Issues under Debate*. Vol. 4. Springer.
- Laponce J.A. (1992) Reducing the Tensions Resulting from Language Contacts: Personal or Territorial Solutions. In: *Towards Reconciliation: The Language Issue in Canada in the 1990s. Proceedings of a Conference*. Kingston, Ontario: Institute of Intergovernmental Relations, Queen's University: 125–131.
- Medeiros M., von Schoultz E., Wass H. (2020) Language matters? Antecedents and political consequences of support for bilingualism in Canada and Finland. *Comparative European Politics*. Vol. 18. Iss. 4: 532–559. DOI: 10.1057/s41295-019-00198-x.
- Morris M.A. (2016) *Language Politics of Regional Integration: Cases from the Americas*. New York: Palgrave Macmillan.
- Mowbray J. (2006) Ethnic Minorities and Language Rights: The State, Identity and Culture in International Legal Discourse. *Studies in Ethnicity and Nationalism*. Vol. 6. Iss. 1: 2–29. DOI: 10.1111/j.1754-9469.2006.tb00072.x.
- Phyak P., Awasthi L.D. (2022) Developing and Implementing Multilingual Policy in a Federal Nepal: Opportunities and Challenges. *Forum of Federations, Occasional Paper Series*. No. 54: 20.

- Ryan Th.G., Sinay E. (2020) Canadian Perspective: French Language Learning. *International Journal of Educational Reform* 2020. Vol. 29. Iss. 4: 311–333. DOI: 10.1177/1056787920913245.
- Rendon S. (2007) The Catalan premium: language and employment in Catalonia. *Journal of Population Economy*. Vol. 20. Iss. 3: 669–686. DOI: 10.1007/s00148-005-0048-5.
- Shair-Rosenfield S., Schakel A.H., Niedzwiecki S. et al. (2021) Language difference and regional authority. *Regional & Federal Studies*. Vol. 31. No. 1: 73–97. DOI: 10.1080/13597566.2020.1831476.
- Simeon R., Turgeon L. (2013) Seeking autonomy in a decentralised federation. The case of Quebec. In: *Practising Self-Government: A Comparative Study of Autonomous Regions*. Ed. by Yash Ghai, S. Woodman. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sarangi A., Sharma A. (2022) Language Policy and Federalism in Independent India. *Forum of Federations Occasional Paper Series*. No. 58: 27.
- Smith L. (2008) The Politics of Contemporary Language Policy in Ethiopia. *Journal of Developing Societies*. Vol. 24. Iss. 2: 207–243. DOI: 10.1177/0169796X0802400206.
- Woolard K. (2018) A. Language, Identity, and Politics in Catalonia. *Brown journal of world affairs*. Vol. XXV. Iss. 1: 21–40.

Статья поступила: 09.02.23. Финальная версия: 30.03.23. Принята к публикации: 07.04.23.

FUNCTIONAL FEATURES OF LANGUAGES IN ETHNOFEDERATIONS: A COMPARATIVE ANALYSIS

FARUKSHIN M.Kh.

Kazan (Volga region) Federal University, Russia

Midkhat Kh. FARUKSHIN, Dr. Sci. (Phil.), Consulting prof., Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia (Midkhat.Farukshin@kpfu.ru).

Abstract. The main thesis in this article is that, along with general functions that languages perform in any unitary or federal state, languages in ethnic federations also perform specific functions determined by the organization and composition of these federations and expressed differently in multinational ethnic federations and in ethnic federations without a national state language, in so-called bi-ethnic federations and federations with three and four regional official languages. The article highlights four specific functions of languages in ethnic federations. Firstly, the ethno-linguistic principle serves as a criterion for the formation of ethnic federation subjects, thus making languages a factor in the territorial division of the latter. Secondly, the languages of ethnic federations are characterized by geographically limited nature of their action creating more obstacles to the mobility of the population and, also, to the formation of a common civil identity. Thirdly, in ethnic federations, knowledge of the official languages of their subjects is often a legally binding or default requirement in staffing government bodies and electing (appointing) officials. Fourth, taking into account the ratio of official languages – national and regional in multinational ethnic federations, as well as the ratio of regional languages of ethnic groups among themselves, – the problem of possible bilingualism emerges.

Keywords: language, mother language, official language, dominant language, language of ethnic groups, ethnic federation, bilingualism monolingualism, national and regional identity.

Received: 09.02.23. Final version: 30.03.23. Accepted: 07.04.23.

С.В. БАРСУКОВА

ОТНОШЕНИЕ МОСКОВСКИХ СТУДЕНТОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ К ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЬБЕ

БАРСУКОВА Светлана Юрьевна – доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ, Москва, Россия (sbarsukova@hse.ru).

Аннотация. Свадьбы играют важную роль в культурном пространстве Центральной Азии. Множество гостей, затрачиваемые ресурсы, огромное значение для репутации семьи – слагаемые таких свадеб. Насколько молодые люди из стран Центральной Азии, обучающиеся в Москве, готовы транслировать эту традицию? Для ответа на этот вопрос проведены интервью со студентами одного из московских университетов. Опрос показал неоднородность отношения молодых людей к свадебным традициям: от готовности им безоговорочно следовать до конфликтного несогласия с родителями по этому поводу. Критику традиционного формата вызывает масштаб свадебных мероприятий и сопутствующие им затраты. Молодые люди выступают за более камерный формат свадеб, за экономию средств, за отказ от обрядов, акцентирующих гендерное неравенство.

Ключевые слова: свадебные ритуалы • ритуалы жизненного цикла • молодежь • студенты • конфликт поколений • свадьба в Центральной Азии

DOI: 10.31857/S013216250021652-0

Традиционная свадьба является важнейшей частью культурного кода жителей Центральной Азии (ЦА) [Хушкадамова, 2010]. Многоэтапное ритуальное действие, требующее значительных ресурсных вложений, – приверженность традициям и включенность в национальную культуру. Ценностные смыслы, заключенные в ритуалах, являются способами фиксации культурного кода общества [Большаков, 2016, Хушкадамова, 2011]. Сформированные в определенных социально-исторических условиях ритуалы и традиции передаются от поколения к поколению, опираясь на ценностный консенсус в обществе [Юнусова, 2013]. Что происходит, когда консенсус не очевиден? Может ли свадьба стать точкой конфликта между поколениями отцов и детей? Могут ли молодые люди критически относиться к свадебным обрядам и противиться их соблюдению?

Статья посвящена отношению к свадебным традициям молодых людей из стран ЦА (Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана), которые учатся в России. Их отличает высокая мобильность и нацеленность на получение образования как основу успешной карьеры. Сам факт приезда в Москву свидетельствует о толерантности к ценностям и моделям поведения принимающей стороны. Важно подчеркнуть: речь идет не о молодежи вообще, а о наиболее верстернизированных молодых людях из стран ЦА. Многие намерены вернуться на родину после окончания учебы и в этом смысле могут служить социальными катализаторами коррозии традиций¹.

Статья написана в традициях этнографического описательного исследования, что предполагает значительный объем цитатного материала.

Методология исследования. Исследование проведено в качественной методологии. Его основу составили интервью со студентами из ЦА, обучающимися в одном из

Статья написана в рамках гранта РФФИ, проект № 20-59-22001.

¹ Студенты, принимающие участие в исследовании, учатся по квотам российского правительства и не имеют обязательств вернуться на родину и отработать какой-то срок.

ведущих вузов Москвы. Речь идет об университете с высоким уровнем требований к знаниям и обязательным владением русским языком. Иностранным студентам по электронной почте было разослано приглашение принять участие в разговоре на свадебную тему. Желающих поговорить об этом оказалось больше, чем временные возможности интервьюера. Молодые люди не просто согласились дать интервью, а активно заявили о своей заинтересованности обсудить эту тему, что говорит о потребности в вербализации своих размышлений о свадьбах как одной из популярных тем в молодежной среде. Проведено 23 интервью, с девушками (12) и парнями (11) в возрасте от 18 до 22 лет (Узбекистан – 8, Кыргызстан – 5, Казахстан – 10). На момент проведения исследования некоторые молодые люди имели партнеров, с которыми надеялись создать семью. Одна девушка готовилась к свадьбе, которая должна была пройти дома, в Астане.

Вторым источником информации послужили материалы экспедиции в Самарканд (Узбекистан) в 2022 г. Атмосферу свадьбы невозможно почувствовать вне собственного опыта: «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». В ходе экспедиции нам удалось побывать на свадьбах, взять интервью в семьях, имеющих опыт их проведения, а также у руководителей и активистов махалли (поселенческая община, аналог нашего муниципального управления), вовлеченных в организацию свадебных торжеств. Характер собранных данных не позволяет делать выводы о степени распространенности тех или иных суждений и моделей поведения. Качественная методология дает возможность выявить репертуар мнений, способы легитимации своей позиции, вариативность отношения молодых людей к традиционной среднеазиатской свадьбе.

Свадьба – не событие, а последовательность ритуалов. Свадьба в культурной традиции ЦА – не одноразовое действие, а целый перечень мероприятий со своими правилами. Череда обрядов может растягиваться на несколько недель или даже месяцев. Между сватовством («кудалык») и свадьбой проходит множество мероприятий, что резко контрастирует с российскими свадьбами в их современном варианте. Респонденты подчеркивают обрядовую сложность среднеазиатских свадеб, общее мнение выразил респондент из Кыргызстана: *«Русские свадьбы менее роскошные, менее замороченные»*. Безусловно, и в России, и в странах ЦА происходит резкое расслоение населения, и богатые семьи затрачивают на свадьбы больше средств. Однако общий нормативный порядок и представление о «средней свадьбе» налагают на семьи в ЦА значительно большее бремя финансовых и временных издержек [Барсукова, 2022а]. Финансовая обременительность свадеб ведет к росту закредитованности населения, что воспринимается правительствами этих стран как государственная проблема [Барсукова, 2022б]. Так, в Таджикистане и в Узбекистане пытаются законодательно ограничить масштаб ритуальных торжеств². Это касается количества гостей, длины свадебных кортежей и других элементов, которые можно контролировать. Однако переломить общественное мнение (*орзу хавас*) непросто [Азимова, 2020].

Оговоримся, что свадебные традиции различаются не только между странами, существуют и региональные различия. Последние закрепляются в многообразных терминах, которые имеют локальное распространение. Даже, казалось бы, канонический «калым» (выкуп невесты) или «махр» (выделяемое жене имущество) используют не во всех странах. Отметим забавный эпизод: в Самарканде среди узбекских собеседников разгорелся спор. Одни доказывали, что махр еще с советских времен остался только в литературе и в современных условиях речи не может быть о махре или выкупе невесты даже в отдаленных районах. Другие занимали иную позицию: традиции воспроизводятся, в их повседневном опыте есть тому подтверждения. Мы не компетентны судить о судьбе махра или калыма, но в наших интервью студенты прекрасно ориентировались в этих понятиях.

² В Республике Таджикистан в 2008 г. принят Закон «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» (впоследствии он неоднократно дорабатывался). С сентября 2019 г. в Узбекистане действует Положение о порядке проведения свадебных торжеств [Азимова, 2020].

О калыме вспоминали и юноши, и девушки, хоть и придавали ему значение символического жеста, а не реального торга за невесту.

Региональные различия прослеживаются в массе нюансов. *«Даже бишбармак будет отличаться. На юге меньше мяса добавляют. На севере меньше теста, а сверху почти целого коня могут положить»*, – замечает девушка из Астаны. С учетом оговорки о региональных различиях опишем общий порядок свадебного ритуала. Прежде всего, надо найти подходящую невесту: несмотря на новые веяния, поиск невест остается важным слагаемым создания новой семьи. *«Со стороны мальчика его родственницы могут ходить в махалли и спрашивать, если ли девочки на выданье. Даже в университеты, в лицеи, в колледжи пускали этих женщин, показывали им досье на девочек. Они расспрашивали учителей. Если нашли хорошую девочку, могут связаться с ее родителями, чтобы организовать знакомство. Если по фотографиям дети не против, то им организуют встречу»*, – рассказывает студентка из Ташкента.

Первый фильтр родительского отбора происходит заочно. Поводом для отказа от знакомства могут быть ее возраст, район проживания, национальность, положение родителей и пр. Традиции не позволяют привести для знакомства девушку, не получив предварительного согласия родителей. В традиционных обществах молодые люди если встречаются, то женятся. А если таких намерений нет, стараются скрывать свои отношения. Проживший несколько лет в Москве студент из Бишкека так описывает эту ситуацию: *«У меня совсем недавно с мамой произошел разговор. Я был обескуражен. Я хотел познакомить родителей со своей девушкой. Но мама сказала: "Нет, ты приведешь домой только ту девушку, которая станет твоей женой". Я думал, что мои родители более современные. Причем моя мама учительница, то есть это даже не от образования зависит. Это установлено на культурном уровне»*.

Национальность может стать причиной родительского запрета на брак. *«Мне не было прямо сказано, но установка от родителей была, что девушку я могу взять только свою, из Кыргызстана или из Казахстана. Из Узбекистана и Таджикистана тоже нет. Русскую я не смогу взять. Я уверен в этом»*, – мнение студента из Бишкека. Отметим, что его мама, киргизка, преподает в школе русский язык и литературу, дома часто говорят на русском языке.

Внутри страны региональные различия также могут стать препятствием для брака. *«У нас в Киргизии существует жесткое деление между областями. Север и юг не очень хорошо друг к другу относятся. На этой почве может быть отказ. Я с севера, если приведу девушку с юга, родители могут сразу отказать»* (Кара-Балта, Кыргызстан).

Если после предварительного отбора состоялось знакомство, то приступают к сватовству, которое также многоактовое действие. (При отсутствии согласия невесту могут и украсть [Ларина, Наумова, 2010].) Мать жениха приходит в дом невесты с подарками. Если женщины договорились, то к переговорам присоединяются мужчины, оговаривают сроки и условия проведения свадьбы. Обряд помолвки сопровождается ритуальными действиями, например, в Узбекистане это разламывание лепешки, что делают только мужчины рода. Кусочки такой ритуальной лепешки вместе с конфетами раздают родственникам с обеих сторон.

Отдельно проходит обряд надевания будущей свекровью сережек невестке как символ принятия девушки в новую семью (*«сырга салу»*). Мать невесты должна получить ценный подарок от родителей жениха, с красноречивым названием «за молоко матери». Затем уплачивается калым за невесту, который получают ее родители³. Жених дарит невесте ценный подарок или выделяет долю в собственности («махр»), что останется с ней и в случае развода. *«Муж... обязан подарить жене драгоценный подарок, и эта сумма оговаривается»*, – объясняет студентка из Астаны.

Затем приходит очередь провожать невесту из отчего дома в дом жениха (*«кыз узату»*). Предварительно в дом новобрачных привозят приданое невесты (*«сарпа»* у узбеков

³ Некоторые юристы усматривают в калыме элементы сходства с торговлей людьми [Сумачев, 2014].

или «сеп» у казахов). Это делается в присутствии родственников жениха. Важно, чтобы они были удовлетворены обилием и качеством приданого. Не случайно «сарпа» переводится с узбекского языка как «с ног до головы», что подчеркивает обилие вещей, позволяющих полностью покрыть потребность невестки в одежде.

В разных странах есть свои традиции, придающие национальный колорит свадебным торжествам. Например, у узбеков свадьбу предваряет утренний плов («ош»), на который собираются только мужчины. Также плов готовят, когда жених и его родственники-мужчины приезжают забирать невесту из отчего дома. *«У ташкентских узбеков принято, что жених должен всех неженатых покормить пловом с руки»*, – рассказывает студент-узбек. А у казахов есть обряд представления невесты родственникам жениха под традиционную музыку на домбре («беташар»). Наконец, молодые регистрируются в ЗАГСе, затем их союз скрепляет представитель духовенства («никах» или «никох») [Латипова, Ганиева, 2019], после чего наступает черед свадьбы.

Но на этом история не заканчивается. В некоторых регионах родители невесты должны принести еду в дом новобрачных три раза в день в течение нескольких недель после свадьбы, а молодая жена должна встречать гостей в платьях, доставшихся ей в качестве приданого. К новобрачным приходят гости, и невестка должна встречать, радовать глаз, меняя наряды, при этом закрывать рот символическим платком, не произнося ни звука. Право голоса у нее появляется после того, как свекор сделает ей подарок. Это может произойти на следующий день или через несколько недель, как повезет.

Варианты отношения студентов к традиционной свадьбе. Отношение молодых людей к традиционной свадьбе различно. О количественном наполнении этих групп мы не можем судить ввиду качественной методологии исследования, но важно зафиксировать этот спектр.

Первая группа представлена теми, кто добровольно намерен следовать традиционным свадебным обрядам. *«У нас есть традиции, и мы их выполняем»*, – мнение студентки из Ферганы. *«В каждом ребенке с детства закрепляется, что эти мероприятия обязательны»* (студентка из Костаная, Казахстан). Описание свадеб изобилует проявлениями эстетической восторженности. Импонирует эстетика национальных музыкальных инструментов, обрядов, их четкой регламентированности и детализации. Девушек радует возможность собрать щедрый урожай подарков в виде нарядов и ювелирных украшений.

Вторая группа объединяет тех, кто умеренно критикует свадебные традиции, но готов им подчиниться, чтобы не расстраивать родственников. Это группа свадебных конформистов. *«Мне бы хотелось обойтись без этого, но знаю, что придется подчиниться»* (Кара-Балта, Кыргызстан). Девушка из Узбекистана рассказала фрагмент своих детских воспоминаний. На свадьбе старшей сестры отец, угощая пловом друзей, сказал, что его мечта – дожить до утреннего плова на ее свадьбе. *«И я эти слова впитала и не хочу расстраивать своего папу»*. Эта же девушка с восхищением рассказывала про подарки невесте. *«Моей знакомой из Бухары надали золотых браслетов, прямо до локтя можно руку украсить»*. Желание не расстраивать отца органично уживалось с желанием украсить руку до локтя золотыми браслетами. Умеренные критики в ходе интервью извиняются за то, что позволяют себе критически высказываться о традициях (*«Может это нехорошо, что я так говорю»*).

Третья группа представлена резкими критиками традиционных свадебных обрядов. Порой они высокомерны по отношению к родителям, которых, как им кажется, переросли (*«Не нужно на них злиться, они не виноваты, что такие»*). Критикуют не снизу, с позиции вынужденной подчиненности, а сверху, с позиции осознанного интеллектуального превосходства. В этой группе транслируется убежденность, что они договорятся с родителями и настоят на своем, проведя свадьбу вопреки традиционному канону.

Критика традиционной свадьбы. В отличие от российских студентов, молодые представители ЦА чаще бывают на свадьбах. Торжество как акт единения кланов предполагает широкое вовлечение родственников без возрастных ограничений, поэтому родители, старшие родственники брали их с собой на свадьбы с детских лет. *«За всю жизнь была на*

свадьбе, наверное, раз десять или пятнадцать. У меня нет такого понятия – дальние или не-дальние – просто родственники. Меня брали с очень раннего возраста» (студентка из Ферганы). «С детства ходил по свадьбам. Обычно меня брали дед с бабушкой» (студент из Алматы).

В интервью отчетливо прочитывается дистанция между тем, «как считают правильным родители» и «какую свадьбу хочу я». Собственная свадьба в мечтах видится как более приватная, менее обременительная с точки зрения затрачиваемых усилий и денег: «На своей свадьбе я хочу видеть только близких мне людей. Моя семья, мои подруги, друг и больше никто»; «Я не любитель этих больших тоев. Мне не нравится такое»; «Огромное количество родственников, которых ты просто не знаешь. Мне хочется локальную свадьбу, с близкими людьми»; «Я сейчас как раз замуж выхожу. И мы с родителями по этому поводу спорим. У родителей ментальность такая, что нужно весь мир пригласить, даже если они мало общаются, из уважения, а иначе что о них подумают».

Респонденты противопоставляют «традиционной» свадьбе так называемую «современную», которую часто называют «европейской». При этом никто в Европе на свадьбе не был. Речь идет о ментальной конструкции, построенной на отрицании того, что более всего раздражает в традиционной свадьбе. «Вызывает отвращение само это мероприятие, которое проходит в традиционном формате. Мы хотим более по-европейски», – эпатируя своей категоричностью, заявляет студентка из Астаны. В данном случае Европа мыслится не как реальный образец (со множеством национальных различий в свадебных форматах), а как символ вестернизации, победы индивидуализма над клановой архаикой азиатского общества. В контексте интервью «свадьба по-европейски» характеризуется меньшим числом приглашенных гостей, более скромным форматом свадебного торжества, иной музыкой, стилистикой проведения и изменением традиционных финансовых схем. «Чаще всего на традиционных свадьбах все оплачивает сторона жениха. Но в моей семье были более европейские взгляды и поэтому у нас оплачивали пополам. Каждый платил за своих гостей» (студентка из Ташкента).

Конечно, люди приспосабливаются, придумывая способы облегчить бремя и формально соблюсти традиции. Например, в Самарканде уважаемый человек рассказывал, как выдавал дочь замуж. Он должен был провести утренний плов, а семья жениха оплатить свадьбу. Однако отец жениха пожаловался на ограниченность средств. Он не предложил разделить расходы на свадьбу, что было бы нарушением традиции. Он попросил часть «своих» гостей пригласить на утренний плов, чтобы не звать их на свадьбу. Тем самым родители невесты облегчили расходы семьи жениха.

Представление о традиционном каноне редуцируется к словам – «много гостей», «богато», «ритуалы», «престиж». Характерно высказывание: «У нас не традиционная семья в смысле помпезности». «У нас очень любят роскошь, чтобы все было в стразах».

Отсутствие личных отношений между молодоженами и гостями является, пожалуй, основной претензией к традиционной свадьбе. «Гостей может быть 300 человек, а ты сам знаешь из них человек 60. Остальные – это знакомые родителей, которых зовут чисто из уважения», – жалуется студентка из Бишкека. «Слишком много людей. А ты даже не знаешь, кто это», – продолжает ту же мысль студентка из Караганды. «Приглашают не только близких людей, как это принято в Европе и в России. Слишком много лишних людей, по-моему, на наших свадьбах», – соглашается студентка из Ферганы. Наши респонденты ценят приватность выше общинности. Личные связи ранжируются как более значимые по сравнению с номинальным родством. Вместо родства на первый план выходят личные отношения. Девушка из Костаная, чьи родители, как она их представила, «чистые казахи», говорит: «Родственников, даже близких, я бы не хотела себе на свадьбу звать. Я не считаю, что если человек мне по крови родной, то я должна его звать». «Я, конечно, люблю своих родственников, но звать родственников моей бабушки я не собираюсь», – поддерживает ее студентка из Бишкека (кстати, тоже оба родителя «чистые киргизы»).

Еще одной претензией в традиционной свадьбе является чрезмерное, неоправданное, с точки зрения респондентов, расходование ресурсов семьи. «Накрывают огромный

стол, подают первое, второе, режут корову, это тоже большие деньги. Гости наедаются только салатами. Мясо и все остальное они забирают домой. Это чистая трата ресурсов семьи» (Бишкек). «Мне не очень нравится эта пышность, это пиршество. Лучше поехать на отдых за эти же деньги, чем на минутную роскошь потратиться ради какого-то престижа перед родственниками» (Ташкент). Важно отметить, что критика чрезмерности трат не обязательно связана с дефицитностью ресурсов, то есть критика имеет не столько калькулируемую, сколько ценностную основу. «Если бы я была даже супер-обеспеченным человеком, я бы все равно сделала свадьбу небольшую» (Караганда).

Важной претензией со стороны девушек явилась закреплённая в традициях и обрядах специфичная роль невесты, которую наши респонденты трактовали в терминах гендерной дискриминации. Ярко высказалась студентка из Ферганы: «После свадьбы в дом новобрачных приходят родственники. Она должна, как кукла, выходить, кланяться, подавать им еду. Она почти не кушает, потому что постоянно ухаживает за гостями. Если честно, я не особый фанат традиций, потому что они не принимают девушку как достойную уважения».

Поборники гендерного равенства в ходе интервью соскальзывали с обсуждения собственно свадьбы к критике традиционного семейного уклада как такового. Появлялась тема властной свекрови и бесправной невестки, вынужденной подчиняться согласно неписанной семейной иерархии. «Когда девушка выходит замуж, ее не ценят, ее воспринимают как рабыню, как бесплатную рабочую силу. Она как будто не человек. И только когда она женит своего сына, только тогда она получит власть. До этого она никто в этой семье. Когда появляется человек рангом ниже ее, ее невестка, только тогда она начинает выливать все, что у нее накопилось» (студентка из Ферганы).

Умение вести дом является важнейшей частью воспитания девушек. Однако в случае развода женщина без образования оказывается в крайне тяжелом положении. Студентки в ходе интервью неоднократно обсуждали тему образования как гарантии финансовой независимости при разводе. Характерно, что гендерные темы поднимались в интервью только девушками, которые декларировали нежелание быть «куклой», «рабыней» и пр., видя в свадебных обрядах разнообразные доказательства ущемляющего их неравенства. Много резких слов сказано по поводу необходимости кланяться гостям и многократно менять одежду, демонстрируя свое приданое. Студентка из Костаная: «Девушку закрывают платком, рядом певец играет на домбре, и поет имена друзей и родственников жениха, которые подходят и кидают деньги. Каждому девушка должна кланяться. Я не хочу этого делать. Я не хочу никому кланяться, я не хочу стоять с закрытым платком». Последнее высказывание демонстрирует неприятие телесных практик, подчеркивающих покорность женщины.

Досталось и узбекской традиции, согласно которой родители невесты должны привозить еду в дом жениха в течение 40 дней после свадьбы. «Вы только подумайте! Когда сестру выдали замуж, целые дни убивались на готовку. Хорошо, что ее семья оказалась понимающей и через три дня они сказали, что больше не надо. Но три дня они это ели! Как они могут есть то, что мы готовили? Почему?» (студентка из Самарканда).

Общий пафос критики традиционной свадьбы восходит к нелогичности многих обрядов. Слова «это не рационально», «я не вижу в этом смысла», «в чем логика?» часто повторялись в интервью, шли как рефрен. Досталось и национальным костюмам: «Это все нерационально. Наряды, выполненные в традиционном стиле, потом никто не будет носить в повседневной жизни. Они тяжелые, в них жарко» (Ташкент).

Объектом критики стали подарки гостям, участвующим в свадебных обрядах. Наши респонденты не мыслят свадьбу как ритуал, скрепляющий родственные связи и воспроизводящий социальную иерархию, соответственно не видят смысла в обмене подарками. Они транслируют логику: чья свадьба – тому и подарки, то есть подарки новобрачным. «Приходят пожилые уважаемые люди и им дарят подарки: национальную жилетку ручной работы, или платок белый, или мужчинам колпак. В чем прикол? Моим родителям это тоже дарили, а они не носят. У них их десятки штук лежат», – делится студентка из Бишкека. «Куда потом этот чапан носить? Никуда. Передаривают. Или просто лежит дома» (студентка из Ташкента).

Молодые люди пытаются логически доказать абсурдность традиции в изменившихся условиях. Дескать, в прошлом, когда юрты стояли рядом, праздник был общий, что естественно. По мнению студентки из Караганды, *«со временем все изменилось. Мы уже живем не рядом, это другой мир. Можно просто созвониться. В тоях нет смысла»*.

Таким образом, список претензий к традиционной свадьбе обширен и, как представляется респондентам, аргументирован. В своей совокупности это звучит как протест против совместности, общности, закрепляемой и воспроизводимой посредством ритуалов, в пользу индивидуализма и сокращения социального принуждения.

Конфликт отцов и детей. Дихотомия традиционной и современной свадьбы может явиться формой острого конфликта родителей и детей, что звучало практически во всех интервью. Студентка из Казахстана: *«Я против пышной свадьбы. Для моей семьи это звучит, как будто я убила кого-то»*. Некоторые, как студентка из Бишкека, избегает свадебную тему как потенциально конфликтную: *«Про свадьбу с родителями мы не говорим. Знаю, что будут разногласия»*.

Многие респонденты подчеркивали, что этот конфликт возможен на фоне прекрасных отношений с родителями. Это не проблема отдельных родителей, это разрыв поколений в интерпретации «нормы» свадебного события. Показательно мнение студентки из Ташкента: *«У нас был такой президент Каримов, он умер уже. Его внучка недавно вышла замуж, уже после его смерти. Она нарушила все, что только можно. Она отпраздновала свадьбу в Лас-Вегасе»*. Этот пример многократно упоминали как легитимацию протеста против традиционности свадеб: если внучка президента страны попрала традиции, то простым смертным тем более можно.

Критическое отношение к традиционной свадьбе трактуется молодыми людьми как своеобразный маркер взросления. Они сравнивают свое отношение «тогда» и «теперь», как делает студентка из Бишкека: *«Я ходила на свадьбы еще в детстве, и я тогда не понимала, почему мои русские подружки в шоке от моих рассказов. С возрастом понимаешь, что это все безумно звучит»*. Сравнение восприятия в детстве и во взрослом возрасте становится рамкой рассуждения о свадьбе. Детскому восторженному восприятию противопоставляется рассудочность взрослого человека: *«Все детство я постоянно ходила с бабушкой, я представляла себя на месте невесты и думала: "Наступит день, и я повторю все это". А сейчас я смотрю на них больше, как на позеров, чем на что-то такое красивое. Сейчас я отношусь к этому... Нет, не негатив, это личное дело каждого, но я бы не повторяла такое на своей свадьбе»* (студентка из Самарканда).

При этом важно подчеркнуть, что индивидуальные характеристики семей, степень близости и взаимопонимания родителей и детей могут смягчить, но не полностью нейтрализовать различия в нормативных представлениях поколений. *«У меня родители достаточно современные. Но временами все равно: мы купили тебе посуду в приданое. Приданое! Господи, что это за слово такое»*, – сокрушается студентка из Ферганы.

Основой конфликта служит спор о том, чьим праздником является свадьба. Молодые считают, что это их день и он должен соответствовать их пожеланиям. Родители считают свадьбу важнейшим днем своей жизни с соответствующими правами на его организацию. *«Мы вообще не хотим свадьбу или пусть она будет очень небольшая, камерная. Когда родители это услышали, были очень недовольны. Они сказали: "Как это так? Свадьба для родителей". Мы говорим: "Это же наш день". "Нет, для родителей"»*. И начали перечислять, кого хотят пригласить», – рассказывает невеста из Астаны. Та же тема ущемления пожеланий невесты звучит в рассказе студентки из Ташкента: *«На свадьбе моей сестры был выделен всего один столик для ее подруг, это восемь-десять мест. А всего с нашей стороны было 60 гостей. Получается где-то 50 мест на родственников, на друзей и коллег родителей»*.

Такая асимметрия прав родителей и детей в выборе формата свадьбы связана не только с традициями, но и с вполне прагматичным обстоятельством: в ЦА в брак вступают довольно рано, не успев встать на ноги. Отсутствие собственных доходов лишает молодых людей права голоса. *«Родители женят, когда парень и девушка еще только*

студенты. Они сами еще ничего заработать не успели. Все затраты берут на себя родители. Я не знаю ни одного случая, чтобы в Кыргызстане свадьбу и калым оплачивал сам парень. Только родители», – утверждает студент из Бишкека. С ним соглашается студентка из Ташкента: «Молодые вообще к финансовой теме не допускаются. Им в среднем 18–20 лет, они еще сами ничего не заработали. За все платит глава семьи».

Обсуждение темы свадеб часто перетекало в дискуссию об иерархии поколений, принятой в традиционном обществе. Отсутствие права голоса в решении свадебных вопросов трактовалось как частный случай более широкой проблемы взаимоотношений поколений. «У нас патриархальное общество. Мы кто? Мы никто. Люди – это только те, кто с бородами. У нас живут несколько поколений под одной крышей. И пока дед не умрет, его 50-летний сын все равно ребенок, он обо всем спрашивает своего отца. У нас в семье после дедушки главной была бабушка. И моя взрослая мама отпрашивалась у нее, чтобы куда-то сходить. Это же тупо», – возмущается студентка из Ферганы.

Роль новой эстетики, транслируемой массмедиа, играет огромную роль в предпочтениях молодежи. Молодые люди смотрят фильмы, где показаны камерные свадьбы, и этот образ контрастирует с тем, что их окружает. «Я смотрел фильм, там свадьба в Греции или Италии была. Высоко в горах, красивая музыка, гостей человек сорок. Я помню, как меня это поразило, как это эстетично», – с восхищением говорит студент из Бишкека.

Неприятие традиционной свадьбы далеко не всегда обосновывается рациональными доводами, критикующими демонстративную роскошь. В интервью звучали мотивы, сводящиеся к эстетическому и эмоциональному дискомфорту от традиционной свадьбы. «Я с детства не любила свадьбы, потому что надо было подходить к непонятным людям, всех обнимать, целовать» (студентка из Костаная).

Молодые люди смотрят на традиционную свадьбу через призму иной культурной укорененности. У них, если можно так выразиться, взгляд уже не аборигена, а туриста. Им нравится яркость традиции, но они не идентифицируют себя с ней. В интервью доминирует отчужденность наблюдателя, который воспринимает свадебные обряды как шоу. Туристы могут переполнять самые разные эмоции, но эти эмоции накладываются на осознание того, что это не его мир. Это иное. Показательно интервью с девушкой из Ферганы, где первая часть интервью посвящена свадебным обрядам, а вторая часть – ее личным взглядам и планам по поводу свадьбы. По ходу интервью девушка кардинально меняла риторику. Сначала она была в образе гида, увлеченно рассказывала о традициях, подчеркивая их красоту и зашитые в них сакральные смыслы. Особенно ее впечатлила традиция погружения рук невесты в муку, чтобы дом был полной чашей. «Невесту ведут в центр зала и разворачивают ткань, на которой раскатывают тесто, там мука. И самая уважаемая женщина молится и окунает руки невесты в муку, чтобы в доме было вкусно и щедро. И этот обычай – руки в муке – это очень красиво». Но далее девушка перешла к собственным оценкам: «Жить в таком обществе, когда невеста никто, я ни за что не собираюсь. Я возвращаться не буду, останусь в России». От восторженного описания рук в муке до категоричного отказа жить в традиционном обществе прошло всего полчаса.

Устойчивость свадебной традиции. Однако свадебные ритуалы в странах ЦА продолжают воспроизводиться. Наши респонденты называют несколько причин воспроизводимости традиций: уважение к предкам, желание избежать конфликта: «Никто не хочет расстроить бабушку, поэтому делают, как она хочет. Иначе это бы уже давно никто не соблюдал» (Ташкент). Бесправие девушек как гендерная норма: «На проводах невесты она сидит на возвышении и каждые 30–40 минут меняет свои наряды, показывая, что ей приобрели ее родители. И в каждом новом наряде она делает традиционный поклон. Потом садится, немного посидит и снова переодевается. В большинстве случаев она этого не хочет. Но у девушек редко есть право голоса. Если им сказали, что они будут десять раз менять наряды, то никто не спорит. Особенно в традиционных узбекских семьях» (Самарканд). Дефицит репертуара радостных событий, потребность в разрыве повседневности. Вот суждение студентки из Ташкента: «У моего народа нет другой радости, чем сыграть

свадьбу и сделать счастливыми своих детей. Чтобы потом всю жизнь вспоминать и смотреть фотографии. Цель жизни – сыграть такую свадьбу, чтобы о ней говорили следующие 20 лет. Сложно перестроить мышление всего народа и сказать им: свадьба – это пустая трата денег». Потребность семей в демонстрации своей успешности, подтверждение социального статуса: «Для них это очень важное событие: показать себя перед родственниками и соседями. Это стимул держать семью в достатке», – считает студент из Кара-Балта. «У меня дядя три раза свадьбу справлял, и каждый раз в кредит. И я не видел, чтобы он сожалел. Главное – показать родственникам, что род в благополучии», – вторит студент из Караганды. «Это такая имитация богатства. Все делается ради престижа», – резюмирует студент из Ташкента. Боязнь позора, потери репутации: «Большую свадьбу проводят, потому что боятся осуждения. В локальных беседах могут сказать: "Этот человек провел слабую свадьбу". Люди думают о репутации, поэтому тратятся на свадьбу» (Бишкек). Желание опереться на силу клана, использовать принцип взаимности как ресурсную основу решения жизненных проблем: «Вот на похороны приходят люди, чтобы потом и на их похороны пришли. Может и со свадьбами что-то такое есть» (Кара-Балта).

По сути, в своей совокупности воспроизводимость традиций основана на том, что они «прописывают» индивида в сообществе, обеспечивают погружение «я» в «мы» с соответствующей возможностью опереться на его ресурсную основу. Бунт, протест против традиций сводится к индивидуализму, к желанию расширения зоны автономного существования. «Мне говорят, сходи к тете, посиди с ее ребенком. Это входит в мои обязанности? Я рожала этого ребенка? Мне это странно и глупо кажется, – возмущается студентка из Ферганы. – Я всю жизнь прожила в большой семье. Но недавно мы купили свой дом, и тогда я почувствовала, что жизнь существует. Что можно на ужин просто приготовить салат, а не варить суп, который захотела бабушка».

Следует заметить, что воспроизводимости традиций способствует их трансформация, приспособляемость к современности. Они пластичны, гибко следуют ограничениям той или иной семьи – материальным и ментальным. Глава семьи может «смягчить» выполнение обрядов с учетом обстоятельств. Например, в Узбекистане невеста после свадьбы должна встать в пять часов утра, чтобы поклонами поприветствовать родственников мужа, однако «мы решили дать поспать».

Свадебные традиции в ЦА дифференцированы не только между странами, но и между регионами внутри одной страны. Индустриальные регионы демонстрируют более спокойное отношение к отклонению от жесткого канона. Аграрные – становятся бастионами поддержания неизменных традиций. «Южный и Западный Казахстан – это традиционный, национальный. На Севере традиции чтят, но не до такой степени», – рассказывает девушка из Астаны. Например, Северный Казахстан практически отказался от обычая сватовства детей, менее распространено многоженство, кража невест. Ту же мысль высказывает студентка из Костаная: «Я выросла в Северном Казахстане. Нас иногда зло называют обрусевшими. Это абсолютная неправда. Мы чистые. Но у нас не все традиции соблюдаются. <...> Западный и Южный – более традиционный. Там мало уважают женщину. Там влияние ислама намного сильнее». Заметим, что респондентка трактует дискриминацию женщин как ипостась традиционности.

«Шведский стол» свадебных традиций. В интервью многократно проявлялось восприятие многообрядовой обрядовости не как традиционного монолита, который можно принимать или отрицать в его комплексности, а как набора практик, отношение к которым дифференцировано. Если уместна аналогия, то обряды воспринимались не как комплексный обед, а как шведский стол, предоставляющий право выбора. Характерно высказывание студентки из Костаная: «Из традиций я оставляю только то, что мне нравится».

Избирательность по принципу «это беру, а от этого отказываюсь» подчеркивает специфическую природу обрядовости в современном обществе. Традиционная свадьба в комплексе мероприятий обеспечивала своего рода прописку невесты в новый род с соответствующими обязательствами перед ней и ее детьми. Череду обрядов с привлечением

множества свидетелей (гостей) сертифицировала брак как достояние рода. Принцип «шведского стола» разрушает эту структуру, оставляя обрядовость как декоративный элемент, как внешнее свидетельство приверженности традициям, выхолащивая суть.

Показательны рассуждения девушки из Узбекистана, которая хочет традиционную свадьбу. *«Всегда нахожусь под впечатлением от этой красоты, от приятной суеты. Я хочу провести все по традиции».* Девушка восторженно описывает обрядовую часть свадьбы, демонстрирует знание этого вопроса и вообще полную лояльность традициям. *«Я бы хотела, чтобы мой будущий муж, как положено, пришел к моему отцу, заплатил достойный выкуп, чтобы он заплатил за все торжество».* И тут же продолжает: *«Но я не хочу жить с его мамой. Я хочу иметь свою кухню и жить без свекрови. Мне будет тяжело с настоящей узбекской свекровью. Не хочу обставлять его дом. Хочу все свое, технику, мебель не в его дом покупать, а в свой».* То есть внешняя сторона обряда вызывает эстетический восторг и желание ему следовать. Тогда как традиционный семейный уклад решительно отторгается.

Молодой человек из Кыргызстана категорически против масштабной свадьбы, однако с радостью готов соблюдать традиции, предшествующие свадьбе. Он признает право родителей выбрать ему невесту. Приветствует сватовство, выкуп невесты. Но свадьбу своей мечты описывает как ту, что видел в европейском кино, – мало гостей, тихая музыка, светские разговоры, никаких многочисленных родственников. То есть отсутствует целостность восприятия свадебной традиции, взаимосвязанности и неотъемлемости их элементов как ритуала прописывания новой семьи в социальных отношениях общины.

Поскольку речь идет о странах ЦА, то нельзя не сказать о скреплении брака представителями духовенства (имамом или муллой). Эта мусульманская традиция не вступает в противоречие со светской нормой регистрации брака в ЗАГСе. Эти обряды совершают поочередно (например, в Узбекистане муллам запрещено совершать обряд без справки из ЗАГСа⁴). Сакральность религиозного обряда выделяет его в отдельный смысловой регистр. Даже самые решительные ниспровергатели традиций склонны пройти этот обряд. Таким образом, нет полного отождествления свадебных ритуалов и мусульманского религиозного таинства. Единственный отказ от никяха в наших интервью был связан с тем, что избранник русский.

Заключение. Все молодые люди были свидетелями свадебных обрядов на родине, имели собственный эмоциональный опыт участия в традиционных свадьбах. Их отношение к свадебным обрядам характеризуется амбивалентностью, что является следствием их специфической социальной диспозиции. Они являются инсайдерами и аутсайдерами в одном лице. С одной стороны, они (как инсайдеры) детально знают обряды, с радостью рассказывают о них, выполняя роль квалифицированных гидов, признают красоту обряда, ценят его эстетическую составляющую. С другой стороны, они (как аутсайдеры) критически оценивают свадебные традиции, подчеркивая их архаичность и иррациональность. Особенное неприятие вызывает многочисленность гостей на свадьбе.

Диапазон отношения к свадебным обрядам варьируется от снисходительного прощения (*«у моего народа так мало радости»*) до резкого неприятия, протеста против традиций (*«ненавижу»*, *«это полный бред»*). Основой неприятия выступает то, что респонденты, живя в Москве, преодолевая массу бытовых трудностей, приспосабливаясь к новой среде, начинают ощущать себя активными субъектами. Тогда как свадебная традиция предписывает им роль объекта, на который направлены усилия родственников и социального окружения, где их мнение о формате свадьбы мало кого интересует. *«Мой брат не хотел делать свадьбу, но его заставили. Хотя, скорее, он просто присутствовал, как тело, которое нарядили»*, – говорит парень из Караганды. Быть «телом» ему не хочется. Фактически традиционная свадьба воспринимается молодыми людьми как подчинение их индивидуального «я» воле сообщества. Однако, говоря о предполагаемой свадьбе, практически все

⁴ Это было сделано для того, чтобы предотвратить ранние браки, когда девочек выдавали в 15–16 лет, насильно чаще всего. Сейчас законодательно порог вступления в брак в Узбекистане подняли до 18 лет.

молодые люди хотят провести ее на родине и намерены выбрать в мужа (жены) людей своей национальности.

Традиции и обряды трактуются вестернизированными молодыми людьми не как «комплексный обед», а как «шведский стол», с которого они что-то готовы взять, а что-то намерены игнорировать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азимова Н.Х. Ритуальная экономика: на примере свадебных обрядов. Наманган, 2018 год // Общество, гендер и семья в Центральной Азии. 2020. № 4. С. 87–106.
- Барсукова С.Ю. Ритуальная экономика, или Сколько тратят на свадьбу в Средней Азии // *Journal of Institutional Studies*. 2022a. Т. 14. № 3. С. 46–58.
- Барсукова С.Ю. Банковские кредиты vs долг в рамках социальных сетей: опыт Средней Азии // *Terra Economicus*. 2022b. Т. 20. № 3. С. 87–97.
- Большаков В.П. Культурные практики в процессах становления культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 2 (27). С. 16–22.
- Ларина Е.И., Наумова О.Б. «Кража – это вечный наш обычай»: умыкание невесты у российских казахов // Этнографическое обозрение. 2010. № 5. С. 3–20.
- Латипова Н.М., Ганиева М.Х. Религия в жизни современной молодежи Узбекистана // Экономика. Социология. Право. 2019. № 4 (16). С. 58–64.
- Сумачев А.В. Уголовно-правовое регулирование народных обычаев // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2014. № 2 (3). С. 25–28.
- Хушқадамова Х.О. Семейно-брачные отношения в современном таджикском обществе // Социология власти. 2010. № 3. С. 79–88.
- Хушқадамова Х.О. Национальные обряды в современном Таджикистане // Социологические исследования. 2011. № 5 (325). С. 78–81.
- Юнусова Н.М. Роль семейных традиций и домашних ритуалов в формировании личности ребенка // Вестник Таджикского национального университета. 2013. Т. 2. № 3–7. С. 192–194.

Статья поступила: 16.08.22. Финальная версия: 12.12.22. Принята к публикации: 04.04.23.

ATTITUDE OF STUDENTS FROM CENTRAL ASIA (STUDYING IN MOSCOW) TO THE TRADITIONAL WEDDING

BARSUKOVA S.Yu.

National Research University Higher School of Economics, Russia

Svetlana Yu. BARSUKOVA, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Department of Sociology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (sbarsukova@hse.ru).

Acknowledgements. This work was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR) (project No. 20-59-22001).

Abstract. A traditional wedding is an important part of the cultural code of the inhabitants of Central Asia. Can a wedding become a point of conflict between generations? The article is devoted to the attitude to wedding traditions of young people from Central Asian countries (Uzbekistan, Kazakhstan and Kyrgyzstan), who study in Moscow. The research method is a semi-structured interview ($N=23$). In the interview, the distance between “what parents think is right” and “what kind of wedding I want” is clearly visible. Young people want to hold their own wedding more privately and less burdensome in terms of effort and money spent. There are several reasons for the reproducibility of wedding traditions: respect for the ancestors, the desire to avoid conflict with relatives; disenfranchisement of girls as a gender norm; the need of families to demonstrate their success; fear of shame, loss of reputation. The attitude of young people to a traditional wedding varies. Someone is willing to voluntarily follow traditional wedding rituals. Someone moderately criticizes wedding traditions, but is ready to obey them so as not to upset relatives. Someone sharply criticizes traditional wedding ceremonies and intends to hold a wedding contrary to the traditional canon.

Keywords: wedding rituals, rituals of the life cycle, youth, students, generational conflict, wedding in Central Asia.

REFERENCES

- Asimova N. (2020) Ritual economy: on the example of wedding ceremonies. Namangan, 2018. *Obshchestvo, Gender i Sem'ya v Tsentralnoy Azii* [Society, Gender and Family in Central Asia]. No. 4: 87–106. (In Russ.)
- Barsukova S.Yu. (2022a) Ritual economy, or how much is spent on a wedding in Central Asia. *Journal of Institutional Studies*. Vol. 14. No. 3: 46–58. (In Russ.)
- Barsukova S. (2022b) Bank loans vs debt within social networks: The case of Central Asia. *Terra Economicus*. Vol. 20. No. 3: 87–97. (In Russ.)
- Bolshakov V.P. (2016) Cultural practices in the formation of culture. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kulturi i Iskusstv* [Bulletin of the St. Petersburg State University of Culture and Arts]. No. 2 (27): 16–22. (In Russ.)
- Larina E.I., Naumova O.B. (2010) Capture is our everlasting custom: bride kidnapping among the Russian kazakh. *Etnograficheskoe Obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 5: 3–20. (In Russ.)
- Latipova N.M., Ganieva M.H. (2019) Religion in the life of modern youth of Uzbekistan. *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo* [Economy. Sociology. Law]. No. 4 (16): 58–64. (In Russ.)
- Sumachev A.V. (2014) Criminal law regulation of folk customs. *Vestnik Tyumenskogo Instituta Povisheniya Kvalifikatsii Sotrudnikov MVD Rossii* [Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. No. 2 (3): 25–28. (In Russ.)
- Hushkadamova Kh.O. (2010) Marriage relations in modern Tadzhikistan society. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. No. 3: 79–88. (In Russ.)
- Hushkadamova Kh.O. (2011) National rites in Tajikistan today. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5 (325): 78–81. (In Russ.)
- Yunusova N.M. (2013) The role of family traditions and household rituals in the formation of a child's personality. *Vestnik Tadzhikskogo Natsionalnogo Universiteta* [Bulletin of the Tajik National University]. T. 2. No. 3–7: 192–194. (In Russ.)

Received: 16.08.22. Final version: 12.12.22. Accepted: 04.04.23.

© 2023 г.

В.В. УСТЮЖАНИН, Ю.В. ЗИНЬКИНА, А.В. КОРОТАЕВ

ОПАСНАЯ МОЛОДЕЖЬ. ПОЧЕМУ В МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ (НЕ) ПРИМЕНЯЮТ ОРУЖИЕ?

УСТЮЖАНИН Вадим Витальевич – стажер-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (vvustiuzhanin@hse.ru); ЗИНЬКИНА Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник РАНХиГС (juliazin@list.ru); КОРОТАЕВ Андрей Витальевич – доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института Африки РАН (akorotayev@gmail.com). Все – Москва, Россия.

Аннотация. В немногочисленных количественных кросс-национальных исследованиях факторов вооруженности протестных выступлений уделяется недостаточно внимания изучению доли молодежи в общей численности взрослого населения («молодежному бугру»). Авторами проверялась гипотеза, что массовые выступления в странах с большим «молодежным бугром» будут значимо чаще принимать вооруженную форму, чем в странах со значительно меньшим значением этого показателя. Также предполагалось, что чем выше медианный возраст населения, тем выше вероятность, что политическое выступление примет невооруженный характер. В целом обе гипотезы подтверждаются, причем вторая гипотеза получила более сильное подтверждение, чем первая. Таким образом, имеются основания полагать, что наблюдавшийся в последние десятилетия на глобальном уровне существенный рост медианного возраста населения мог внести заметный вклад в снижение доли вооруженных массовых политических выступлений при росте доли выступлений невооруженных.

Ключевые слова: массовые политическое выступления • революции • молодежный бугор • модернизация • кросс-национальные исследования • глобальное старение

DOI: 10.31857/S013216250025805-8

Проблема и теоретические подходы. Еще в самом начале XXI в. американский социолог Дж. Голдстоун отметил важный сдвиг в результатах массовых протестных выступлений: революции конца XX в. стали приводить к установлению устойчивых демократий, а не диктатур, как было раньше [Голдстоун, 2006: 93–94; Goldstone, 2001]. С тех пор количество таких революций многократно возросло. Поэтому в 2000–2010-х гг. появилось много исследований, посвященных ответу на вопрос, почему современные революции все чаще приводят к демократическим, а не к авторитарным результатам [Ackerman, Karatnysky, 2005; Johnstad, 2010; Butcher, Svensson, 2016]¹. Главный вывод этих исследо-

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 21-18-00123).

¹ Большинство этих авторов предпочитают обозначать революции как «максималистские кампании», но фактически речь идет именно о революциях (в том числе национально-освободительных) в привычном смысле слова (ср. [Голдстоун и др., 2022: 109]). В пользу этого говорит, например, то, что в базе данных Э. Ченовет «NAVCO: Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes» [Chenoweth,

ваний заключается в том, что *насильственные* революции («максималистские кампании» без широкого применения современного оружия) с очень малой вероятностью приводят к формированию стабильных демократических режимов (с несравненно большей вероятностью они заканчиваются формированием откровенно авторитарных режимов), тогда как формирование стабильных демократических режимов гораздо более вероятно в результате *ненасильственных* революций.

Вызывает удивление, что существует всего несколько количественных кросс-национальных исследований факторов, влияющих на форму – *насильственные* (вооруженные) *versus* *ненасильственные* (невооруженные²) – революционных выступлений [Butcher, Svensson, 2016; Dahlum, 2019; Устюжанин, Коротаев, 2022; Устюжанин и др., 2022; Ustyuzhanin, Korotayev, 2023]. При этом в данных исследованиях мало внимания уделяется такому важному фактору, как доля молодежи в общей численности взрослого населения («молодежному бугру»). Между тем эвристически очевидно предположение, что за оружие чаще берутся протестующие молодые люди, которые еще не научились «ценить жизнь», в то время как более взрослые люди менее склонны следовать радикальным призывам, что «винтовка рождает власть» (Мао Цзэдун). Может быть, на снижение *насильственности* (вооруженности) массовых протестных выступлений повлияли, помимо политических и культурных факторов, и чисто демографические факторы?

Одним из важнейших глобальных процессов последних десятилетий является глобальный демографический переход [Вишневский, 1976, 2018]. На его первой фазе наблюдается быстрое снижение смертности (в особенности младенческой), поэтому население молодеет – снижается его медианный возраст, растет доля молодежи. На второй фазе

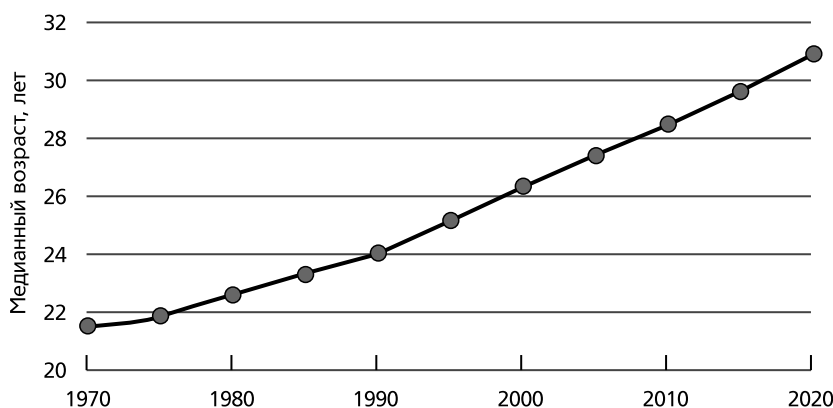

Рис. 1. Динамика медианного возраста населения мира, лет

Источник: [UN Population Division, 2021c].

Shay, 2020] «кампаниями» названы все бесспорные революции XX в. – включая, например, российские революции 1905–1907 и 1917 гг.

² Важно понимать, что, когда речь идет о *ненасильственных* кампаниях, то на самом деле подразумеваются именно *невооруженные* протесты/революционные выступления. Так, М. Кадивар и Н. Кечли [Kadivar, Ketchley, 2018] убедительно показали, что участники большинства «ненасильственных максималистских кампаний» прибегали к насилию в достаточно серьезных масштабах (здесь можно вспомнить хотя бы Египетскую революцию 2011 г. или Украинский Евромайдан 2013–2014 гг., которые Э. Ченовет квалифицирует именно как «ненасильственные максималистские кампании»), в связи с чем они с полными на то основаниями полагают, что называть такие революционные выступления «ненасильственными» неправильно, предлагая обозначать их как «невооруженные».

демографического перехода происходит очень значительное снижение рождаемости на фоне все продолжающегося роста ожидаемой продолжительности жизни, поэтому начинается старение населения: доля молодежи снижается, медианный возраст населения растет [Korotayev et al., 2015]. В результате в последние полвека произошло очень значительное (почти в два раза) увеличение медианного возраста населения Земли (рис. 1).

Что касается роли этого фактора в характере революций, то исследование Р. Чинкотты и Х. Вебера [Cincotta, Weber, 2020] показало: вероятность вооруженных массовых политических выступлений гораздо выше в странах, где доля молодежи в общей численности взрослого населения очень высока, т.е. где присутствует значительный «молодежный бугор» (см. также: [Ходунов, 2014; Нефедов, 2015]). Таким образом, отмечается роль «молодежных бугров» в вооруженных, но не в невооруженных конфликтах. Исследование Чинкотты и Вебера не дает ответа на вопрос, в какой степени повышенная доля молодежи в общей численности взрослого населения («молодежный бугор») является предиктором того, что революционное выступление примет вооруженный характер, или в какой степени «старость» населения является предиктором того, что революционное выступление примет невооруженный характер. Между тем есть теоретические основания предполагать, что подобного рода корреляция должна наблюдаться.

Исследовательские гипотезы. Явление «молодежного бугра» более полувека является одной из широко обсуждаемых проблем политической демографии [Moller, 1968; Choucri, 1974; Goldstone, 1991, 2002; Urdal, 2004, 2006; Weber, 2013, 2019; Коротаев и др., 2011; Нефедов, 2015]. С тех пор как Х. Моллер назвал стремительно растущую численность молодежи «одним из решающих факторов реальности, обуславливающих политическое и культурное развитие» [Moller, 1968: 237], различные последствия молодежного бугра стали предметом исследования в рамках различных дисциплин. Так, Н. Чукри [Choucri, 1974] выделяет наиболее изученные механизмы воздействия молодежного бугра на политическую стабильность, включая расширение образования, рост безработицы и недовольство высокообразованных безработных молодых людей как мотивы для массовых политических выступлений. Изучается гендерный аспект молодежного бугра: К. Мескида и Н. Винер, например, показывают, что возрастающая доля молодежи вносит свой вклад в частоту насильственных конфликтов, а относительное обилие молодежных групп связано с интенсивностью конфликта (измеряемой по количеству погибших), при этом существенную объяснительную силу относительно коллективного насилия имеет соотношение молодых мужчин и мужчин старшего возраста [Mesquida, Wiener, 1999]. Дж. Голдстоун [Goldstone, 2002] вносит свой вклад в эти направления исследований, выявляя различные возможные факторы массовых политических выступлений, способные активироваться при взаимодействии с «молодежным бугром». Кроме того, в более ранней основополагающей работе Голдстоун показывал, что большинству революций в мировой истории предшествовали всплески доли молодежи в населении [Goldstone, 1991], при этом почти все рассматриваемые им массовые выступления были вооруженными.

XX в. действительно дает нам множество примеров социально-политического насилия на фоне пиковой доли молодежи в населении страны. Например, затяжное вооруженное противостояние между Коммунистической партией Малайзии и правительством этой страны имело место в 1969–1989 гг. [Kheng, 2009], когда доля молодежи в возрасте 15–29 лет достигла в Малайзии исторического пика (до 48,7%) [UN Population Division, 2021a]. В Таиланде массовые убийства в Таиландском университете («Таммасатская резня» 1976 г.) тоже произошли на фоне большого и быстро растущего числа молодых людей. Рост числа молодежи, возможно, способствовал хаотичному состоянию политической жизни Чили с высоким уровнем политического насилия при президенте Альенде и в последующие годы, поскольку число молодых людей в этой стране выросло в 1965–1980 гг. на 40% [UN Population Division, 2021a]. Еще один «молодежный бугор» был фоном Боливийской национальной революции 1952 г. и последовавшего за ней нестабильного десятилетия. Многие другие страны также могут продемонстрировать соответствующие

примеры из своей истории XX века. Исключением не стала и Россия: на период первой русской революции пришелся крупный «молодежный бугор», когда, по расчётам С.А. Нефедова, доля молодежи в Европейской России составляла порядка 19% (или 30% от взрослого населения) [Нефедов, 2015].

В начале XXI в. «молодежный бугор» вызвал новый всплеск внимания ученых, изучавших факторы политического насилия. Сначала это произошло после 11 сентября 2001 г., когда С. Хантингтон заявил, что «люди, которые... убивают других людей, – это мужчины в возрасте от 16 до 30 лет» [Huntington, 2001], сопоставляя свою концепцию «столкновения цивилизаций» с концепцией политической демографии. Новый всплеск интереса к «молодежному бугру» как фактору революционной дестабилизации связан с событиями Арабской весны [Mirkin, 2013; Korotayev, Zinkina, 2022; Коротаев и др., 2012].

Х. Урдаль показал, что «молодежные бугры» увеличивают риск возникновения вооруженных конфликтов внутри страны, особенно в условиях экономического застоя [Urdal, 2004]. В другой работе он показал, что высокая доля молодежи во взрослом населении значительно повышает риск трех видов политического насилия – вооруженного конфликта, терроризма и беспорядков (даже при учете таких сильных факторов, как уровень развития, демократия и конфликты в прошлом) [Urdal, 2006]. С. Стейвтейг тоже обнаружил, что «молодежный бугор» является значимым и сильным предиктором начала гражданских войн [Staveteig, 2005: 15].

Почему высокая доля молодежи представляет угрозу стабильности именно через вооруженные протестные выступления? К. Мескида и Н. Винер рассматривают это как своеобразную форму внутривидовой конкуренции; соответственно, к таким актам агрессии оказываются более склонны молодые мужчины, не имеющие своей семьи [Mesquida, Wiener, 1999]. К этому объяснению близко и еще одно: «Молодежь активна и зла, потому что у нее часто есть стремление к независимости, но нет средств для ее достижения – в политическом, экономическом или социальном плане – и зачастую ее больше соблазняет идеология» [Kim, Sciubba, 2015: 281].

В подростковом возрасте и сразу после него люди в некоторой степени отходят от культурных ценностей и систем убеждений своих родителей, что делает их более восприимчивыми к религиозному фундаментализму и политическому экстремизму (см., напр., [Зубок, Чупров, 2008; Weber, 2013]). В то же время многих молодых людей относительно легко мобилизовать для участия в социальных и политических конфликтах, поскольку у них меньше семейных и рабочих обязанностей [Goldstone, 2002], а также преобладает эмоциональный тип восприятия явлений, что отражается в повышенной склонности к риску и импульсивной мотивации [Зубок, Чупров, 2008]. Таким образом, именно в старшем подростковом возрасте и в юности альтернативные издержки на участие в организованном насилии или в повстанческих движениях оказываются самыми низкими [Collier, Hoeffler, 2004: 569].

Исходя из этих соображений, логично предполагать, что именно молодые мужчины могут быть высоко представлены в экстремистских группах, которые стремятся достичь своих политических целей насильственными средствами, в фундаменталистских религиозных группах, в криминальных бандах и наркокартелях, а также в иных группах и движениях, бросающих вызов правительственной власти. Это подтверждается многочисленными практическими исследованиями [Weber, 2019].

Таким образом, наши гипотезы можно сформулировать следующим образом:

H1: революционные выступления в странах с бóльшим «молодежным бугром» будут значимо чаще принимать вооруженную форму, чем в странах со значительно меньшим значением этого показателя;

H2: чем выше медианный возраст населения, тем выше вероятность, что революционное выступление примет *невооруженный* характер.

Методы анализа. Мы далее опираемся на базу данных «Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes (NAVCO) 1.3» [Chenoweth, Shay, 2020]. В этой базе данных представлено много характеристик революционных событий, включая то, было ли

революционное выступление («кампания») вооруженным или нет. Именно она и будет являться в настоящем исследовании зависимой переменной. Это бинарная переменная, где 1 – невооруженная революция, а 0 – вооруженная. Главный критерий в определении события как вооруженного – использование протестующими боевого оружия в политических целях³, в то время как использование подручных орудий (палки, камни) подпадает под невооруженную характеристику выступления.

В научной среде еще продолжается дискуссия, как правильно операционализировать «молодежный бугор». Некоторые предлагают операционализировать эту переменную как долю молодых людей (15–24 лет) в общей численности населения [Collier, Hoeffler, 2004; Goldstone, 2002]. Однако этот подход подвергался широкой критике, поскольку он может привести к недооценке демографических «узких мест» в странах с устойчиво высоким уровнем рождаемости [Urdal, 2006]. Урдал предлагает операционализировать «молодежный бугор» как долю молодых 15–29 лет в общей численности взрослого населения старше 15 лет [Urdal, 2004, 2006]. Именно эту операционализацию «молодежного бугра» мы используем и в данном исследовании.

Есть и другая часто используемая операционализация «молодежного бугра» – медианный возраст. Согласно определению Отдела народонаселения ООН, это возраст, при котором население делится на две равные по численности части, то есть людей с возрастом выше медианы столько же, сколько людей с возрастом ниже медианы [UN Population Division, 2021a]. Так, Р. Чинкотта и Х. Вебер моделировали влияние возрастной структуры на риски вооруженных массовых политических выступлений именно через медианный возраст [Cincotta, Weber, 2021]. В другом исследовании Р. Чинкотта использовала медианный возраст в качестве единственного фактора, отражающего влияние возрастной структуры населения на поведение государства [Cincotta, 2015]. Эту же переменную использовал Т. Дайсон для оценки степени демографического перехода разных стран [Dyson, 2012].

С учетом этих соображений в качестве двух главных независимых переменных мы берем (1) долю молодежи 15–29 лет в общей численности взрослого (от 15 лет и старше) населения и (2) медианный возраст населения.

Общемировую выборку стран мы делим на шесть равных частей-секстилей. Тем самым мы получаем следующие градации.

По критерию «молодежного бугра» выделяются страны:

1) с очень слабовыраженным «бугром» (молодежь составляет до 30,1% взрослого населения),

2) со слабовыраженным «бугром» (30,1–38,3% взрослого населения),

3) со средне-слабовыраженным «бугром» (38,3–43,7%),

4) со средне-сильновыраженным «бугром» (43,7–46,3%),

5) с сильно выраженным «молодежным бугром» (46,3–48,6%),

6) с очень сильно выраженным «молодежным бугром» (от 48,6% взрослого населения).

По критерию медианного возраста выделяются страны:

1) с очень молодым населением (с медианным возрастом до 16,5 года),

2) с молодым населением (16,5–18,1 года),

3) со среднемолодым населением (18,1–19,8 года),

4) со средневзрослым населением (19,8–24,3 года),

5) со взрослым населением (24,3–31,7 года),

6) со старым населением (с медианным возрастом от 31,7 года).

³ Авторы базы данных отмечают, что «кампании являются в первую очередь ненасильственными, когда подавляющее большинство участников не вооружены и используют в основном ненасильственные методы <...>. Кампании являются преимущественно насильственными, когда большинство участников применяют силу, особенно вооруженную, против режимов и их сторонников» [Chenoweth, Shay, 2020: 6].

Мы рассматриваем временной период с 1950 г., поскольку именно на это время приходится прохождение демографического перехода абсолютным большинством стран развивающегося мира. Кроме того, именно для этого периода (с 1950 г. по настоящее время) имеются рассчитанные ООН оценки численности различных возрастных групп в составе половозрастной структуры для всех стран мира, что сделало возможным проведение данного исследования.

Таким образом, показатели по «молодежным буграм» рассчитаны по данным ООН о возрастной пирамиде всего населения соответствующих стран [UN Population Division, 2021b]. Данные по медианному возрасту также взяты из базы данных Отдела народонаселения ООН [UN Population Division, 2021c]. В конечном итоге мы будем анализировать временной промежуток 1950–2019 гг., в течение которого было 480 революционных эпизодов, по которым нам известны все нужные для нашего анализа характеристики.

В качестве основных элементов анализа мы будем далее использовать: (1) парную корреляцию Спирмена (в силу бинарного характера зависимой переменной); (2) таблицы сопряженности для определения совместного распределения и связи между молодежным бугром и медианным возрастом, с одной стороны, и типом массового политического выступления – с другой; (3) логистическую регрессию для анализа значимости главных независимых переменных и направления их связи для предсказания вероятности наступления события.

В качестве контрольных переменных мы будем использовать следующие показавшие свою силу в предыдущих исследованиях революций три переменные.

1. Население, по данным ООН [UN Population Division, 2021a]. В регрессионные модели будет включен натуральный логарифм населения.

2. Экономический рост, операционализируемый через процентное изменение в реальном ВВП на душу населения (по ППС в международных долларах 2017 г.), по данным Всемирного Банка [World Bank, 2021].

3. Тип режима, операционализируемый с помощью индекса электоральной демократии, согласно «Varieties of Democracy», который принимает значения от 0 (наиболее авторитарные режимы) до 1 (наиболее демократичные) [Coppedge et al., 2022].

Результаты анализа. На рис. 2 представлена визуализация таблицы сопряженности между шестью группами стран, разделенных по доле молодежи 15–29 лет в общей численности взрослого (от 15 лет) населения, и типами революционных выступлений – вооруженными или невооруженными. Как видим, в странах со слабовыраженным «молодежным бугром» подавляющее большинство революционных выступлений (86,8%) имеет невооруженный характер⁴. Уже при переходе к странам со слабовыраженным «молодежным бугром» доля вооруженных революционных выступлений увеличивается более чем в два раза – до 27,8%. В странах со средне-слабовыраженным «бугром» она уже заметно больше трети. В странах с сильно выраженным «бугром» доля вооруженных революционных преступлений приближается к половине⁵. Наконец, в странах с сильно и очень сильно выраженным молодежным бугром большинство революционных выступлений имеет вооруженный характер.

На рис. 3 представлена визуализация таблицы сопряженности между шестью группами стран, выделенных по медианному возрасту, и типами революционных выступлений – вооруженными или невооруженными. Как мы видим, в странах с очень молодым населением лишь менее четверти революционных выступлений (23,7%) имели невооруженный характер. При

⁴ Таковы, например, массовые выступления на Украине в 2004 г. (Оранжевая революция), в Армении в 2018 г. (Бархатная революция), в Венгрии в 1989 г. (массовые «антикоммунистические» протесты), во Франции в 1968 г. («Красный май») и в Чили в 2019 г.

⁵ Примерами являются Алжир 1992 г. (неудавшаяся исламистская революция), Камбоджа 1970 г. (революция «красных кхмеров»), Никарагуа 1979 г. (Сандинистская революция), Афганистан 1992 г. (исламская революция), Сомали 2006 г. (исламистское восстание аш-Шабаб), Мали 2012 г. (Четвертое туарегское восстание и исламистская революция в Азаваде).

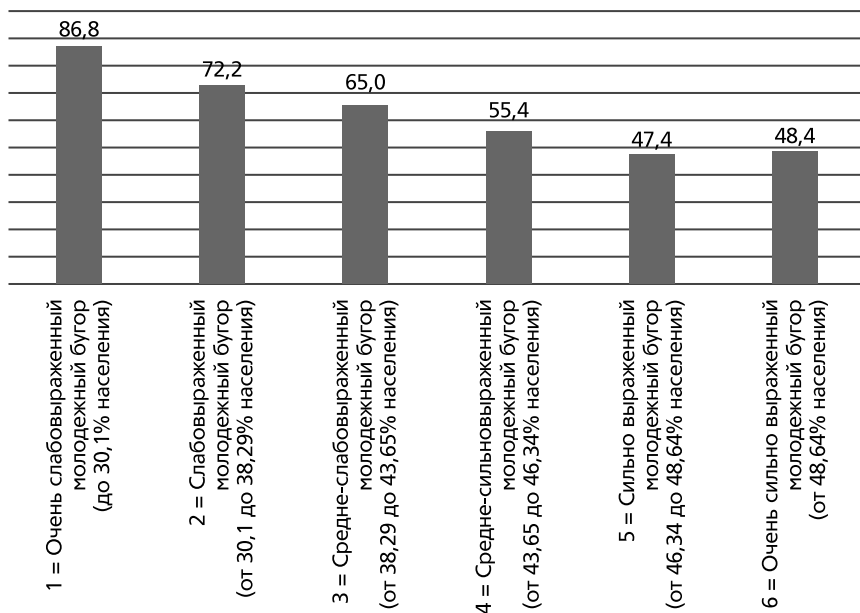

Рис. 2. Доля невооруженных революционных выступлений по шести группам стран, выделенных по доле молодого (15–29 лет) населения, в %

Примечание. r Спирмена = $-0,260$ на уровне $p < 0,0001$.

переходе к странам с молодым населением доля невооруженных революционных выступлений растет почти в два раза – до 43%. В странах со средне-молодым населением эта доля составляет почти половину всех эпизодов, в странах со средне-взрослым населением она превышает две трети. В странах со взрослым и старым населением подавляющее большинство (свыше 80%) революционных выступлений имеет невооруженный характер.

В целом виден явный тренд на снижение процента вооруженных выступлений по мере взросления населения и снижения доли молодежи. При этом высокий медианный возраст оказывается заметно более сильным положительным предиктором повышенной доли невооруженных выступлений, чем повышенная доля молодежи – отрицательным предиктором. В этом плане предпочтение Р. Чинкоттой и Х. Вебером [Cincotta, Weber, 2021] именно медианного возраста как фактора связи между демографической структурой и политической динамикой представляется вполне оправданным.

В табл. представлен вывод для двух логистических моделей М1 и М2, где независимые переменные – медианный возраст и доля молодежи в возрасте 15–29 лет соответственно, а зависимая – тип революционного выступления. Обе операционализации фактора молодежного бугра оказались значимыми (на уровне $p < 0,001$), влияя на тип революции в предсказанном направлении: при повышении медианного возраста на 1 год шансы революции принять мирную форму повышаются в 1,11 раза⁶, так что чем старше население, тем ниже риски, что революция примет вооруженную форму. При этом увеличение доли молодежи в возрасте 15–29 лет на 1 процентный пункт снижает шансы революционного выступления принять невооруженную форму на 6%. Это подтверждает исходную гипотезу: чем моложе население, тем выше риск революционного насилия.

⁶ 1,11 раза – отношение шансов революционного выступления принять невооруженную форму при росте независимой переменной на 1, которое получается путем взятия экспоненты от ее регрессионного коэффициента.

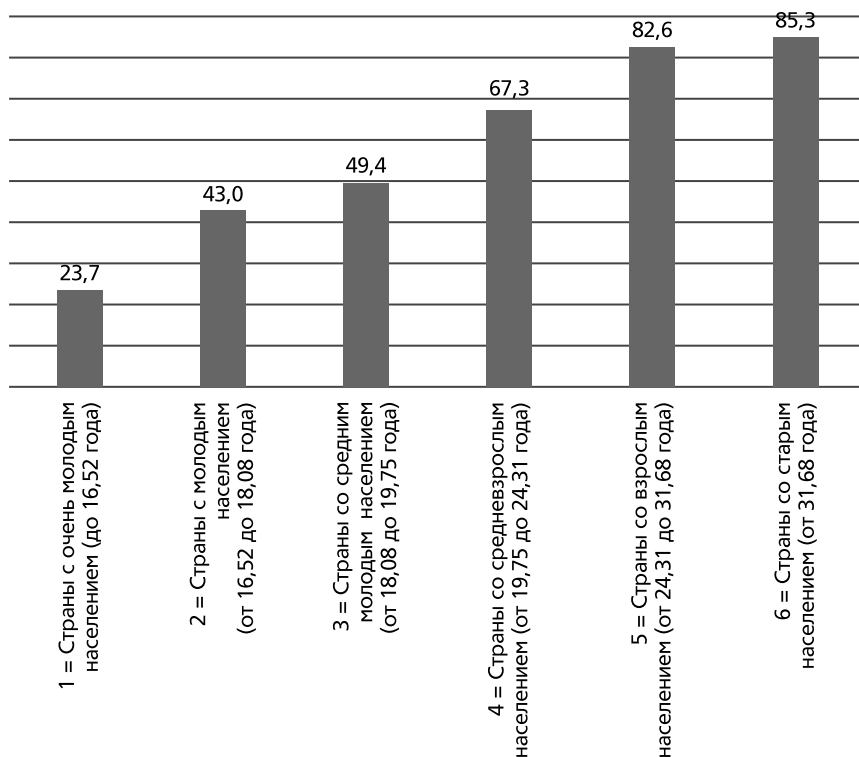

Рис. 3. Доля невооруженных революционных выступлений по шести группам стран, выделенных по медианному возрасту населения, в %

Примечание. ρ Спирмена = 0,389 на уровне $p < 0,0001$.

Таблица

Логистическая регрессия невооруженных/вооруженных революционных выступлений (1950–2019 гг.)

	Невооруженные (= 1) versus вооруженные (= 0)	
	M1	M2
Медианный возраст	0,108*** (0,022)	
Доля населения в возрасте 15–29 лет		-0,056*** (0,016)
Население (ln)	0,008 (0,077)	0,016 (0,075)
Рост ВВП на душу населения	3,379** (1,250)	3,412** (1,247)
Индекс электоральной демократии (t-1)	1,578* (0,620)	2,046*** (0,600)
Константа	-2,619** (0,826)	1,905 (1,048)
Количество наблюдений	409	409
Log Likelihood	-244,670	-252,918

Примечания. *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$; в скобках приведены стандартные ошибки.

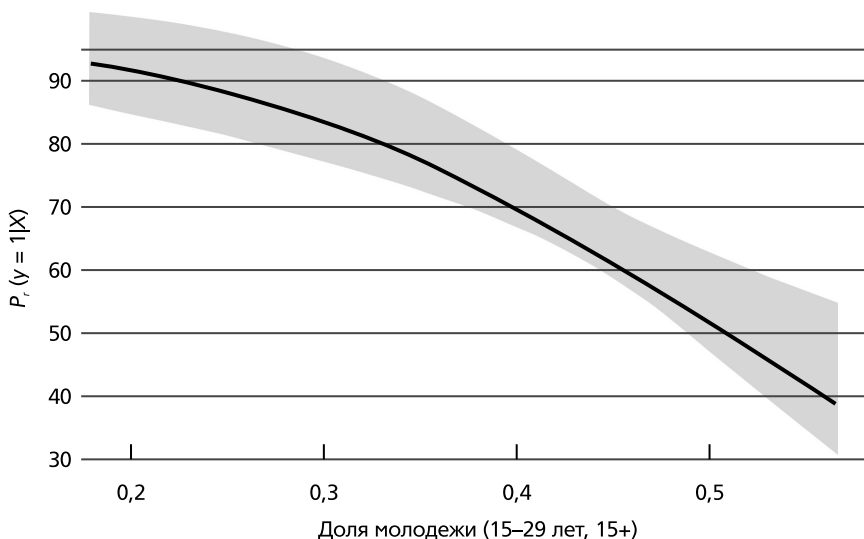

Рис. 4. Предсказанные вероятности невооруженного характера революционного конфликта в зависимости от доли молодежи 15–29 лет, в %

На рис. 4 и 5 можно видеть графики с предсказанными вероятностями невооруженного типа революционного выступления в зависимости от изменения независимой переменной (медианного возраста или доли молодежи в населении) с 95%-ным доверительным интервалом при постоянных средних значениях всех контрольных переменных. Это – визуализация моделей M1 и M2 из таблицы, где изображены эффекты независимых переменных.

Из рис. 4 видно, что рост доли молодежи в возрасте 15–29 лет на всем отрезке планомерно и линейно сокращает шансы революционного выступления принять невооруженную форму.

Согласно рис. 5, при росте медианного возраста шансы революционного выступления принять невооруженную форму линейно увеличиваются. Так, если при медианном возрасте, равном 20 годам (что близко к реальным его значениям в постсоветских странах Средней Азии), шансы революционного выступления принять мирную форму равны приблизительно 60%, то при медианном возрасте в 40 лет (что недалеко от реальных значений восточноевропейских постсоветских стран) – уже порядка 90%.

Рассматривая демографическую ситуацию страны в качестве фактора, определяющего вероятность невооруженности массового политического выступления, нужно учитывать влияние и других социально-экономических факторов. Так, можно предположить, что низкие шансы бескровного выступления и низкая доля молодежи (т.е. высокий медианный возраст) одинаково зависят от уровня развития страны. Тем не менее если в регрессионные модели из таблицы вводить переменную взаимодействия между независимой переменной и уровнем развитости⁷, то видно, что демографические факторы показывают себя вполне самостоятельными предикторами. На рис. 6 представлен график, показывающий влияние медианного возраста на вероятности бескровного выступления в зависимости от разных уровней (низкого, среднего, высокого) развитости страны. Заметно, что старение населения (сокращение доли молодежи) оказывает наибольший эффект в странах с низким уровнем развития, в то время как в более развитых странах этот эффект выражен слабее⁸.

⁷ Уровень развития получен путем деления общемировой выборки по ВВП на душу населения (ППС, в долларах 2017 г.) на три равные части: нижняя группа представляет собой страны с низким уровнем развития, средняя – со средним, а верхняя – с высоким.

⁸ Нужно отметить также широкие доверительные интервалы. Это вызвано в первую очередь тем, что линии построены на основе всех возможных значений медианного возраста на всех данных,

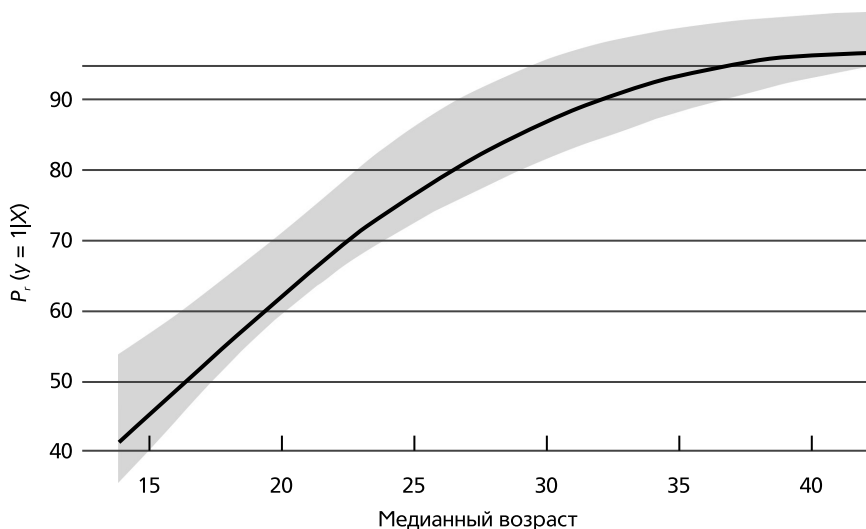

Рис. 5. Предсказанные вероятности невооруженного характера революционного конфликта в зависимости от медианного возраста, в %

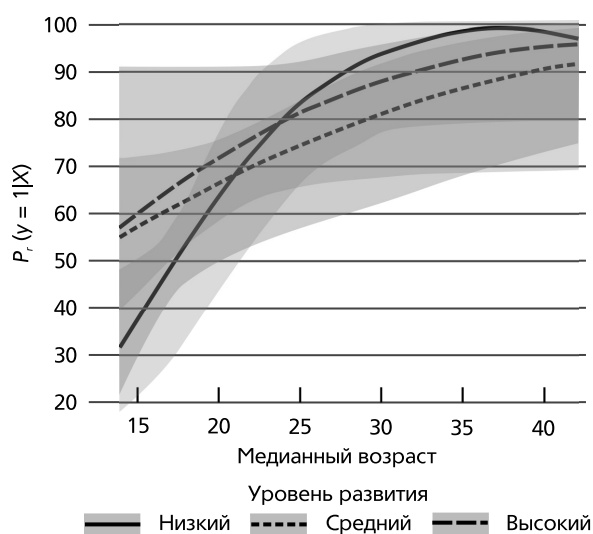

Рис. 6. Предсказанные вероятности невооруженного характера революционного конфликта в зависимости от медианного возраста и уровня развития, в %

Общие выводы. Итак, обе наши гипотезы полностью подтверждаются: революционные выступления в странах с большим «молодежным бугром» будут значимо чаще принимать вооруженную форму, чем в странах со значительно меньшим значением этого показателя; чем выше медианный возраст населения, тем выше вероятность, что революционное выступление примет невооруженный характер. При этом вторая гипотеза получила

а не только в рамках определенной группы. Однако нас интересует разная скорость изменения представленных функций, которая демонстрирует общее влияние от изменения демографической ситуации на вероятность того, что выступление примет невооруженный характер.

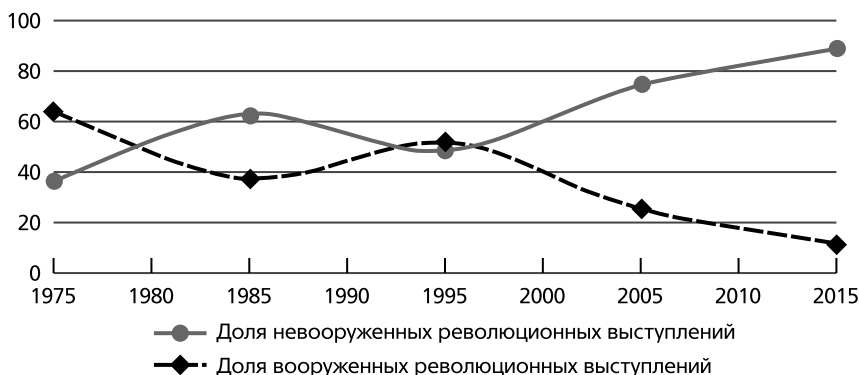

Рис. 7. Подекадная динамика доли вооруженных и невооруженных революционных выступлений в 1970–2019 гг. по миру в целом

Примечание. Точки данных по оси ординат соответствуют значениям за декаду. Например, точки данных, соответствующих 1975 г., отражают доли вооруженных и невооруженных выступлений за 1970-е гг.

более сильное подтверждение, чем первая. По мере взросления населения наблюдается особо выраженная тенденция к снижению доли вооруженных революционных выступлений и, соответственно, к увеличению доли невооруженных ненасильственных протестов. При этом особо выраженный сдвиг наблюдается при переходе от стран с очень молодым населением (с медианным возрастом до 16,5 лет) к странам с молодым населением (с медианным возрастом 16,5–18 лет), когда доля невооруженных выступлений вырастает практически в два раза. При медианном возрасте свыше 25 лет уже абсолютное большинство революционных выступлений (более 80%) носит преимущественно невооруженный характер, в то время как в странах с очень молодым населением абсолютное большинство революционных выступлений (более 75%) являются вооруженными.

На этом фоне крайне примечательным представляется, что быстрый рост медианного возраста населения нашей планеты в 1970–2020 гг. (рис. 1) сопровождался не менее впечатляющим ростом общемировой доли невооруженных революционных выступлений (рис. 7).

Таким образом, наше исследование доказывает, что старение населения нашей планеты и связанное с этим уменьшение доли молодежи в населении оказывает влияние на снижение доли вооруженных массовых политических выступлений в мире за последние десятилетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вишневский А.Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976.
- Вишневский А.Г. Демографический переход и гипотеза гиперболического роста населения // Демографическое обозрение. 2018. № 1(5). С. 64–105.
- Голдстоун Дж.А. К теории революции четвертого поколения // Философско-литературный журнал Логос. 2006. № 5. С. 58–103.
- Голдстоун Дж.А., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Волны революций XXI столетия // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 108–119.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5 (289). С. 37–46.
- Коротаев А.В., Малков А.С., Бурова А.Н. и др. Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события аравской весны 2011 г. // Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития. Отв. ред. А.А. Акаев. М.: Либроком/URSS, 2012. С. 210–276.

- Нефедов С.А. «Молодежный бугор» и первая русская революция // Социологические исследования. 2015. № 7 (375). С. 140–147.
- Устюжанин В.В., Гринин Л.Е., Медведев И.А., Коротаев А.В. Образование и революции (Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму?) // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2022. № 1 (104). С. 50–71.
- Устюжанин В.В., Коротаев А.В. Революции и демократия. Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму? // Вестник Томского государственного университета. Филология. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 198–210.
- Butcher C., Svensson I. Manufacturing Dissent // Journal of Conflict Resolution. 2016. No. 60 (2). P. 311–339.
- Chenoweth E., Shay C.W. NAVCO 1.3 Codebook. Cambridge, MA: Harvard Dataverse, 2020.
- Chesnais J.-K. The Demographic Transition: Stages, Patterns, and Economic Implications. Oxford: Clarendon Press, 1992.
- Choucri N. Population dynamics and international violence: Propositions, insights, and evidence. London: Lexington, 1974.
- Cincotta R. Demography as early warning: Gauging future political transitions in the age-structural time domain // Journal of Intelligence Analysis. 2015. No. 22 (2). P. 129–148.
- Cincotta R., Weber H. Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts // Global Political Demography: Comparative Analyses of the Politics of Population Change in All World Regions / Ed. by Goerres A., Vanhuysse P. Cham: Palgrave Macmillan. 2021. P. 57–92.
- Collier P., Hoeffler A. Greed and grievance in civil war // Oxford Economic Papers. 2004. No. 56 (4). P. 563–595.
- Coppedge M., Gerring J., Knutsen C.H. et al. V-Dem [Country–Year/Country–Date] Dataset v 12. Varieties of Democracy (V-Dem) Project, 2022.
- Dahlum S. Students in the Streets: Education and Nonviolent Protest // Comparative Political Studies. 2019. No. 52 (2). P. 277–309.
- Dyson T. On Demographic and Democratic Transitions // Population and Development Review. 2012. No. 38 (1). P. 83–102.
- Goldstone J.A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, CA: University of California Press, 1991.
- Goldstone J.A. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict // Journal of International Affairs. 2002. 56 (1). P. 3–21.
- How freedom is won: from civic resistance to durable democracy. Ed. by Ackerman P., Karatnycky A. Washington DC: Freedom House, 2005.
- Huntington S.P. 'So, are civilizations at war?', Interview with Samuel P. Huntington by Michael Steinberger, The Observer, Sunday October 21, 2001.
- Johnstad P.G. Nonviolent democratization: a sensitivity analysis of how transition mode and violence impact the durability of democracy // Peace & Change. 2010. No. 35 (3). P. 464–482.
- Kadivar M.A., Ketchley N. Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization // Socius. 2018. No. 4. P. 1–16.
- Kheng C.B. The communist insurgency in Malaysia, 1948–90: Contesting the nation-state and social change // New Zealand Journal of Asian Studies. 2009. No. 11 (1). P. 132–152.
- Kim T., Sciubba J.D. The effect of age structure on the abrogation of military alliances // International Interactions. 2015. No. 41 (2). P. 279–308.
- Korotayev A., Goldstone J.A., Zinkina J. Phases of global demographic transition correlate with phases of the Great Divergence and Great Convergence // Technological Forecasting and Social Change. 2015. No. 95. P. 163–169.
- Korotayev A., Zinkina J. Egypt's 2011 Revolution. A Demographic Structural Analysis // Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. Ed. by Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. Cham: Springer, 2022. P. 651–683.
- Mesquida C.G., Wiener N.I. Male age composition and severity of conflicts // Politics and the life sciences. 1991. No. 18 (2). P. 181–189.
- Mirkin B. Arab Spring: Demographics in a region in transition. New York: UNDP, 2013.
- Moller H. Youth as a Force in the Modern World // Comparative Studies in Society and History. 1968. No. 10 (3). P. 237–260.
- Staveteig S. The young and the restless: Population age structure and civil war // Environmental Change and Security Program Report. 2005. No. 11. P. 12–19.
- UN Population Division Median Age of Population. World Population Prospects Database. 2021c. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Files/> (дата доступа: 05.08.2021).

- UN Population Division Population by Age Groups – Both Sexes. World Population Prospects Database. 2021b. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Files/> (дата доступа: 05.08.2021).
- UN Population Division. World Population Prospects Database. 2021a. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (дата доступа: 05.08.2021).
- Urdal H. The devil in the demographics: the effect of youth bulges on domestic armed conflict, 1950–2000 // *Social Development Papers*. 2004. No. 14. P. 1–25.
- Urdal H. A clash of generations? Youth bulges and political violence // *International studies quarterly*. 2006. No. 50 (3). P. 607–629.
- Ustyuzhanin V., Korotayev A. Revolutions and Democracy. Can Democracies Prevent Revolutionary Armed Violence? // *Comparative Sociology*. 2023. No. 22 (1). P. 95–137.
- Weber H. Demography and democracy: the impact of youth cohort size on democratic stability in the world // *Democratization*. 2013. No. 20 (2). P. 335–357.
- Weber H. Age structure and political violence: a re-assessment of the “youth bulge” hypothesis // *International Interactions*. 2019. No. 45 (1). P. 80–112.

Статья поступила: 28.12.22. Финальная версия: 17.04.23. Принята к публикации: 18.04.23.

DANGEROUS YOUTH: WHY DO POLITICAL UPRISINGS TAKE AN UNARMED FORM?

USTYZHANIN V.V.*, ZINKINA J.V.***, KOROTAYEV A.V.* ***

*HSE University, Russia; **Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; ***Institute for African Studies RAS, Russia

Vadim V. USTYZHANIN, Research Intern, Centre for Stability and Risks Analysis, HSE University; Associate Researcher, International Laboratory of Demography and Human Capital, Russian Academy of National Economy and Public Administration (vvustizhanin@hse.ru); Julia V. ZINKINA, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher, International Laboratory of Demography and Human Capital of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Researcher (juliazin@list.ru); Andrey V. KOROTAYEV, Dr. Sci. (Hist.); Head of the Centre for Stability and Risks Analysis, HSE University; Chief Researcher at the Institute for African Studies RAS (akorotayev@gmail.com). All – Moscow, Russia.

Acknowledgements. The research was a part of the HSE Basic Research Program in 2023 with the support of the Russian Science Foundation (Project No. 21-18-00123).

Abstract. Quantitative cross-national studies of the factors of violent (armed) versus nonviolent (unarmed) revolutionary events are very few, and they do not pay enough attention to such a powerful factor as a high proportion of young people in the total adult population – the “youth bulge”. We assume that (1) revolutionary uprisings in countries with a greater youth bulge will be significantly more likely to take armed form than in countries with a significantly lower value of this indicator. We also assume that (2) the higher the median age of the population, the higher the likelihood for a revolutionary uprising to take an unarmed character. In general, both of our hypotheses are fully confirmed. Thus, there is a reason to believe that the significant increase in the median age of the population observed at the global level in the recent decades could have contributed to a noticeable decrease in the share of armed revolutionary uprisings and an increase in the share of unarmed ones.

Keywords: youth bulge, median age, political instability, violent revolutionary uprisings, nonviolent revolutionary uprisings.

REFERENCES

- Ackerman P., Karatnycky A. (eds) (2005) *How freedom is won: from civic resistance to durable democracy*. Washington DC: Freedom House.
- Butcher C., Svensson I. (2016) Manufacturing Dissent. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 60. No. 2: 311–339.
- Chenoweth E., Shay C.W. (2020) NAVCO 1.3 Codebook. Cambridge, MA: Harvard Dataverse.
- Chesnais J.-K. (1992) *The Demographic Transition: Stages, Patterns, and Economic Implications*. Oxford: Clarendon Press.
- Choucri N. (1974) *Population dynamics and international violence: Propositions, insights, and evidence*. London: Lexington.
- Cincotta R. (2015) Demography as early warning: Gauging future political transitions in the age-structural time domain. *Journal of Intelligence Analysis*. Vol. 22. No. 2: 129–148.
- Cincotta R., Weber H. (2021) Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts. In: Goerres A., Vanhuysse P. (eds) *Global Political Demography: Comparative Analyses of the Politics of Population Change in All World Regions*. Cham: Palgrave Macmillan: 57–92.
- Collier P., Hoeffler A. (2004) *Greed and grievance in civil war*. Oxford Economic Papers. Vol. 56. No. 4: 563–595.
- Coppedge M., Gerring J., Knutsen C.H. et al. (2022) V-Dem [Country–Year/Country–Date] Dataset v 12. *Varieties of Democracy (V-Dem) Project*.
- Dahlu S. (2019) Students in the Streets: Education and Nonviolent Protest. *Comparative Political Studies*. Vol. 52. No. 2: 277–309.
- Dyson T. (2012) On Demographic and Democratic Transitions. *Population and Development Review*. Vol. 38. No. 1: 83–102.
- Goldstone J.A. (1991) *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Goldstone J.A. (2001) Toward a fourth generation of revolutionary theory. *Filosofsko-literaturnyy zhurnal Logos* [Philosophical and literary journal Logos]. Vol. 4. No. 1: 139–187. (In Russ.)
- Goldstone J.A. (2002) Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs*. Vol. 56. No. 1: 3–21.
- Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (2022) Waves of revolutions in the 21st century. *Polis. Politicheskoye issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 4: 108–119. (In Russ.)
- Huntington S.P. (2001) 'So, are civilizations at war?', Interview with Samuel P. Huntington by Michael Steinberger. *The Observer*. Sunday, October 21.
- Johnstad P.G. (2010) Nonviolent democratization: a sensitivity analysis of how transition mode and violence impact the durability of democracy. *Peace & Change*. Vol. 35. No. 3: 464–482.
- Kadivar M.A., Ketchley N. (2018) Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization. *Socius*. Vol. 4: 1–16.
- Kheng C.B. (2009) The communist insurgency in Malaysia, 1948–90: Contesting the nation-state and social change. *New Zealand Journal of Asian Studies*. Vol. 11. No. 1: 132–152.
- Kim T., Sciubba J.D. (2015) The effect of age structure on the abrogation of military alliances. *International Interactions*. Vol. 41. No. 2: 279–308.
- Korotayev A.V. et al. (2012) A trap at the escape from the trap. Mathematical modeling of socio-political destabilization in the countries of the world-system periphery and the events of the Arab spring of 2011. In: Akaev A. (ed.) *Projects and risks of the future*. Moscow: Krasand/URSS: 210–276. (In Russ.)
- Korotayev A., Goldstone J.A., Zinkina J. (2015) Phases of global demographic transition correlate with phases of the Great Divergence and Great Convergence. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 95: 163–169.
- Korotayev A., Zinkina J. (2022) Egypt's 2011 Revolution. A Demographic Structural Analysis. In: Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. (eds) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 651–683.
- Mesquida C.G., Wiener N.I. (1999) Male age composition and severity of conflicts. *Politics and the life sciences*. Vol. 18. No. 2: 181–189.
- Mirkin B. (2013) *Arab Spring: Demographics in a region in transition*. New York: UNDP.
- Moller H. (1968) Youth as a Force in the Modern World. *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 10. No. 3: 237–260.
- Nefedov S.A. (2015) "Youth Bulge" and the First Russian Revolution. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. 375. No. 7: 140–147. (In Russ.)
- Staveteig S. (2005) The young and the restless: Population age structure and civil war. *Environmental Change and Security Program Report*. Vol. 11: 12–19.

- UN Population Division Median Age of Population. (2021c) World Population Prospects Database. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Files/> (accessed 05.08.2021).
- UN Population Division Population by Age Groups – Both Sexes. (2021b) World Population Prospects Database. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Files/> (accessed 05.08.2021).
- UN Population Division. World Population Prospects Database. (2021a) URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (accessed 05.08.2021).
- Urdal H. (2004) The devil in the demographics: the effect of youth bulges on domestic armed conflict, 1950–2000. *Social Development Papers*. Vol. 14.
- Urdal H. (2006) A clash of generations? Youth bulges and political violence. *International studies quarterly*. Vol. 50. No. 3: 607–629.
- Ustyuzhanin V., Grinin L., Medvedev I., Korotayev A. (2022). Education and Revolutions. Why do some revolutions take up arms while others do not? *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz* [Politeia-Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics]. No. 104 (1): 50–71. (In Russ.)
- Ustyuzhanin V.V., Korotayev A.V. (2022). Revolutions and democracy. Why do revolutions take armed or unarmed form? *Vestnik Tomskogo gosuniversiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. No. 66: 198–210. (In Russ.)
- Ustyuzhanin V., Korotayev A. (2023) Revolutions and Democracy. Can Democracies Prevent Revolutionary Armed Violence? *Comparative Sociology*. Vol. 22. No. 1: 95–137.
- Vishnevskii A.G. (1976) *Demographic revolution*. Moscow: Statistika. (In Russ.)
- Vishnevskii A.G. (2018) Demographic transition and the hypothesis of hyperbolic population growth. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. Vol. 5. No 1: 64–105. (In Russ.)
- Weber H. (2013) Demography and democracy: the impact of youth cohort size on democratic stability in the world. *Democratization*. Vol. 20. No. 2: 335–357.
- Weber H. (2019) Age structure and political violence: a re-assessment of the “youth bulge” hypothesis. *International Interactions*. Vol. 45. No. 1: 80–112.
- Zubok Y.A., Chuprov V.I. (2008) Youth extremism. Essence and Specific of the Manifestations. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. 289. No. 5: 37–46. (In Russ.)

Received: 28.12.22. Final version: 17.04.23. Accepted: 18.04.23.

Е.В. РЕУТОВ, М.Н. РЕУТОВА, И.В. ШАВЫРИНА

ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕЛИ МОЛОДЕЖИ И СПОСОБЫ ИХ ДОСТИЖЕНИЯ (по результатам опроса в юго-западном и южных регионах России)

РЕУТОВ Евгений Викторович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы (reutovevg@mail.ru); РЕУТОВА Марина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент той же кафедры (reutova@bsu.edu.ru). Оба – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия; ШАВЫРИНА Ирина Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, этнографии и социометрии Российского государственного социального университета, Москва, Россия (shavyrina_77@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена анализу ценностных ориентаций молодежи регионов юга и юго-запада России в контексте жизненных целей, способов и условий их реализации. Иерархию ценностных приоритетов молодежи (жизненные цели) возглавляют семья, здоровье и материальный достаток. Самореализация находится на полупериферии ценностной иерархии, служение обществу – на периферии. При этом в качестве факторов жизненного успеха, интерпретируемых как инструментальные ценности (средства достижения), на первый план выходят социальный конформизм (соблюдение норм права, следование нормам морали), профессионализм, наличие хороших друзей и поддержка семьи. Ценности, связанные с социальной ответственностью (гражданская позиция, помощь другим), обладают средней значимостью в иерархии факторов жизненного успеха. Зафиксировано следующее противоречие в ценностной картине мира молодежи: если жизненные цели формулируются в парадигме приватности и традиционализма, то средства их достижения рассматриваются в значительной мере через социальный конформизм и профессионализацию. Наиболее рациональным способом регулирования дисбаланса условий реализации жизненных целей, сложившегося в российском обществе, молодежь считает территориальную, в том числе трансграничную мобильность.

Ключевые слова: молодежь • ценностные ориентации • ценностные противоречия • жизненные цели • жизненный успех • самореализация • приватность • конформизм

DOI: 10.31857/S013216250023772-2

Введение. Нынешнее состояние российского общества характеризуется комплексом разнонаправленных тенденций, отражающихся на уровне его интеграции. Одной из них является актуализация в последние годы межпоколенческого социокультурного разрыва. 2000-е и 2010-е гг. были в целом временем преодоления социальной дезорганизации 1990-х гг., поиска интегрирующих российское общество факторов, хотя и представляли собой крайне неоднородный в данном отношении период. Если в 2000-е гг. процесс консолидации российского общества определялся, с одной стороны, декларируемым политическим руководством преодолением наследия «лихих 90-х», с другой – расширением возможностей консьюмеризма, то в 2010-е гг. данные факторы оказались исчерпаны. Наложившись на изменение внешнеполитической ситуации, это предопределило «патриотический транзит» и использование геополитики в качестве доминирующего инструмента консолидации.

В 2000-е гг. идеи и практики консьюмеризма были восприняты молодежью «на ура», и этим она не отличалась от подавляющего большинства россиян, но «идеологический» механизм консолидации во второй половине 2010-х гг. стал давать сбой. «В активную

жизнь вступило новое поколение, имеющее иной социальный опыт, иное мировоззрение и виды на свою самореализацию в рыночном государстве. Новое поколение более индивидуалистично, в меньшей степени апеллирует к попечительской роли государства и в большей – делает ставку на современные усилия, возможности и способности» [Горшков, Шереги, 2020: 435].

Воспитанная на нормах общества потребления и информационной свободы значительная часть молодёжи мыслит несколько иными категориями, чем старшие поколения, а её жизненные планы и практики диссонируют с модальными. Так, резкое «омоложение» протестного движения в начале 2021 г. поставило в тупик органы власти и администрации образовательных учреждений, заставив искать объяснения этому феномену, причем зачастую наиболее простые и связанные с политической наивностью или корыстолюбием и неразборчивостью в средствах.

Стало очевидным, что конфликт поколений – не социологическая фикция, что молодёжь действительно может являться специфичной в ценностном и поведенческом отношении социальной группой и эта специфика актуализируется в переломные или кризисные периоды развития общества. Обладая в силу сжатия социального времени иным по объёму и характеру интеллектуальным и культурным бэкграундом, нежели старшие поколения, используя, в связи с экспоненциальным развитием технологий, другие средства массовой информации и коммуникации, и, главное, находясь в ситуации, когда неопределённость становится нормой, молодёжь вынуждена методом проб и ошибок искать хотя бы относительно эффективные способы адаптации к мозаичной и нестабильной социальной реальности.

Рассматривая специфику положения молодёжи в «обществе риска», Ю.А. Зубок отмечает, что перманентная неопределённость социальной и жизненной ситуации и необходимость рискованного поведения «деформируют ценности-цели и активизируют ценности-средства, оказывая влияние на социальное развитие молодого поколения» [Зубок, 2003: 50]. При этом с момента данной констатации прошло почти двадцать лет. То «общество риска» не идёт ни в какое сравнение с нынешним, пережившим и продолжающим переживать череду глобальных экономических кризисов, «культуру отмены», пандемию коронавируса, геополитическую турбулентность и пр. В результате жизни в «эпоху перемен» адаптивность приобретает характер базисной ценности, подчиняющей и инструментализирующей все остальные, а жизненные стратегии укорачиваются до предела. И зафиксированные в сознании молодёжи (по крайней мере, в «допандемийный» период) «высокая инерционность базовых оснований культуры и преемственность образцов традиционной культуры в большей степени, нежели можно было бы ожидать» [Зубок, 2020: 25], в настоящее время подвергаются серьёзным испытаниям. Как в любом переломном периоде обостряется конкуренция между двумя механизмами социальной адаптации: консервативным – ментальным дистанцированием от непредсказуемых и дискомфортных социальных трансформаций, и инновационным – признанием необходимости изменения индивидуальной жизненной траектории и, возможно, парадигмы общественного развития.

При этом выбор между стратегиями адаптации к усложняющейся действительности определяется множеством факторов, в том числе сложившимися в массовом и индивидуальном сознании молодёжи представлениями о жизненных ценностях и приоритетах, то есть нормативной моделью жизненного успеха, а также возможностями самореализации, исходя из объёма человеческого и социального капитала, общественных условий, то есть жизненными шансами.

Можно предположить, что доминирование традиционных представлений о жизненных ценностях в сочетании с признанием ограниченности жизненных шансов будет ограничивать стратегии адаптации, направлять их в консервативное русло. Н.Е. Тихонова в качестве основных тенденций общественных трансформаций 2010-х гг. отмечает рост убежденности россиян в том, что личные усилия и стремления человека не являются ключевыми для достижения жизненного успеха и высоких статусных позиций. Гораздо

большую роль играют социальный, экономический и культурный капитал родительской семьи (хотя роль последнего снижается), а также различные неправомерные практики [Тихонова, 2018]. Наши исследования ценностей и установок молодежи российской провинции позволили прийти к выводу, что гиперболизация семейного счастья в качестве критерия жизненного успеха так же, как и распространенность представлений о невозможности добиться в провинции успеха без связей, во многом призвана оправдать пассивные жизненные стратегии [Реутов и др., 2020]. В этом же контексте С.В. Мареева отмечает, что сужение спектра моделей жизненного успеха и способов его достижения, трактовка их исходя из «специфики традиционного понимания жизненного успеха (связанного прежде всего с микромиром и поддержанием "серединного" статус-кво)» субъективно упрощают достижение жизненного успеха [Мареева, 2018: 381].

Цель настоящей статьи состоит в выявлении ценностной иерархии молодежи юга и юго-запада России, характера взаимосвязи ценностей-целей и ценностей-средств в условиях неопределённости.

Методика исследования. Эмпирической основой статьи стали результаты социологического исследования «Трансформация оснований и практик гражданской активности молодежи в условиях фрагментации жизненных миров и виртуализации общества». Опрос проводился в сентябре-октябре 2021 г. в трех субъектах Российской Федерации: Белгородской области, Краснодарском крае и городе федерального значения Севастополе. Объем выборочной совокупности составил 1200 человек (по 400 респондентов в каждом регионе) в возрасте 16–29 лет. Выборка репрезентативна по полу и возрасту в каждом регионе. Обработка и анализ данных осуществлялись в программе Vortex 10, основные методы – линейная и перекрестная группировка данных, корреляционный анализ (коэффициент Крамера).

Ценностная иерархия молодежи: приоритет «приватности». Социологический анализ ценностной структуры общества позволяет более или менее четко определить жизненные приоритеты его представителей, которые, в свою очередь, определяют жизненные стратегии или, по крайней мере, за отсутствием таковых, набор краткосрочных целевых ориентиров и тактик. Во втором случае влияние ценностей становится гораздо более опосредованным, поскольку тактическое мышление, в отличие от стратегического, хотя и ориентируется на ценности, но это уже ценности иного порядка – гораздо более инструментальные и менее связанные с идеалом. В результатах нашего исследования эти ценностные различия хорошо просматриваются.

Ценностная иерархия, построенная на основании ответов молодежи, оказалась довольно типичной: триада ведущих ценностей соответствует консервативно-традиционалистской, приватно-фамилистической модели, социокультурному «ядру» российского общества. Семью, ее благополучие в качестве ключевого жизненного приоритета отметили 60,5% молодых людей, здоровье – 54,8% и деньги, хороший заработок – 36,2%. Иными словами, быть здоровым и богатым, по крайней мере, обеспеченным, не выходя при этом за пределы сильных связей, для большинства молодежи вполне достаточно.

Следующую по значимости тройку приоритетов составляют любовь (20,3%), получение от жизни удовольствия (19,8%), реализация таланта и способностей (17,7%). Здесь просматриваются выход в постматериальность, нацеленность на идеал. Обращает на себя внимание достаточно низкая значимость в структуре жизненных приоритетов реализации своего таланта и способностей, которая, казалось бы, должна быть существенно выше. Это может объясняться прагматическим отношением к жизни российской молодежи, ориентирующим ее в направлении вполне измеримых, а не абстрактных целей и ценностей [Яковлева, 2018].

Далее следуют: свобода, независимость (15,7%), карьера (15,3%), общение с друзьями (11%), покой (8,3%), профессионализм (7,5%), образование (6,1%), власть (4,3%), вера (4,3%). Стремление принести пользу своей стране в качестве жизненной доминанты характерно для 4% опрошенных. Добиться славы хотят 3,7%. Данные по регионам различаются, но незначительно – в рамках статпогрешности, и эти различия не влияют на иерархию жизненных приоритетов (табл. 1).

Таблица 1

Ценностная структура региональной молодежи
(в % от ответов)

Валидные	Значения	Белгородская область	Краснодарский край	Севастополь	Всего
1	Семья, ее благополучие	20,4	21,1	22,3	20,8
2	Здоровье	20,4	17,0	19,1	18,9
3	Деньги, хороший заработок	13,7	11,5	12,1	12,5
4	Любовь	7,8	6,4	8,8	7,0
5	Получать от жизни удовольствие	5,9	6,2	7,5	6,8
6	Реализация своего таланта и способностей	5,3	5,7	7,5	6,1
7	Свобода, независимость от других	5,1	5,2	5,7	5,4
8	Карьера	5,0	5,2	5,7	5,3
9	Друзья, общение	3,6	4,8	2,8	3,8
10	Покой	2,4	3,6	2,3	2,9
11	Стать хорошим специалистом	2,3	3,1	2,1	2,6
12	Хорошее образование	2,2	3,0	1,3	2,1
13	Власть	1,9	1,9	0,8	1,5
14	Вера (религия)	1,8	1,6	0,8	1,5
15	Принести пользу своей стране	1,2	1,5	0,7	1,4
16	Слава, популярность	0,9	1,2	0,7	1,3
17	Затрудняюсь ответить	0,1	0,9	0,0	0,3
Итого		100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание. Ответ на вопрос: «Что является для вас главным в жизни?». Допускался выбор не более четырех вариантов ответа.

Данная иерархия хорошо иллюстрирует не только приоритеты, но и, с учетом ответов на другие вопросы, позволяет более или менее четко классифицировать ценности по шкале их терминальности/инструментальности. То, что семья, здоровье и материальный достаток находятся сверху иерархии, свидетельствует об их высокой значимости, но не позволяет с большой долей уверенности доказать тезис об их терминальном характере. То, что карьера, профессионализм и образование находятся внизу иерархии, может говорить не столько об их низкой значимости, сколько о доминировании в них инструментального компонента.

Таким образом, это первоначальное, общее представление о ценностной иерархии молодежи может оказаться не вполне адекватным для понимания действий и практик, не вытекающих непосредственно из жизненных приоритетов и стратегий, а подстраивающихся к повседневности.

Факторы жизненного успеха: социальный конформизм и профессионализм. Жизненный успех в его субъективных интерпретациях, скорее всего, важен всем. Различаются интерпретации, но различия, как отмечено выше, вполне укладываются в рамки нескольких моделей иерархии терминальных ценностей. Различны также средства достижения жизненного успеха. Эти средства вполне допустимо отождествить с инструментальными жизненными ценностями.

Таким образом, когда заходит речь о профессионализме, он оказывается не внизу, а практически сверху ценностной иерархии, уступая лишь законопослушанию.

Предложенный перечень факторов достижения жизненного успеха, находящихся в локусе влияния личности и ее непосредственного окружения, выстроился следующим образом:

- соблюдение норм права (в качестве важного и скорее важного условия его отметили 89,3% респондентов);
- следование нормам морали (87,8%);
- профессионализм (86,8%);
- наличие хороших друзей (85,4%);
- поддержка семьи (83,9%);
- готовность помогать другим людям (76,3%);
- деньги, богатство (71,6%);
- наличие и выражение гражданской позиции (69,4%).

В меньшей мере востребованы для этого:

- оригинальность, неординарность (54,4%),
- патриотизм (50,9%),
- групповой конформизм – необходимость «быть, как все, в ближайшем окружении» (27,9%).

Уточнение данной иерархии с учетом веса конкретных позиций на шкале оценок («неуверенным» оценкам придавался коэффициент 0,5, а индекс значимости вычислялся как разница между суммами положительных и отрицательных оценок) повлияло на их изначальное распределение, несколько изменив данную иерархию.

Так, значимость профессионализма еще более выросла – он поднялся на первое место; семейные связи опередили дружеские; деньги уступили гражданской позиции (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, чтобы комфортно себя ощущать в обществе и пользоваться жизненным успехом, насколько важно для человека...»
(позиции ранжированы по значимости)

Варианты	Очень важно	Скорее важно	Скорее неважно	Совершенно неважно	Затрудняюсь ответить	Индекс
Быть профессионалом в своем деле	57,7	29,2	5,9	2,3	4,9	67,05
Соблюдать нормы права	51,3	38,0	4,8	1,6	4,3	66,3
Соблюдать нормы общественной морали	49,0	38,8	6,0	2,0	4,3	63,4
Пользоваться поддержкой семьи	54,3	29,6	6,9	3,8	5,3	60,85
Иметь хороших друзей	47,4	38,0	7,5	3,6	3,5	59,05
Помогать другим людям	32,3	44,0	13,2	4,2	6,3	43,5
Иметь и выражать свою гражданскую позицию	31,9	37,5	16,0	4,5	10,1	38,15
Иметь много денег	33,2	38,4	15,3	6,8	6,3	37,95
Быть оригинальным и неординарным, выделяться из окружения	23,6	30,8	22,7	11,9	11,1	15,75
Быть патриотом своей страны	22,0	28,9	23,3	15,0	10,8	9,8
Быть, как все в твоём окружении	10,4	17,5	29,6	35,9	6,6	-31,55

Условия для самореализации молодежи. Ведущие позиции нормативности поведения в части следования правовым и моральным нормам являются своего рода ритуальной констатацией, но и упрекать молодежь в лицемерии нет оснований. Это, скорее всего, отражение в сознании молодежи радикального перелома, совершившегося в массовом сознании и гражданской культуре россиян в 2000–2010-х гг. и символизировавшего

признание ошибочным опыта «лихих 90-х» со всеми плюсами и минусами практического воплощения концепций «либерализма», «прав человека» и «гражданского общества».

Семья (наряду с другими «сильными» связями) – это реально работающий институт российского общества, особенно для лиц с небольшим объемом человеческого и социального капитала. Уход в приватность для россиян является также важным социально-психологическим механизмом адаптации к социальной неопределенности и компенсации аутсайдерства.

Если предельно упростить нормативный образец, обеспечивающий достижение жизненного успеха в российском обществе в глазах молодежи, то он выглядит так: профессионал, максимально интегрированный в сетевые структуры, построенные на основе семейных и дружеских связей, обладающий развитой социальной эмпатией и гражданским чувством и демонстрирующий приверженность базовым социальным нормам. В принципе, этот нормативный образец достаточно хорошо сбалансирован в том отношении, что доминирующая в нем модель микрогрупповой идентичности в значительной мере уравнивается высокой значимостью контролирующих институций, действующих на макросоциальном уровне, а эффективность индивида легитимируется не только деловыми, но и социальными качествами. С другой стороны, прослеживается тенденция к отказу от любой интернализации внешних требований. Так, при высокой значимости соблюдения правовых норм, диктуемых государством, совсем необязательно быть патриотом, а во взаимодействии с ближайшим окружением неважны ни конформизм, ни неконформизм. То есть любая коллективная идентичность – это фактически ресурс или даже инструмент достижения жизненного успеха.

Не до конца решен и вопрос о том, в какой мере нормативный образец, социализационная норма обеспечивается структурными и институциональными условиями. Потому что одно дело – признать принципиально значимым тот или иной фактор жизненного успеха и другое – дать оценку его реальному воплощению в социальной практике. Для этого респондентам был предложен перечень потенциально значимых сфер самореализации молодежи с необходимостью оценки сформированности общественных условий для проявления соответствующей активности. Для построения иерархии сформированности условий самореализации молодежи вычислялся их индекс как разница между долями положительных и отрицательных ответов, а доля затруднившихся с ответом респондентов служила прямым индикатором компетентности и косвенным – интереса (меньше 15% – высокие, 16–30% – средние, более 30% – низкие).

В результате получилась следующая картина. Наиболее высокие оценки получила сформированность условий в таких сферах, как спорт и здоровый образ жизни; развлечения и досуг; творческое самовыражение; социально ориентированная деятельность, волонтерство. Во всех этих случаях зафиксирован средний уровень компетентности и интереса: выше всего – в спорте и ЗОЖ, ниже – в социально ориентированной деятельности.

Несколько хуже оцениваются условия для религиозной жизни, карьеры и профессионального развития. При этом падает уровень компетентности и интереса, особенно в религиозной сфере. Относительно профессиональной сферы последнее кажется странным при ее объективной значимости для молодежи в качестве источника доходов и, соответственно, жизненных благ. Низкую компетентность в оценках профессиональной и карьерной реализации нельзя списать и на большую долю в выборке неработающей молодежи, поскольку больше всего затруднившихся с ответом оказалось в самой старшей группе – 25–29 лет (30,8%).

Наиболее рациональное объяснение низкого уровня компетентности молодежи в оценках возможностей профессиональной, карьерной активности связано, по всей вероятности, не столько с отсутствием реального опыта профессионализации, сколько с невысоким уровнем интереса к личному профессиональному развитию, вытекающим из обозначенной выше низкой значимости реализации своих таланта и способностей. Профессиональная деятельность связывается молодежью, прежде всего, с зарабатыванием денег, а ее содержание вторично и для многих не представляет особого интереса. Объективной основой такого отношения к труду являются рутинизация и алгоритмизация рабочих функций, расширение в современной экономике спектра профессий, в которых элементы творчества минимизированы либо исключены полностью [Гаврилюк и др., 2020].

Возможно, невысокая компетентность и неготовность выйти за пределы личного опыта обусловлены меньшей медийной представленностью данной сферы молодежной политики по сравнению с широко рекламируемыми инициативами по развитию спортивной инфраструктуры, волонтерства, проведению творческих конкурсов и пр. Характерно также, что с возрастом растет критическое восприятие молодыми людьми условий для карьеры и профессионального развития: от 59,8% позитивных оценок среди респондентов 16–18 лет до 55,7% у респондентов 19–24 лет и 44,6% у респондентов 25–29 лет. Подобный рост с возрастом скепсиса в оценках возможностей молодежи фиксируется и всероссийскими исследованиями. Так, в ходе опроса ВЦИОМ (2022) 85% респондентов 18–24 лет в той или иной мере отметили, что в России у молодых людей сейчас есть возможность реализовать себя, найти применение своим способностям, добиться успеха в жизни (нет таких возможностей – 14%); но в группе 25–34 лет эту позицию высказали 73% (нет возможностей – 19%)¹.

Хуже всего оцениваются молодежью условия для коллективных действий по защите прав и свобод; свободы получения и распространения информации, выражения своего мнения по разным вопросам и особенно политической активности. При этом все данные сферы характеризуются низкой или близкой к таковой компетентностью оценок и, соответственно, интереса. Особенно это касается политики и коллективных правозащитных действий, в отношении которых более трети опрошенных не смогли проявить свою экспертную компетентность (и заинтересованность), что также является следствием, с одной стороны, прагматических ориентаций большинства молодежи, минимизирующих векторы личных усилий, не направленные на достижение жизненного успеха, и с другой – вполне очевидными институциональными барьерами, маркирующими любую несанкционированную свыше активность как неконвенциональную. Что касается свободы получения и распространения информации, выражения гражданской позиции, то здесь заинтересованность молодежи заметно выше, и субъективно осознаваемые препятствия в реализации соответствующих интенций не могут не вступать в противоречие с зафиксированной ранее важностью гражданской позиции для социального бытия человека (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, в современном российском обществе созданы условия для проявления молодыми людьми социальной активности в различных сферах или же этих условий нет?»
(в % от опрошенных, позиции ранжированы)

Варианты	Такие условия созданы	Таких условий нет	Затрудняюсь ответить	Индекс
В спорте и реализации здорового образа жизни	75,7	8,8	15,5	66,9
В развлечениях и досуге	72,0	10,3	17,7	61,7
В творческом самовыражении	64,3	13,9	21,8	50,4
В социально ориентированной деятельности, в организации помощи нуждающимся в ней людям	61,9	15,2	22,9	46,7
В религиозной жизни	48,5	12,8	38,7	35,7
В карьере, профессиональном развитии	52,0	19,8	28,2	32,2
В коллективных действиях по защите прав и свобод	36,6	26,2	37,2	10,4
В свободе получения и распространения информации, в выражении своего мнения по разным вопросам	40,5	30,3	29,2	10,2
В политической сфере	33,1	28,6	38,3	4,5

¹ Возможности для молодежи: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie-obzory/vozmozhnosti-dlja-molodezhi-monitoring> (дата обращения: 12.12.2022).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, что лучше для молодого человека?» по возрасту (в % от опрошенных)

Варианты	16–18 лет	19–24 года	25–29 лет	Всего
Жить в своей стране	20,8	30,2	40,1	32,3
Путешествовать, учиться и работать за рубежом, периодически возвращаясь в Россию	51,1	44,8	33,5	41,5
Уехать из России навсегда	13,6	12,7	12,7	12,9
Затрудняюсь ответить	14,4	12,3	13,7	13,3

Примечание. Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,123, Вероятность ошибки (значимость): 0,000.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, что лучше для молодого человека?» по регионам (в % от опрошенных)

Варианты	Белгородская область	Краснодарский край	Севастополь	Всего
Жить в своей стране	34,5	28,5	33,8	32,3
Путешествовать, учиться и работать за рубежом, периодически возвращаясь в Россию	41,3	39,5	42,8	41,5
Уехать из России навсегда	16,0	13,0	8,5	12,9
Затрудняюсь ответить	8,3	19,0	14,9	13,3

При относительной благоприятности оценок условий для большинства видов социальной активности молодежи в российском обществе большей части респондентов они кажутся недостаточными для реализации жизненных целей. Исходя из этого, лишь треть (32,3%) участников исследования ограничивает нормативные жизненные перспективы молодежи пределами России. Основная часть выборочной совокупности (41,5%) ментально ориентирована на трансграничную мобильность, считая оптимальным вариантом для молодых людей путешествовать, учиться и работать за рубежом, периодически возвращаясь в Россию; 12,9% опрошенных видят для молодежи лучший вариант в безвозвратной эмиграции. С возрастом эти предпочтения заметно меняются в сторону постоянной жизни в своей стране, хотя эмиграционные настроения остаются приблизительно одинаково распространенными во всех возрастных группах молодежи (табл. 4).

В распределении по регионам присутствуют некоторые отличия, не влияющие на общий тренд, – доминирующее стремление молодежи к транснациональной мобильности с почти в такой же степени выраженной привязанностью к своей стране и периферийной установкой на безвозвратную эмиграцию. Следует отметить заметно меньшую долю севастопольцев, настроенных на безвозвратную эмиграцию (табл. 5). Объяснение этому коренится, вероятно, в недавнем транзите региона в состав России с рядом несомненных позитивных эффектов для социальной инфраструктуры и качества жизни в целом, а также в специфике данного субъекта, являющегося базой Черноморского флота, городом федерального значения с соответствующей идеологической составляющей.

Выводы. В результате соотнесения представлений молодежи трех регионов юго-запада и юга России о жизненных приоритетах, факторах достижения жизненного успеха и условиях самореализации формируется картина жизненного мира молодежи, в которой профессионализм и хорошее образование являются необходимыми для достижения жизненного успеха, но в иерархии жизненных целей они находятся на задворках. Для успеха в жизни важны законопослушание и соблюдение норм морали, но патриотизм как личное отношение к своей стране и своему народу в данном контексте нейтрален,

а польза, приносимая обществу, в качестве жизненного приоритета лежит на далекой периферии. Роль денег для достижения жизненного успеха второстепенна, но в иерархии жизненных целей занимает одно из ведущих мест. Друзья важны для достижения жизненных целей, но дружба как таковая в число жизненных приоритетов не входит. Конформизм применительно к ближайшему окружению, ординарность, скорее, мешают достижению успеха, но и оригинальность для этого особо не требуется. Реализация своих талантов и способностей как, казалось бы, важнейшая постматериальная ценность – выше карьеры, но гораздо ниже денег. Даже помощь людям и гражданская позиция, декларируемые молодыми людьми в качестве значимых факторов социальной адаптации и достижения жизненного успеха, видятся несколько искусственными в контексте жизненных приоритетов, сосредоточенных в приватной сфере. Разве что семья является ценностью и безусловной (как жизненная цель), и инструментальной, поскольку существенно облегчает социальную адаптацию и достижение успеха в жизни.

Основным противоречием в ценностной картине мира молодежи является то, что если жизненные цели формулируются в парадигме приватности и традиционализма, то средства их достижения рассматриваются в значительной мере через социальный конформизм и демонстрацию социальной ответственности.

Современная молодежная политика, направленная на поощрение социальной активности молодежи, за исключением узкополитической, правозащитной и информационной сфер, оценивается высоко (досуг, физическое и творческое развитие, волонтерство) либо относительно высоко (профессионально-трудовая сфера), но большая часть региональной молодежи в идеале выбрала бы космополитический образ жизни.

Новые условия, в которых оказалось российское общество с началом открытого геополитического конфликта с Западом, являются существенным вызовом и для социального самочувствия российской молодежи, и для российской молодежной политики. Так, высокий миграционный потенциал российской молодежи, особенно ее «верхней», наиболее квалифицированной когорты, уже частично реализовался в течение 2022 г. Не так просто адаптировать космополитические установки значительной части молодежи к нормативности и безальтернативности патриотического дискурса. Так же плохо с ним согласуются утилитарность, прагматизм, приватный характер жизненных целей российской молодежи. При этом надеяться на «перерастание» «поколением Z» своих ценностных противоречий, на естественный дрейф от индивидуализма и прагматизма к коллективизму и альтруизму и преодоление, таким образом, ценностного межпоколенческого конфликта вряд ли стоит ожидать, тем более что само российское общество явно находится на очередной исторической развилке с неоднозначным потенциалом социальной трансформации. Пути преодоления межпоколенческого конфликта видятся не только в создании условий самореализации молодежи и формировании так называемых «социальных лифтов», но и в уменьшении конфликтного потенциала общества в целом, в снижении социального, корпоративного эгоизма, в поиске оптимального соотношения личной свободы и частной инициативы, с одной стороны, и коллективными (цивилизационными, национальными, государственными) ценностями и интересами – с другой. Государственная молодежная политика при этом оказывается в непростых условиях, в которых инерционная (условно – либеральная) модель, ориентированная на самореализацию как базовую ценность и плюрализм, конкурирует с более жесткой парадигмой, предполагающей встраивание молодежи в систему государственных интересов и ускоренную идеологизацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаврилюк Т.В., Гаврилюк В.В., Бочаров В.Ю., Сотков О.Л. Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса. М.: Флинта, 2020.
- Горшков М.К., Шереги Ф.И. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020.
- Зубок Ю.А. Проблемы социального развития молодёжи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 42–51.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизненные стратегии молодёжи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13–41.
- Мареева С.В. Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 365–385. DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.17.
- Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Жизненный успех и шансы на его достижение в представлениях жителей российской провинции // Социологические исследования. 2020. № 6. Т. 46. С. 61–71.
- Тихонова Н.Е. Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // Вестник Института социологии. 2018. № 4. С. 11–43.
- Яковлева М.Н. Динамика ценностных ориентаций современной молодежи // Смыслы жизни российской интеллигенции / Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2018. С. 212–219.

Статья поступила: 16.01.23. Финальная версия: 17.04.23. Принята к публикации: 20.04.23.

LIFE GOALS OF YOUTH AND WAYS TO ACHIEVE THEM (a survey in the South-Western and Southern regions of Russia)

REUTOV E.V.*, REUTOVA M.N.*, SHAVYRINA I.V.**

* Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

** Russian State Social University, Moscow, Russia

Evgeniy V. REUTOV, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Belgorod National Research University, Belgorod, Russia (reutovevg@mail.ru); Marina N. REUTOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Belgorod National Research University, Belgorod, Russia (reutova@bsu.edu.ru); Irina V. SHAVYRINA, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Prof. of the Department of Sociology, Ethnography and Sociometry of the Russian State Social University, Moscow, Russia (shavyrina_77@mail.ru).

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of the project GZ no. FZVG-2023-0006.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the value orientations of the youth in the regions of the South Russia in the context of life goals, methods and conditions for their implementation. The hierarchy of young people's value priorities (life goals) is headed by family, health and material wealth. Self-realization is on the semi-periphery of the value hierarchy, service to society is on the periphery. At the same time, as factors of success in life, interpreted as instrumental values (means of achievement), social conformism (observance of the rule of law, adherence to moral standards), professionalism, good friends and family support come to the fore. Values associated with social responsibility (citizenship, helping others) are of medium importance in the hierarchy of life success factors (means of achieving life goals). The following contradiction has been fixed in the value picture of the young people world: if life goals are formulated in the paradigm of privacy and traditionalism, then the means of achieving them are considered to a large extent through social conformism and professionalization. The most rational way to regulate the imbalance in the conditions for the realization of life goals that has developed in Russian society, young people consider territorial, including cross-border mobility.

Keywords: youth, value orientations, value contradictions, life goals, life success, self-realization, privacy, conformity.

REFERENCES

- Gavrilyuk T.V., Gavrilyuk V.V., Bocharov V.Yu., Sotkov O.L. (2020) *Life strategies of the youth of the new working class*. Moscow: Flinta. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Sheregi F.I. (2020) *The youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of many years of research*. Moscow: FNISC RAN. (In Russ.)
- Zubok Yu.A. (2003) Problems of social development of youth in conditions of risk. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 42–51. (In Russ.)
- Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (2020) Life Strategies of Youth: Realization of Expectations and Social Moods. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes]. No. 3: 13–41. (In Russ.)
- Mareeva S.V. (2018) Life chances of residents of capitals and provinces in the mass consciousness. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and social changes]. 2018. No. 6: 365–385. (In Russ.)
- Reutov E.V., Reutova M.N., Shavyrina I.V. (2020) Life success and the chances of achieving it in the views of residents of the Russian provinces. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 61–71. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2018) Factors of success in life and social status in the minds of Russians. *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 4: 11–43. (In Russ.)
- Yakovleva M.N. (2018) Dynamics of value orientations of modern youth. In: Toshchenko J.T. (ed.) *Meanings of life of the Russian intelligentsia*. Moscow: RGGU: 212–219. (In Russ.)

Received: 16.01.23. Final version: 17.04.23. Accepted: 20.04.23.

Р.Х. СИМОНЯН

СПЕЦИФИКА ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ПРИГРАНИЧЬЯ РОССИИ И УКРАИНЫ (на примере Белгородского и Харьковского госуниверситетов)

СИМОНЯН Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, Москва, Россия (simonyan.renald@yandex.ru).

Аннотация. В условиях военного конфликта массовое сознание студентов российско-украинского приграничья представляет особый интерес, поскольку именно эта возрастная группа будет решать задачу по восстановлению и развитию добрососедства наших стран. В статье приводятся результаты проведенного в декабре 2021 г. сравнительного исследования студентов Белгородского и Харьковского госуниверситетов. Представлено общее и особенное в идентичности студентов, показано ее влияние на межнациональную толерантность, представление о своих странах, оценки происходящих в них общественных процессов, ориентации и установки. Близость основных характеристик сознания студентов двух стран подтверждает единство их культурного кода.

Ключевые слова: российско-украинское приграничье • молодежное сознание • идентичность

DOI: 10.31857/S013216250025806-9

Приграничье России и Украины: постановка проблемы и эмпирическая база. В первые годы после распада СССР для жителей приграничья России и Украины ничего не изменилось, сложившиеся связи (трудовые, коммерческие, досуговые, родственные) продолжались¹. Да и затраты на материально-техническое обустройство 2,3 тыс. км границы между братскими народами не казались первостепенными. Но с течением времени в российско-украинских отношениях стали возникать проблемы: финансовые задолженности Украины и рост масштабов «несанкционированного отбора российского экспортного газа», украинизация русскоязычного населения, активное вытеснение русского языка из школьного образования². В 2010-х гг. стремление вступить в Евросоюз привело к внутренним напряжениям, протестам и в дальнейшем – к вооруженным столкновениям в 2014 г. Парламент Республики Крым объявляет о своей независимости, проводит референдум, по результатам которого принимает решение о воссоединении с Россией. Весной на юго-востоке Украины происходят военные действия. На Донбассе жители приграничных регионов начинают все больше ощущать разделенность. И если сознание старшего поколения сформировалось во времена единого государства, то молодежь социализировалась в разных политических и идеологических условиях, поэтому, возможно, имеет заметные отличия в приоритетах, самоидентификации, социально-политических оценках происходящего, особенно вблизи конфликтных зон. Проверке этой гипотезы посвящено представляемое исследование.

Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта № 1921-01-01.

¹ С 1997 г. между Россией и Украиной действовало соглашение о безвизовом пересечении границы, а с 2004 г. разрешение гражданам одной страны находиться на территории другой без регистрации 90 дней. Эти соглашения действовали до 2018 г.

² В 1990/1991 учебном году на Украине было 4635 русских школ, в 2010/2011 уч. г. – 1149, в 2020/2021 уч. г. – 125.

Для обеспечения строгости исследования были выбраны Белгородская и Харьковская области. Они составляют основу Слободского края (Слобожанщины) – территории, активно осваиваемой с XVII в. русскими и украинцами. Поселяясь возле крепостных сооружений Белгородской засечной черты в слободах, имевших большие вольности, чем в глубине России, два братских народа охраняли границы на юге, сформировав исторически устойчивое единое территориальное сообщество, в котором русский язык был общепринятым. При проведении административных границ первыми советскими руководителями этот культурно-исторический феномен, как и многие подобные, не был принят во внимание. До событий 2014 г. само понятие «граница» между Россией и Украиной было условным [Черномаз, 2017]. Пограничная инфраструктура стала формироваться только после кризиса 2014 г., когда государственная граница приобрела полноценный политический статус.

Вновь ставшая приграничем после распада СССР Слободская Украина сохранила многие субэтнические черты: (1) здесь перемежаются украинские и русские поселения; (2) высокий удельный вес смешанных браков; (3) разговорное украинско-русское двуязычие («суржик»); (4) традиции свободолюбия и вольнодумства, идущие от казаков, бывших по духу и букве свободными людьми и имевших больше прав и льгот, а следовательно, зачастую более образованных по сравнению с населением глубинных территорий Украины. Здесь в условиях смешанного русско-украинского населения в 1804 г. был основан Харьковский университет, поэтому Слободскую Украину многие историки считают колыбелью украинской культуры, формировавшейся под благотворным влиянием русской культуры [Грушевский, 1991; Субтельный, 1993; Плохий, 2018].

Жители Харьковской области воспринимают белгородцев как представителей той же этногруппы. После событий 2014 г. многие харьковчане переехали в Белгород на постоянное место жительства и инкорпорировались в его социум [Черномаз, 2017: 414; Трансграничное..., 2010]. Из-за близости этнокультурных признаков мигранты из соседних регионов Украины не воспринимаются как «приезжие из других стран» [Листова, 2014], региональные различия представляются более весомыми, чем этнические: «местные жители почти не замечают приезжих украинцев (они не отличаются ни внешне, ни поговору), зато сразу же отличают русских, приезжающих с северных и восточных регионов России» [Баринов и др., 2009: 24].

В декабре 2021 г. был проведен опрос в Белгородском государственном национальном исследовательском университете и Харьковском национальном университете им. В.Н. Каразина. Объектом изучения стали магистранты двух вузов, генеральная совокупность в первом случае составляет 764 человека, во втором – 982. Анкетирование проведено по квотной выборке ($N = 400$, по 200 от каждого университета) пропорционально количеству факультетов и специализаций: в Белгородском университете 20 факультетов, в Харьковском – 19, готовящих специалистов в области точных, технических, естественных, гуманитарных и общественных наук. Раздаточная анкета включала шесть блоков вопросов: социальная идентичность; восприятие и отношение к окружающей реальности; представления о России и Украине; ожидания будущего; информационные каналы. Результаты опроса студентов-магистрантов приграничья двух стран представляются в сопоставлении друг с другом. Ошибка выборки составляет 5%. Исследование репрезентативно относительно объекта исследования, экстраполировать результаты на всю студенческую группу регионов не корректно. Однако подобный сравнительный анализ накануне СВО позволяет выделить схожее и отличное в суждениях студентов и может внести свой вклад в изучение массового сознания населения приграничных территорий.

Самоидентификация: сходства и различия. Несмотря на отмеченный социологами в последние годы рост этнической самоидентификации [Дробижева, 2017: 29], большинство студентов идентифицируют себя как граждан государства, но у харьковчан этот выбор выражен слабее, что возможно связано с неустойчивостью государственности Украины. Среди магистрантов Харькова практически равное число тех, кто идентифицирует

Таблица 1

Самоидентификация магистрантов Харьковского и Белгородского университетов
(в % от опрошенных)

Город	Гражданская	Этническая	Территориальная
Белгород	55,2	35,5	9,3
Харьков	42,3	40,7	17

Примечание. Ответы на вопрос: «Какая идентификация для вас наиболее значима?»

себя по гражданскому и этническому принципу. Обращение к этничности – общемировая тенденция, однако среди харьковчан самоидентификация по этому признаку выше, чем среди магистрантов-белгородцев (табл. 1).

Для большей конкретности анализа была выделена территориальная идентичность, близкая к этнической. Почти двукратные различия в территориальной идентификации связаны со статусом места проживания. Харьков – второй по величине город Украины и с 1919 по 1934 г. ее столица, промышленный, научный и образовательный центр страны, в СССР был третьим по величине (после Москвы и Ленинграда) индустриальным городом. Кроме того, среди респондентов доля местных жителей в Харькове существенно больше, чем в Белгороде. В обеих областях происходит начавшаяся после распада СССР депопуляция, но в Белгородской это компенсируется растущим притоком мигрантов, что отразилось на структуре респондентов: местных в Харькове – 59,7%, в Белгороде – 44,3%. Все это определило более высокую значимость территориальной идентичности для респондентов-харьковчан.

Значительная часть опрошенных предпочитает этническую идентификацию, что в условиях высокого удельного веса смешанных браков и роста миграционных процессов порождает проблемы для официальной регистрации и государственной статистики. В середине 1990-х гг. более 20% русских жителей Украины имели мать-украинку, 10% – украинца-отца, т.е. 30% русского населения Украины были этническими «полуукраинцами». Более 8% украинцев имели русского отца, более 7% – русскую мать, что делало «полурусскими» 16% украинцев. Бизэтническим было около половины населения Украины [Савоскул, 2001: 89]. В Белгородской области русско-украинскую этничность имели 16% жителей, а в приграничных муниципалитетах – 23% [Бубликов, 2018: 619]. Прогнозируется численный рост этой группы при сокращении «чисто» русского населения Украины и «чисто» украинского населения России [Митрофанова, Суций, 2017: 51].

Подобная (перекрестная, двойная, смешанная) идентификация дает основание для попыток ее законодательного закрепления. В.А. Тишков рекомендовал уточнить в переписи 2020 г. процедуру определения и подсчета этнической идентичности граждан, предоставив возможность свободно указывать этническую идентичность, а органы статистики обязать вести подсчет не только единичной, но и смешанной идентичности³ [Тишков, Степанов, 2018: 68].

Показательно распределение между местными и приезжими по выбору наиболее значимой идентичности: местные опережают приезжих в этнической и еще больше в территориальной самоидентификации, приезжие опережают местных в гражданской. В Белгороде гражданская самоидентификация у местных – 47,8%, у приезжих – 52,3%; этническая 54,2 и 46,8%; территориальная 68,3 и 31,7% соответственно. В Харькове: гражданская – 47,1 и 52,9%; этническая – 51,4 и 48,6%; территориальная – 72,8 и 26,3%.

В отличие от секуляризационных процессов в Западной Европе постсоветские Россия и Украина после кризиса коммунистической идеологии переживают религиозный ренессанс. Влияние религии на общественную жизнь во всех постсоветских государствах растет

³ Всероссийская перепись населения 2020–2021 гг. выявила 1,82 млн чел., указавших смешанную идентичность.

Таблица 2

Отношение к вероисповеданию магистрантов Харьковского и Белгородского университетов
(в % от опрошенных)

Город	Верующие	Воцерковленные	Атеисты	Агностики	Затр. отв.
Белгород	26,4	10,8	18,7	37,8	6,3
Харьков	28,5	7,3	19,6	40,6	4,0

Примечание. Ответы на вопрос: «Ваше отношение к религии».

[Лункин, 2021: 12]. Это отражено в результатах опроса: значительная часть респондентов – 37,2% белгородцев и 35,8% харьковчан указали на принадлежность к религиозному сообществу. Для большей конкретизации носителей регионального сознания религиозные и нерелигиозные группы были дифференцированы. Все различия находятся в пределах ошибки выборки и незначительны (табл. 2).

Для обозначения истинно верующих, исполняющих все религиозные обряды, в церковном обиходе существует понятие «воцерковленные». Отличие между этими группами четко проявляется в этнической самоидентификации, у воцерковленных она существенно выше: в Белгороде у верующих – 39,2%, у воцерковленных – 61,7%; в Харькове – 40,8 и 67,5% соответственно. В обоих приграничьях неверующие чаще предпочитают гражданскую идентичность, реже – территориальную. Если среди верующих этническая самоидентификация ненамного превосходит гражданскую, то среди воцерковленных – доминирует, что подтверждает прямую корреляцию этничности и религиозности сознания.

Выявились различия и в межэтнических отношениях. Среди белгородцев 83,7% указали на этнические группы, к представителям которых они испытывают дружеские чувства, среди харьковчан таких меньше – 68,9%. Наличие этнических групп, к представителям которых респонденты испытывают неприязнь, среди белгородцев 29,7% (максимальная у респондентов с гражданской идентичностью – 34,2%), среди харьковчан 32% (с гражданской идентичностью – 36,3%). Настроения ксенофобии менее характерны для указавших территориальную идентичность: в Белгороде – 14,2, в Харькове – 17,5%.

Важный изучаемый вопрос – оценка западноевропейского и азиатского влияния на этногенез русских и украинцев. Практически треть респондентов затруднились дать ответ, поэтому анализировать достоверность полученных данных в сравнении затруднительно. В Белгороде примат европейского влияния на Россию признают 52,5%, в Харькове – 43,6%, азиатского – соответственно 15,8 и 20,2%. Европейское влияние на Украину отмечают 50,8% белгородцев и 53,3% харьковчан, азиатское – соответственно 11,8 и 18,6%. Согласившихся с тем, что Россия входит в европейскую цивилизацию, в Белгороде – 47,5%, в Харькове – 54,7%.

Восприятие окружающего мира и современных вызовов. С учетом современных реалий сопоставим оценки студентами происходящего в их стране. Критический взгляд соседей оказался строже в отношении России у харьковчан – 75,7 против 62,1% у белгородцев. В отношении Украины примерно равные оценки с учетом ошибки выборки: у харьковчан 45,9% против 40,8% у белгородцев. В оценке эффективности управления в собственном государстве наибольший скептицизм проявили те, кто предпочел территориальную самоидентификацию.

При оценке соотношения взаимных интересов в экономическом сотрудничестве России и Украины с Евросоюзом в Белгороде считали, что Евросоюз нужен больше России (26,8%), чем Россия Евросоюзу (19,3%), треть считают, что заинтересованы в сотрудничестве обоюдно (36,5%). Среди харьковчан – 26,5, 29,7, 35,2% соответственно. В Харькове в большей степени считали, что Евросоюз нужен Украине (48,7%), чем Украина Евросоюзу (25,2%), в равной мере – 17,2%. У белгородцев – соответственно 43,3, 14,5, 20,6%.

Таблица 3

Уровень согласия с тем, что управление общественными процессами в стране происходит эффективно (в % от опрошенных)

Город	Согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить
<i>В России</i>					
Белгород	4,4	18,2	25,4	34,7	17,3
Харьков	2	6,7	23,9	51,8	15,5
<i>На Украине</i>					
Белгород	10,8	31,7	24,3	16,5	6,7
Харьков	6,3	26,5	24,1	21,8	22,3

Примечание. Ответы на вопрос «Насколько вы согласны с утверждением, что дела в вашей стране идут в правильном направлении?». Схожий вопрос задавался по отношению к соседнему государству.

Респонденты отметили большую заинтересованность своих стран в сотрудничестве с ЕС, причем для Украины это особенно актуально, так как торговля с Россией в последние годы резко уменьшилась. Наибольшие различия были зафиксированы в оценках обоюдной выгоды: показатели России (в Белгороде – 36,5, в Харькове 35,2%) значительно превышали показатели Украины (в Харькове – 17,2, в Белгороде – 20,6%). Это объясняется девятикратной разницей масштабов экономик России и Украины. В 2021 г. ВВП России составил 1,68 трлн долл., ВВП Украины – 193 млрд долл. Взаимную заинтересованность РФ и ЕС определяло то, что Россия в 2021 г. возглавляла список стран-поставщиков в ЕС природного газа и лидировала по поставкам нефти и нефтепродуктов, а Евросоюз являлся в 2021 г. главным поставщиком в Россию машин, приборов, оборудования, транспортных средств и главным инвестиционным партнером.

В усилении Евросоюза видели опасность для России в Белгороде 23,8%, в Харькове 29,7%. Для ассоциированной с ЕС Украины такая опасность ощущалась значительно меньше. В Белгороде на ее наличие указали 18,7%, в Харькове – 14,2%. Эти данные корреспондируются с представлениями об истоках угроз для России и Украины. На внешние источники опасности для России в Белгороде указали 17,8%, на внутренние – 53,7%, затруднились ответить 28,5%. При этом если доля опасяющихся внешних угроз не зависела от самоидентификации, располагаясь в интервале от 16,7 до 19,2%, то на опасность внутренних угроз указали 51,6% белгородцев с гражданской идентичностью, 54,8% с этнической и 62% с территориальной. Харьковчане воспринимали угрозы для России более определенно: внешние – 32,8%, внутренние – 59,7%.

На внешние источники опасности для Украины указали 25,3% белгородцев и 44,8% харьковчан, на внутренние – 45,1% белгородцев и 46,7% харьковчан. Таким образом, несмотря на сложные межгосударственные отношения респонденты обоих регионов больше опасались для Украины внутренних угроз. Как в оценке рискогенности, так и в представлениях об источниках угроз харьковчане отличались большей определенностью.

При вопросе об информированности о соседнем государстве, каждая из сторон была уверена в недостатке знаний соседей о своей стране, т.е. и белгородцы, и харьковчане свое представление о соседях оценивали значительно выше, чем представления соседей о себе. Харьковчане это выражают гораздо решительнее, что имеет под собой обоснование. Жители нового зарубежья, возникшего после распада СССР, проявляют существенно больший интерес к тому, что происходит в России, чем россияне к происходящему в бывших союзных республиках. Повышенный интерес наших соседей обусловлен не только совместной историей, территориальной и этнокультурной близостью, но и масштабами России, ее ролью в международных отношениях и, прежде всего, влиянием

Таблица 4

Оценка взаимной информированности о соседней стране
(в % от опрошенных)

Кто лучше осведомлен	Россияне об Украине	Жители Украины о России	В равной мере	Затрудняюсь ответить
Белгород	22,7	19,6	37,6	20,1
Харьков	12,3	35,8	40,6	12,3

Таблица 5

Источники получения информации о странах-соседях (в % от опрошенных)

Город	Личные впечатления	Рассказы знакомых	Телевидение	Радио	Книги	Газеты, журналы	Интернет	Кино
Белгород	11,3	10,6	15,8	2,5	11,2	3	46,7	1,5
Харьков	16,1	7,3	22,5	1,5	10,7	2	40,2	1

на территории постсоветского пространства. Асимметрия взаимной информированности отразилась в результатах опроса.

Интернет по-прежнему является основным источником информации (46,7% для Белгорода и 40,2% для Харькова), с большим отрывом на втором месте – телевидение (15,8 и 22,5% соответственно). На основе различий в показателях личного опыта можно предположить, что харьковчане чаще бывали в России, чем белгородцы на Украине. Тем более что у них больше возможностей для непосредственного наблюдения общественной жизни в других странах: загранпаспорта имеют 91,3% опрошенных харьковчан, в то время как среди белгородцев – 47,2%. Каждый третий (33,7%) харьковчанин побывал в пяти и более государствах Европы, среди белгородцев – только каждый двадцатый (5,3%). Не были ни в одном из них среди харьковчан – 10,3%, среди белгородцев – 52,5%. Студенты-выпускники университетов по обе стороны российско-украинской границы демонстрируют представительный и в целом достаточно однородный источник информации о соседях.

Отметим, что общая оценка материального уровня в двух группах схожа. Оценивают его как хороший в Белгороде 25,1%, в Харькове 28,4%; средний – 53,4 и 61,2%. Однако доля тех, кто материальное положение семьи оценивает ниже среднего, в Харькове почти в два раза меньше, чем в Белгороде (21,5 и 11,4%).

Молодые харьковчане воспринимают себя материально более обеспеченными по сравнению с белгородцами, несмотря на то что Украина – одна из самых бедных стран Европы (по данным Всемирного банка, в 2021 г. 43 место из 44-х, позади только Косово). По данным МВФ, величина среднедушевого ВВП (ППС) на Украине составила в 2021 г. 14 146 долл. по сравнению с 30 431 долл. в России. Даже если учесть более равномерное распределение национального дохода на Украине, где индекс Джини в 2020 г., по данным ООН, был 26,1, в то время как в России – 37,8, разница остается весьма значительной. Самооценка формируется в процессе сравнения: молодежь Украины воспринимает себя на фоне общего невысокого уровня потребления и невысокого уровня притязаний. Неудовлетворенность материальных потребностей высока в обеих группах (Белгород – 69,2%, Харьков – 56,5%), но харьковчане чувствуют себя в меньшей безопасности (11 и 27% соответственно), разница данных о неудовлетворении потребности в самореализации в пределах ошибки выборки (16,3 и 13,3%). Неудовлетворенность материальных потребностей у более состоятельных респондентов была значительно выше, чем у менее состоятельных, а у неверующих выше, чем у верующих. В обеих сравниваемых группах наибольшую неудовлетворенность материальных потребностей высказали респонденты с гражданской самоидентификацией (в Белгороде – 73,4, в Харькове – 61,2%), наименьшую – с территориальной (в Белгороде – 58,7, в Харькове – 45,8%).

При этом у харьковчан больше оптимизма в оценке будущего. Считающих, что через три-четыре года их семьи будут жить лучше, в Белгороде – 25,8, в Харькове – 46,2%; будут жить так же – 43 и 38,1%; будут жить хуже – 13,2 и 6,3% соответственно. Можно отнести эти различия к ситуации, когда лучшие ожидания будущего исходят из того, что хуже уже некуда. Но положительное восприятие будущего харьковчанами имеет под собой и определенные обоснования: во-первых, начальный период становления государственности – самый трудный, поэтому перспективы представляются более благоприятными; во-вторых, новый этап хозяйственного сотрудничества с Западом, в том числе безвизовый въезд в ЕС, представляет особую ценность для молодежи. Возможно, именно надежды на лучшее будущее объясняют, несмотря на безвизовый режим и бедность Украины по сравнению с Россией, что у харьковчан доля ориентированных на эмиграцию была значительно меньше. Если готовых переехать на постоянное место жительства в другую страну в Белгороде было 60,2%, то в Харькове – 51,7%. Это свидетельствует и о преувеличении роли экономического фактора в структуре мотивов на отъезд в другую страну. Особенно это касается молодежи, для которой определяющими факторами являются не столько материальные условия, сколько качество жизни, позволяющее реализовать свой потенциал.

Существенные различия были обнаружены в восприятии двух важнейших общественных ценностей: «качество жизни» и «сильное государство». Читавших, что государственные законы прежде всего должны быть направлены на повышение качества жизни населения, в Белгороде – 89,3% (с гражданской идентичностью – 86,7, этнической – 90,3, территориальной – 91,5%), в Харькове – 80% (соответственно – 76,7, 80,4 и 82,3%); на создание сильного государства в Белгороде – 5,2%, в Харькове – 14%. Различие здесь заключается в том, что для Украины вопрос создания сильного государства – один из самых актуальных.

Заключение. Результаты исследования, проведенного в декабре 2021 г. до начала специальной военной операции, позволяют сделать вывод, что сложившийся в последние годы общественно-политический контекст в межгосударственных отношениях России и Украины за восемь лет после событий в Донбассе не оказал заметного влияния на массовое сознание студентов приграничья двух стран, что подтверждает общность их культурного кода. Наиболее заметными были не столько межгосударственные, сколько внутрирегиональные различия, которые тесно связаны с общими процессами, происходящими на постсоветском пространстве. На территории бывшего СССР в настоящее время идет активный поиск идентичности, что особенно характерно для поколения, вступающего в самостоятельную жизнь. Это нашло отражение в пропорциях выбора наиболее значимой идентичности, ценностных предпочтениях, отношении к религии, восприятии окружающей среды, уровне критичности к власти, оценках сотрудничества России и Украины с Евросоюзом и во многом другом. Проведенное исследование показало влияние идентичности на многие характеристики регионального сознания, в том числе на: представление о своих странах, оценки происходящих в них общественных процессов, образ будущего, восприятие соседних стран, оценки внешних и внутренних угроз, межнациональную толерантность, установки на эмиграцию, ценностные ориентации, отношение к религии и на другие характеристики регионального сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баринов С., Гриценко А., Самсонова А. Образ Украины и особенности местной идентичности населения российско-украинского пограничья // Региональные исследования. 2009. № 3. С. 22–28.
- Бубликов В.В. Идентичность жителей Белгородской области в новых геополитических условиях // Научные ведомости БелГУ. Сер.: Философия. Социология. Право. 2018. Т. 43. № 4. С. 617–632.
- Грушевський М.С. Історія України-Руси. В 11 т. Т. 10. Київ: Наукова Думка, 1991.
- Дробіжева Л.М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 26–36.

- Листова Т.А. Воронежские украинцы – русские «хохлы» // Вестник антропологии. 2014. № 2. С. 116–123.
- Лункин Р.Н. Религия и политический процесс // Международная аналитика. 2021. № 4. С. 7–25.
- Митрофанова И.В., Суций С.Я. Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 45–58.
- Плохий С. Врата Европы. История Украины / Пер. с англ. М.: АСТ, 2018.
- Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: выбор судьбы. М.: Наука, 2001.
- Субтельный О. Україна Історія. Київ: Либідь, 1993.
- Тишков В.А., Степанов В.В. Этническое и религиозное многообразие России. М.: ИЭА РАН, 2018.
- Трансграничное украино-российское сотрудничество: формы, методы, перспективы / Под общ. ред. В.И. Дубницкого, В.И. Ляшенко. Донецк: Юго-Восток, 2010.
- Черномаз П.А. Опыт трансграничного сотрудничества в реалиях украинско-российского пограничья // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 413–419.

Статья поступила: 16.12.22. Финальная версия: 27.02.23. Принята к публикации: 17.04.23.

SPECIFICS OF STUDENTS' CONSCIOUSNESS IN THE BORDERLANDS OF RUSSIA AND UKRAINE (CASE OF BELGOROD AND KHARKIV UNIVERSITIES)

SIMONYAN R.H.

MGIMO University, Russia

Renald H. SIMONYAN, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher of the Institute of International Studies, MGIMO University, Moscow, Russia (simonyan.renald@yandex.ru).

Abstract. In the military conflict, the Russian-Ukrainian border area, and especially its social component, becomes an urgent problem for sociological science. Of interest is the mass consciousness of the population in the border region, primarily young people. This age group will solve the task of restoring and developing the good neighborliness of our countries. The article presents the results of a comparative study of the students' consciousness in the border regions of Russia and Ukraine – Belgorod and Kharkiv – conducted in December 2021, i.e. two months before the special operation. The substantiation of the choice of regions for comparative analysis is presented, the general and special features of students' self-identification are revealed, its influence on interethnic tolerance, the idea of their countries, assessments of social processes taking place in them, orientation and attitudes are shown. Despite the fact that the compared groups represent states that differ in economic, political and ideological conditions, a close proximity of the main characteristics of mass consciousness is revealed stated confirming the unity of their cultural and genetic code.

Keywords: Russian-Ukrainian borderland, regional consciousness, student community.

REFERENCES

- Barinov S., Gritsenko A., Samsonova A. (2009) The image of Ukraine and the peculiarities of the local identity of the population of the Russian-Ukrainian borderland. *Regional'nyye issledovaniya* [Regional Studies]. No. 3: 22–28. (In Russ.)
- Bublikov V.V. (2018) The identity of the inhabitants of the Belgorod region in the new geopolitical conditions. *Nauchnyye vedomosti BelGU. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Scientific Bulletin of the BelSU. Ser.: Philosophy. Sociology. Law]. Vol. 43. No. 4: 617–632. (In Russ.)
- Chernomaz P.A. (2017) The experience of cross-border cooperation in the realities of the Ukrainian-Russian border. In: *Russia: trends and development prospects*. Yearbook. Iss. 12. Moscow: INION RAN: 413–419. (In Russ.)
- Cross-border Ukrainian-Russian cooperation: forms, methods, prospects*. (2010) Ed. by V.I. Dubnitsky, V.I. Lyashenko. Donetsk: Yugo-Vostok. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2017) All-Russian identity and interethnic accord as a reflection of the consolidation processes in Russian society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 25–36. (In Russ.)
- Grushevsky M.S. (1991) *History of Ukraine-Rus*. In 11 vols. Vol. 10. Kiev: Naukova Dumka. (In Ukrain.)

- Listova T.A. (2014) Voronezh crests – Russian “Khokhols”. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology]. No. 2: 116–123. (In Russ.)
- Lunkin R.N. (2021) Religion and political process. *Mezhdunarodnaya analitika* [International Analytics]. No. 4: 7–25. (In Russ.)
- Mitrofanova I.V., Sushchiy S.Ya. (2017) The Russians in Ukraine: Geodemographic results of the Post Soviet period and middle term prospects. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 45–58. (In Russ.)
- Plokhii S. (2018) *Gates of Europe. History of Ukraine*. Transl. from Eng. Moscow: AST. (In Russ.)
- Savoskul S.S. (2001) *Russians of the new abroad: the choice of fate*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Subtelny O. (1993) *Ukraine History*. Kiev: Libid. (In Ukrain.)
- Tishkov V.A., Stepanov V.V. (2018) *Ethnic and religious diversity of Russia*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)

Received: 16.12.22. Final version: 27.02.23. Accepted: 17.04.23.

От редакции. Интервью с Н.В. Романовским открывает новую рубрику журнала. СоцИс и ранее публиковал интервью с социологами, учеными, экспертами, в основном их готовили к юбилейным датам. Однако подобный жанр давно заслужил право на отдельную рубрику. Он позволяет выразить идеи и мысли, которые не нашли отражения в статьях и монографиях, а может, и не найдут там место. Интервью по-особенному раскрывает собеседника, дополняет образ ученого, показывает, чем он живет, как мыслит, что разрабатывает в настоящее время. Это и своеобразная трибуна ученого-гражданина, когда предоставляется возможность обратить внимание на острые вопросы, требующие решения. В период кардинальных социальных перемен и переустройства мира голос социолога не должен теряться; важно обсуждать социальные перемены, акцентировать внимание на настоящем, не забывая об истоках и первопричинах, устремляться в будущее. Проблема связи настоящего с прошлым и будущим находится в центре внимания сегодняшнего собеседника Н.В. Романовского.

© 2023 г.

СОЦИОЛОГИЯ В ПОИСКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ (интервью с Н.В. Романовским)

Аннотация. Беседа с Николаем Валентиновичем Романовским¹, зам. главного редактора журнала «Социологические исследования», главным научным сотрудником Института социологии ФНИСЦ РАН, профессором РГГУ, состоялась в день его 85-летнего юбилея. Обсуждались разные вопросы – от развития отечественной социологии и проблем ее идентичности до оттока кадров из науки. Его научный интерес к теоретической и исторической социологии позволяет оценить состояние дисциплины, выявить основные проблемы и обозначить реперные точки, наметить перспективы, формируя свой авторский взгляд на развитие социологии.

Ключевые слова: российская социология • историческая социология • теоретическая социология • идентичность • журнал «Социологические исследования» • социология как наука • ученый-социолог

DOI: 10.31857/S013216250025807-0

Романовский Николай Валентинович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета, зам. главного редактора журнала «Социологические исследования». Москва, Россия (socio@isras.ru).

¹ Николай Валентинович Романовский получил образование переводчика, работал в ИНИОН по тематике истории СССР и КПСС, много трудился в архивах, отслеживал потоки мирового научного знания. Его докторская диссертация «Критика фальсификации роли ленинской партии в трех революциях в России» основана на анализе, как тогда говорили, буржуазной литературы и стала продолжением работы по историографии революций 1917 г. В ней он пытался выявить параметры феномена интереса к этому явлению, обнаружив немалую роль социологов, изучающих эту проблематику. Уже в 1990 г. в Академии общественных наук при ЦК КПСС, выбирая направление своей деятельности между политологией и социологией, остановился на последней, так как, на его взгляд, социология в большей степени отвечает общему для науки критерию точности измерения. В 1997 г. Николай Валентинович, тогда ученый секретарь Российской академии госслужбы при Президенте РФ, по приглашению гл. редактора Ж.Т. Тощенко перешел в журнал «Социологические исследования».

С.Ю. Демиденко. Николай Валентинович, прошло пять лет с момента нашего с Вами последнего интервью². Тогда мы говорили о Вашем жизненном пути, о том, как Вы пришли в науку, о проблемах, с которыми сталкивались в журнале и в процессе преподавания социологии. Сегодня хотелось бы остановиться на ключевых вопросах развития социологии. Вы уже четверть века служите в журнале «Социологические исследования», через Вас проходит множество текстов – тех, что принимаются в работу, и тех, что отклоняются. Вы отслеживаете состояние российской социологии, преподаете, активно переводите. Как Вы можете охарактеризовать путь отечественной социологии за эти годы?

Н.В. Романовский. Конечно, сейчас совсем другая обстановка, нежели пять лет назад. Скоро 50 лет СоцИсу, что заставляет ретроспективно смотреть на роль социологического журнала в развитии социологии и даже шире – роль ведущего, флагманского национального журнала в развитии науки в стране. Время моих наблюдений за социологией исчисляется с 1991 г., когда я вошел в команду социологов под руководством Ж.Т. Тощенко еще в Академии общественных наук при ЦК КПСС, а затем, с 1997 – в редакцию журнала. Практически сразу же пришлось погрузиться в подготовку 25-летнего юбилея «Социологических исследований» (1999 г.).

Мне кажется, можно наметить три этапа развития нашей социологии, и последний только что начался, хотя он, конечно, связан с предыдущими. То, что связано со специальной военной операцией, резко меняет ситуацию, есть серьезные и болезненные нюансы. Но это отдельный этап, и о нем говорить пока рано, социального материала еще не накопилось. А предыдущую постсоветскую историю нашей науки можно делить на два этапа, хотя четко наметить грань между ними непросто. Один занял примерно 15–20 лет после 1991 г. – этап, когда социологи некритически следовали за социологией, которая нам была подана (я и не помню особо больших возражений по поводу «образца для подражания»). Где-то с 2007–2008 до 2012 г. стали все отчетливее проступать признаки другого этапа. Не то чтобы наша социология освободилась от влияний, – от взаимного влияния вообще невозможно освободиться, мы и сейчас смотрим на развитие мировой социологии, пытаюсь найти в нем аспекты, помогающие определить свое место в социологии. Обозначился новый этап поиска российской социологией своего места, своего лица, своей идентичности. Конечно, на это накладывался комплекс обстоятельств. Прежде всего то, что, на мой взгляд, до сих пор не проявило всего потенциала, а только набирает силу и у нас, и в социологии Западной Европы и США, Канады, быть может, в меньшей мере Австралии, в том, что до недавних времен именовалось мейнстримом социологии, – это поиск своей идентичности. Не утверждаю, что эта идентичность найдена, это и невозможно: слишком велика эта социологическая задача, научная задача. Появилась она не сейчас: Россия идентичность ищет не первое столетие.

С.Д. Как Вы думаете, на что может опираться российская социология в поиске своей идентичности?

Н.Р. Я некий дуализм отмечу, понимая, что дуализм – это признак не ограниченности, а недостаточности аналитического осмысления этого процесса (и степени его развитости). В чем заключаются этот дуализм и этот процесс? Во-первых, вспомним поиски Россией идентичности, которые велись ранее, в глубинах российской мысли. Вспоминается, например, дискурс последствий реформ Петра Великого, XIX век – западники и славянофилы, Н.Я. Данилевский и другие. Это одно.

Есть наш собственный, современный опыт, путь, которым сейчас социологи страны идут. Я бы тут отметил Николая Ивановича Лапина. У меня в столе лежит его «Атлас модернизации России и ее регионов» (ред., 2016). Казалось бы, модернизация – это не цивилизация, но Лапин, закончив рассмотрение проблем регионов России, естественно, обратился

² Демиденко С.Ю., Романовский Н.В. «Я стараюсь постичь истину...» // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 115–126.

к её цивилизации³. Помнится, я только пришел в журнал, и к нам поступил немецкий текст о том, что европейцам не грех помнить о варианте «глобализации с европейским лицом». Но влияние, я понимаю, из-за океана не дало педалировать этот путь, и Европа, обновлённая за счет кусков социалистической системы, пошла за Америкой. Это одна часть характеристики. Вторую часть я назвал – модернизация. Её, как сейчас мне ясно, нам подсунули, и мы эту гнилую рыбу проглотили. Модернизацию по Парсонсу у нас продвигал, в частности, Дж. Сорос. Я получил по почте книгу Парсонса «Система современных обществ» и подумал: а зачем мне два её экземпляра, подарил один студенту. Книга вышла под эгидой Дж. Сороса, и в ней говорится примерно следующее: вот он, идеал тогдашнего общества модерна – с 1950-х по 1968 г. – стандарт американского общества: открытое общество, свободный рынок, власть закона и т.д. Для 1998 г. это был эффективный ход. Всеобщее увлечение Западом началось до 1991 г. Россияне на своем опыте убеждались, что нас водят за нос. Хотя, конечно, мы в 1990-е гг., в частности, по переводам многому научились, в том числе и осознанию того, что происходит в западной социологии.

Масштабы понимания действительных перипетий состояния западной социологии ограничивались в советское время узким кругом подготовленных людей, включая группу социологов Института научной информации по общественным наукам АН СССР. Они отслеживали поток западных публикаций. Нам же, сторонним от социологии людям, тогда казалось, что не хватает властям нашей страны точного знания реальных фактов, окружавшей нас жизни, а социология – та наука, которая истину доведет до тех, кто принимает решения, и все станет на свои места. Но в 1990-е годы этот процесс пошел по другому пути. А понимание того, что реально происходит в зарубежной социологии, приходило медленно и даже сейчас не завершено.

С.Д. Вопрос по теоретической социологии: какие перспективные темы Вы видите?

Н.Р. Перспективной я вижу тему возможности рывка вперед, значительного существенного шага вперед отечественной социологии. Мы когда-то в лице поколения Питирима Сорокина, а его современниками были Жорж (Георгий) Гурвич, В.П. Вышеславцев, Н.С. Тимашев и другие, совершили подобный рывок. Это все часть великого движения научной мысли у нас и в мире, которое дало нам и Л.Н. Толстого, и деятелей революционного движения и социального знания. Думаю, идеалы этих мыслителей, их цели надо ставить перед собой, решая конкретные задачи развития науки.

С.Д. Как Вы можете охарактеризовать состояние, в котором находится сейчас российская социология?

Н.Р. Состояние это, как мне видится через призму идеально-типического подхода, такое, когда все зависит от нас. От того, какую энергию наши социологи могут реализовать в плане развития социологии, её теории. Сейчас на старте нового этапа развития социального мира и социального знания шансы нашей социологии и социологий других стран выровнялись. Например, думаю, если, условно говоря, арабский, мусульманский мир, в том числе благодаря нефтяным доходам и в целом ресурсам, сумеет совершить в течение 50–70 лет или в пределах иных дат цивилизационный рывок, они выйдут в лидеры мировой социологии. Как, возможно, и другие регионы мира. Мониторя мировую социологию, я заглядываю в социологические журналы Новой Зеландии, Австралии, и не в первый раз. У них взгляды «левые», но своеобразные, не зря в Австралии прозвучали идеи «Южной социологии». В Новой Зеландии я увидел аборигенную социологию, и не исключаю, что этот вариант деколониальной, постколониальной социологии, доведенный

³ См. рецензию на эту книгу Н.И. Лапина «Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход» (2021) Г.Ю. Канарша (Социологические исследования. 2022. № 8. С. 167–171. DOI: 10.31857/S013216250020844-1); а также статью о нем: *Беляева Л.А.* Николай Иванович Лапин: исследователь и организатор науки // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 5–15. DOI: 10.31857/S013216250022847-4. – Прим. С.Д.

до логического конца, позволит бывшим угнетенным колонизаторами народам начать задавать тон в огромных регионах, в десятках стран.

С.Д. Следя за публикациями по теории, методологии социологии как на Западе, так и на Востоке, Юге, Севере, видите ли Вы новые повороты?

Н.Р. Хотел бы сказать, что «поворот на Восток» – неточное выражение. Он такой же поворот и на Юг, и на Запад, для кого-то – на Север, для кого-то – на Юго-Запад и т.д., потому что касается и Востока, и стран Латинской Америки, и Китая, а Китай по отношению к Японии – это Запад. Поэтому поворот – да, но к чему? К поиску, для каждой страны. Социология будет развиваться, но – в тесной связи с властью, политикой, в конкретных рамках и контекстах. Это касается Китая, и мусульманских стран, и Индии, и России, и всех стран, опирающихся в своем развитии на научное знание. Социологи мира не уходят от рассмотрения вопросов, например, власти и социологии. Понятно, власть может манипулировать социологией и даже заткнуть ей рот, как было у нас в свое время. Судя по новозеландской социологии, там маори, коренные новозеландцы, рисуют картины социального мира, в котором доминируют их исконные ценности, к тому же общие с целой группой народов Океании. И эта социология ищет свою идентичность. То же видим в китайской социологии. Недавно в Институте социологии ФНИСЦ РАН было научное мероприятие. В ряде выступлений наших ораторов упомянуты были конфуцианские корни современной китайской социологии. Аспирантка из КНР, уточняя такой подход, отметила: конфуцианские влияния в современной китайской социологии присутствуют, но не доминируют.

Возвращаясь к ситуации с российской социологией в условиях грядущих перемен, отмечу: положение на старте участников этой гонки равно для всех. Все решится тем, кто сумеет предъявить *urbis et orbi*, городу и миру, модель социологии, рожденную в данной конкретной национальной (цивилизационной, культурной) составляющей мировой социологии. Возможно, плюрализм этих составляющих и будет – на время – характерной чертой нового этапа, вслед за которым, наверное, последует этап поиска общности – общечеловеческой общности различных культурных, цивилизационных, исторических социальных основ мирового сообщества.

С.Д. Вы упомянули гонку. Неужели в терминах гонки можно рассуждать о развитии этих национальных социологий?

Н.Р. Скажу точнее. Я значительную часть своей жизни занимался спортом, о спорте не забывал, и занимаясь наукой. Поэтому скажу – да, это гонка, состязание, соревнование. Обстановка в мировой социологии такова, что на старте все равны. Настоящая гонка в социологии XXI века начинается. Пока её участники только выстраиваются на старте. Как в велосипедном спорте – из пелотона, группы лидеров гонки, могут вырваться случайные люди, как кому удастся. Будет соперничество, соревнование, так же как и сейчас разные идеи продвигаются. Я упоминал идею глобализации с европейским лицом; это же камушек в огороде США. Было соперничество европейской и американской социологий, парсоновскую социологию навязывали Европе, хотя там были свои лидеры в сфере теории.

С.Д. А социология Парсонса у нас жива?

Н.Р. Жива в учебниках, программах. Программами руководствуюсь с оглядкой, их нужно каждый год, а то и семестр, перед прочтением курса подвергать ревизии, в том числе в отношении Парсонса. Он, Мертон, Лазарсфельд – конечно, история. Но не та, что в издании Сороса. В нашем журнале не так давно опубликована статья⁴ по поводу того, что мы в 1980–1990-е гг. моделью социологии сделали ее образец, ориентированный на поддержание определенного социального порядка. Этот образец в 1968 г. получил смертельный удар, поскольку, в частности, не учитывал концепции изменения социального порядка, в своей основе опирающиеся на учение К. Маркса.

⁴ См.: Щербина В.В. Изменение характеристик социологии как науки (причины, итоги, перспективы) // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 29–39. DOI: 10.31857/S013216250007460-9.

Хорошо известно, что в социологии после 1960-х годов началась полоса поворотов. Недавно нашел у одного автора данные о том, что всего произошло 47 поворотов. Что означает такое число поворотов? Это совершенно очевидное признание того, что модель социологии, которая доминировала до начала полосы поворотов, неудовлетворительна по 47 ключевым параметрам – время, пространство, культура и т.д. Как можно превращать в идеал для исследования теорию, которая лишена временного начала, пространственного, человеческого, онтологического и т.д. Что такое феноменологическая социология? Это обращение к жизненному миру человека. Все же Парсонс с Мертоном упустили человека, о чем говорят «упреки» их в «методологическом антигуманизме». Мертон был осторожен в своих теориях среднего уровня, настаивая на том, что социологи обязаны подтверждать свои теории эмпирическими данными. Иными словами, Мертон сказал: теория Парсонса никуда не годится, она эмпирикой не подтверждена.

С.Д. 47 поворотов – это какое-то шатание получается...

Н.Р. В том-то и дело. И одними поворотами дело не ограничилось. Началась полоса посттеоретизирования. А что такое *лост*? Это коренная проблема, связанная с грядущим, в частности, с поворотом к народам бывших колоний, к специфике, многоцветию постижения социального мира, если всерьез считать возможность социологии стать глобальной.

С.Д. Николай Валентинович, понятно, у национальных социологий свои задачи. Можете ли Вы отметить, что становится важным для российской социологии сегодня? На какие вопросы она прежде всего должна обращать внимание?

Н.Р. Могу попытаться ответить на этот вопрос. Но с важной оговоркой – будучи ограниченным своим опытом работы в журнале, чтением поступающих к нам статей и публикаций в других журналах, книг и рецензий на них. Мне кажется, что в российской социологии ищут справедливость, идет латентный поиск справедливости, которая предстает как краеугольный камень (один из таких камней) российской идентичности.

С.Д. Тема справедливости давно поднимается у нас в исследованиях.

Н.Р. Да, и у нас были в журнале публикации на эту тему. Пришлось как-то выступать оппонентом по диссертации о П.И. Новгородцеве, одном из современников и последователей Питирима Сорокина. Он выделял эту черту как одну из ведущих у русского народа. И это только один пример. Я мог бы привести еще один. Сталин на торжественном приеме 24 июня 1945 г. в честь участников Парада Победы воздал – в форме тоста – хвалу русскому народу. Прозвучало это своеобразно, что оттеняет рассказ одного офицера о казусе при зачитывании слов Сталина на этом приеме. Тост зачитывался как приказ Верховного главнокомандующего. После зачитывания приказа прозвучало: «Ура русскому народу!» Прокричали. Командир говорит: «Товарищи солдаты, у кого есть вопросы?» Кто-то решился спросить: «Товарищ командир! А как быть с другими народами, кроме русского?» Командир не растерялся: «Ура всем народам СССР!» Бытовой, автоматический интернационализм офицера в 1945 г. сейчас у нас вроде и есть, а вроде и нету. Но с иным подходом к ситуации в многонациональной стране – особенно учитывая факторы демографии – трудно смириться.

Конечно, вопрос трудный, тут нельзя не согласиться с нашим президентом, он неоднократно его поднимает в своих выступлениях. Поиски ответов на возникающие в этой связи вопросы нужно продолжать, нужно искать, пытаться не утратить важное, ведущее. Запад в своей стратегии развала СССР сделал акцент на сфере межнациональных отношений. Так же дело обстоит, уверен, и сейчас, если размышлять о том, что против нас затевают. Да, собственно, происходящее сейчас на юго-западе нашей страны – иллюстрация к этому.

Должен сказать, что для меня работа в науке была огромной школой. Посчастливилось иметь дело – и встречаться, и читать, и вникать, и разговаривать – с очень серьезными крупными, важными для судеб страны учеными. Когда Леокадии Михайловне Дробжевой вручали орден, она выступила очень сильно, я был горд за неё и за социологию. Что она говорила? То, что всегда подчеркивала в своих трудах: к этой сфере нужен очень

осторожный подход. И сейчас, когда население России черпает в основном информацию с компьютерных экранов, я вижу, что этой осторожности порою не хватает.

С.Д. Причем в среде обществоведов тоже.

Н.Р. Обществоведы – часть народа, от этого некуда не денешься. Мы фактически говорим об отношениях между народами. Волнует еще один вопрос. Лет пять работая с документами в Центральном партийном архиве, – он сейчас по-другому называется, – я сосредоточился на анализе действий институтов власти страны в последние годы жизни Сталина – как связующем звене прошедшего с настоящим. То, что пришлось выявить в архивных документах за эти годы – с 1988 по 1993/1994 гг. – а я копал все, сформировало определенное представление и о Сталине, и о его окружении, и о ситуации, выпавшей на их долю. И это отнюдь не та картина, что я сейчас читаю и вижу на экранах. Каналы СМИ просто преклоняются перед ним. Вот книга «Сталин – теоретик». Если касаться только национального вопроса, то, оценивая вклад Сталина в решение и разрешение национального вопроса по шкале «мясника» – рубить топором на «хорошо» и «плохо», я бы этот вклад в теорию в графу «хорошо» не поместил. Это касается и победы в Великой Отечественной войне, в частности, понесенных народами страны потерь, особенно в первые годы войны. Нынешняя демографическая ситуация в стране с её перспективами, с проблемой мигрантов и т.п. – в частности, это «эффекты», как сейчас говорят, той и смежной с нею поры. Вдумываясь в оценки, пересматривая причины таких «избыточных» людских потерь 1941–1945 гг., наверное, и оценки Сталина следует сделать иными.

С.Д. Здесь важна и оценка Петра Первого. Он возвеличивается сейчас, но сколько потерь было при нем!

Н.Р. Совершенно верно. Не все осознают, что наши представления о Петре в определенной мере, я ее считаю главенствующей, сформированы временем Сталина, конкретнее – версией деяний Петра, представленной в книге А. Толстого и фильме кануна Великой Отечественной войны по этой книге. Если внимательно изучать литературу о Петре Великом, там был иной итог его царствованию: он умер, и весь народ в ужасе замер, что будет дальше? Лет десять вся Россия тогда приходила в себя от ужасов, которыми запечатлелось в памяти народа кажущееся сейчас великим петровское 20–30-летие. Приходила в себя страна долго. И только после этого стали появляться хвалебные в адрес Петра произведения: и плотником царь был, и как простой мужик мог себя вести, и арапа приютил, и учиться заставил, и пр. А на самом деле обобрали народ до предела, страна понесла огромные потери. Ко всему нужен взвешенный подход, а не так, как сейчас – из крайности в крайность. Откуда это идет? Кто стоит за прославлением такого рода? В том числе и интеллигенция, профессура.

С.Д. Здесь мы затрагиваем вопросы исторической памяти. Они сегодня, как мне кажется, как никогда актуальны. Мы видим, как может переписываться история в угоду политическим интересам.

Н.Р. Парсонс и Мертон – тоже своего рода переписывание истории (как тут не вспомнить формулу Конта: социология – это история без имен и дат). Они обрезали всю традицию и американской, и европейской социологии, которая пыталась связывать воедино конфуцианство, японские и буддийские подходы в Индии, социальные взгляды Мухаммеда ибн Хальдуна, Н. Макиавелли. Не только мы, но и Европа считала Макиавелли образцом цинизма и т.д. А он всего лишь реалист в своих констатациях цинизма, пронизывавшего политику и тогда, и не только тогда. И если бы меня просили охарактеризовать свою платформу, то я бы вспомнил о реализме. Надо реалистично смотреть на то, что происходит. Непредвзято, максимально непредвзято.

С.Д. Мы, как ученые, видим, как высвечиваются порою одни исторические факты, как они интерпретируются и реинтерпретируются элитами, как работает пропаганда, как формируется повестка дня. Встает вопрос усиления воспитания, формирования патриотизма, национальной идентичности, в том числе введение в школах

«уроков о важном». Можете Вы прокомментировать с позиции исторической социологии эти вопросы? На что обращать внимание, что важно для изучения?

Н.Р. Ответ мой покажется далеким от смысла Вашего вопроса, но по-иному на такой фундаментальный вопрос я пока ответить не в состоянии. Когда я начинал работать в социологии, Владимир Култыгин, один из редких специалистов, который понимал мировую социологию, пригласил меня выступить у него в секторе ИСПИ РАН по проблемам темпорального среза истории социума, который мы изучаем. И из зала задали вопрос, а как быть с пространством? Я сказал, что, формулируя определение, что такое историческая социология, я время ставлю рядом с пространством. Понимаете, время нельзя отнимать от пространства. Я, например, в шутку (и всерьез) спрашиваю своих студентов: «Что будет, если помножить время на пространство, или их перемешать». Услышав ответы, предлагаю свою точку зрения: «Нет, если перемешать время с пространством – получим культуру в осадке». Это не только мои мысли. Д.Н. Замятин об этом много писал, в том числе в нашем журнале⁵; он подсказал мне это направление размышлений. Понимаете, освоение человеком нового пространства резко меняет его культуру, культурный горизонт; то же происходит на уровне группы, этноса и т.п. Когда мы думаем о российской идентичности, российской цивилизации, грубо говоря, – это время, это пространство и это люди, которые в конкретном, особом пространстве/времени живут.

В контексте сказанного залезу на диссертационную, ВАКовскую деланку. С большим уважением и большим состраданием отношусь к трудам на этом поприще Юлии Альбертовны Зубок. Я работал в экспертной комиссии ВАК, знаю, что между дисциплинами во всей нашей большой науке на диссертационном поле непростые отношения: скажем, физик или математик могут сказать: «Что это за наука социология, чем они занимаются, одни опросы проводят, с анкетами бегают». Ко мне как-то подошла моя ученица и говорит: «Докторскую защищаю, а мне говорят...». Я даже мог бы назвать, кто ей сказал то, с чем она ко мне обратилась. Я с этим человеком пересекался в учреждении, о котором мало знают и мало понимают, чему там учили. Имею в виду ИОН при ЦК КПСС – преемник коминтерновских университетов для международных движений, рабочего и коммунистического движения. Там мы встретились в загородном филиале, где учились люди, которым в Москве рискованно было появляться, их могли сфотографировать посольские, а это были люди порой из партизанских отрядов, из буша, с гор. Они могли погореть, купив в Москве трусы, использовав банкноты, происхождение которых можно отследить по номерам. Вот этот человек, достойно продвинувшись в науке и работая в ВАКе, упрекнул мою бывшую слушательницу в том, что у нее работа не слишком теоретическая. Что значит упрекнул? Ей нужно было переубедить оппонентов – уровня чуть ли не президиума ВАК. Работа её была о Центральной (Средней) Азии как о регионе, территории на нашей планете. Рассматривался пространственный фактор: как расположение на карте бывших советских республик этого региона влияет на их политику, может ее формировать. Ответ на это замечание мы сформулировали так: «Что может быть более теоретичным, чем пространство, время и человек?» Помогла предшествующая аналитическая работа, когда я раскопал данные: когда этот регион вошел в состав России, в нем было, скажем, 3 миллиона человек, а когда рухнул Советский Союз – 78 миллионов. Вот такой рост, такой реальный факт. По-другому на Ваш вопрос я не отвечаю.

С.Д. Вы очень важную проблему подняли – время, пространство и люди. Хотелось бы обсудить в этом контексте историческую социологию. Можно сказать, Вы пионер и вдохновитель работы на этом поле у нас в журнале.

Н.Р. Если бросать камни в воду, пойдут круги. И если уж суждено нашей стране выжить, то без понимания истории нам не обойтись. Но не следует доверять это только историкам, у которых свои подходы, проблемы и трудности. Я ничего не хочу плохого

⁵ См., напр.: Замятин Д.Н. Пространство и движение // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 20–29; и др.

о них сказать – они фиксируют факты. Картину истории надо понимать шире. Нужно быть беспощадным к себе, к окружению. Однажды меня попросили прочитать проходную, казалось бы, лекцию в бывшей Академии общественных наук при ЦК КПСС. Оказалось, что выступать надо перед генералитетом, с одной, двумя, тремя звездами, хотя все были в гражданском, без погон. Из аудитории поступил вопрос, потом я узнал, что это был уже бывший командующий воздушной армией: мол, мне отец так говорил, и я ему верю... и так далее. Я зацепился за слово «верю»: с умным видом посмотрел в окно, а там панорама Тропарево с церковью. «Понимаете, – говорю, – словом вера оперируют там, туда надо обращаться, а здесь опираются на знания прежде всего. И в этом вопросе ваш отец был субъективен». Вопрос конкретно был о Сталине. Верой мерить нельзя. Я с уважением отношусь к мнениям людей, которые относятся к Сталину как крупной исторической фигуре, понимаю, почему их суждения такие, какими мы их знаем: они сравнивают прошлое с сегодняшним опытом, опытом прожитой ими жизни, и я соглашусь, что фигура Сталина крупнее тех, кто ему наследовал. Но я повторю: надо очень внимательно, исторично подходить к итогам и результатам, последствиям его политики. В частности, к людским потерям, демографическим потерям страны.

С.Д. Можете сформулировать предмет исторической социологии? Как Вы это видите?

Н.Р. Историческая социология – анализ прошлого, которое запечатлено в настоящем, влияет на настоящее и будущее. Я ведь попал в историческую социологию благодаря поискам моих коллег, работавших с данными опросов конца 1980-х – начала 1990-х гг. Лично передо мной тогда стоял вопрос о поле дальнейшей работы. Я был доктором исторических наук, работал на кафедре истории КПСС, где сложилась такая обстановка. Моими коллегами в основном были люди старше меня, участники Великой Отечественной войны. Возник вопрос: какова судьба СССР? Двух бывших военных, полковника и генерала, послали в частный вояж в один из регионов СССР, посмотреть, что там происходит. Они съездили, вернулись с диагнозом: «Только танки». В «танковой» обстановке мне стало как-то неуютно. Решать подобным образом вопросы, скажем, Прибалтики, Кавказа, да и Москвы, на каком-то там году советской власти и существования КПСС как-то не очень. Стал искать другое поприще, в ректорате мне подсказали и помогли попасть в социологию. Там сразу говорят – займись исторической социологией. Люди, к которым я пришел, а это были Ж.Т. Тощенко, В.Э. Бойков, Е.Е. Леванов, А.И. Афанасьева, В.В. Комаровский и т.д., – доктора наук, социологи. Они видели, что анализ происходящего сейчас – в 1990, 1991, 1992, 1993 гг. – невозможен без понимания того, как складывался сегодняшний «пейзаж». В сентябре 1997 г. Тощенко привел меня в журнал «Социологические исследования», в мае 1998 г. вышла первая рубрика нашего журнала по исторической социологии.

Ж.Т. Тощенко справедливо требовал от меня ответа на вопрос, что такое историческая социология? Просмотрел я международный журнал «Journal of Historical Sociology» за 10 или за 15 лет в попытке понять, что такое историческая социология. Журнал дает массу статей на стыке истории и социологии, но определения не нахожу. Без определения – хотя бы рабочего – отрасль науки несостоятельна. Наконец, для двухтомной энциклопедии⁶ у меня получилось определение исторической социологии. Оказалось, что у нее своя сложная история; подходы и понимание предмета менялись. Термин «историческая социология» появился во второй половине XIX в., и под ним понимали сначала одно, а потом другое, потом третье. Парсонс и Мертон историческую социологию задвинули в дальний угол. Понадобился исторический поворот, чтобы социологи за рубежом (Ч. Тилли, Р. Лахман, Т. Скочпол и др.) повернулись к исторической составляющей того, чем занимается социология. Факторам темпоральности, влияниям прошлого на настоящее, на поиски будущего в социальном плане и посвящает свои усилия историческая социология.

⁶ Романовский Н.В. Социология историческая // Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 2003. С. 527–529.

То, что сейчас ею мало кто занимается, не очень хорошо. Нередко пропаганда, идущая с экранов телевизоров и компьютеров, свидетельствует в том числе об историко-социологической ущербности каких-то взглядов. И не только об этом. Как ученые, мы почти не анализируем собственные недостатки, часто коренящиеся в прошлом. Был ли у нас дискурс о том, чего не хватает российской социологии? Не припоминаю. Или: в чем истоки и суть проблем наших социальных наук? Нашей системы наук, опирающейся на Академию наук и университеты? В чем ущербность социальной группы интеллигенция? Нашей столицы – Москвы? В чем «проклятье России» – в нефтяной игле или в проблеме престолонаследия? И т.д. Дефекты можно найти, кроме маленьких зарплат, конечно.

С.Д. Историк Б.Н. Миронов из Петербурга выделил три момента, на его взгляд, мешающих развитию исторической социологии. Первая причина – это кадровый вопрос. Вторая: освободившиеся от аксиом исторического материализма историки «боялись попасть в новое ярмо – во власть теоретических схем исторической социологии». И третья – влияние постмодернизма⁷. Согласны Вы с этими причинами?

Н.Р. Да. Правда, возможно, что этим вопросом не исчерпывается. Но то, что названо Мироновым, важно. В кадровой сфере переход с пятилетнего обучения в вузах к разделению на бакалавриат и магистратуру привел к тому, что студенты магистратуры заняты настолько приземленной тематикой, что о каком-то научном росте говорить не приходится. С историками я в последние годы не контактирую, но знаю, что в каждой науке есть свои серьезные проблемы. Пусть историки проанализируют те, скажем, неудовлетворительные моменты, или слабости, которые корпус наших историков обнаруживает. А что касается постмодернизма – это явление есть признание того, что был модерн, а теперь наступил постмодерн, и пусть каждый решает сам для себя, что это такое. Приставка «пост» – это расписка в том, что нет понимания происходящего. Монографии о постчеловеке, посттруде, постправде и т.п. темах – в них авторы часто расписываются в том, что не знают чего-то, что трудно, объективно трудно пробиться к истине. Все социальные науки от дисциплин, национально ориентированных, вступили в этап, когда национальный подход стал узким; нужно переходить на более широкие международные обобщения. Думаю, немецкие социологи, например, не могут в полной мере понять, что движет, скажем, литовскими социологами, эстонскими, молдавскими. Для этого нужно погрузиться в социальные реалии этих обществ, а это трудная задача. Мы раньше регулярно получали номера украинского социологического журнала. Я его внимательно читал, высоко оценивал поиски – поиски идентичности Украины. К сожалению, этот этап поиска не был пройден; его оборвало вооруженное противостояние. Есть аналитики, которые не отстают от научных стандартов, другое дело, что их не слушают.

С.Д. Как Вы относитесь к проактивной позиции социологов-ученых? То, о чем в свое время писал М. Буравой. Должен быть ученый-социолог активистом в общественном пространстве?

Н.Р. Это большая проблема. Думаю, должен быть. Обязательно. Отказ от этого – декларация личного безразличия к происходящему вокруг, к народу, к стране. Приведу пример. Я находился в студенческой аудитории, по-моему, на следующий день после того, как была объявлена мобилизация. И мальчики, которые там сидели, да и девочки, были взбудоражены. Я их успокоил, сам не ожидая, что удастся: «Члены всякого общества при здравом размышлении должны понимать, что перед обществом у вас есть и права, и обязанности. Они в самом общем виде зафиксированы в конституции. Конституцию учат в школе, и там прописано, и эта фраза есть в присяге – защита Отечества. Вы вроде все это знаете, но выводы какие?» Успокоились, больше вопросов не задавали. Может быть, я им предложил слишком примитивное, простое объяснение. Но простота, ясность – признак науки. Конечно, возможны и другие ответы, но для этого нужен другой

⁷ См.: *Миронов Б.Н.* Подвижник исторической науки. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=3249 (дата обращения: 30.03.2022).

человек. Есть собственные убеждения. Когда меня «приглашали» отдать мой воинский долг, я, конечно, особо не радовался, это совпадало то с поступлением в аспирантуру, то с рождением дочки, то еще с чем-то, но иначе нельзя.

С.Д. Раз мы затронули эту грань и сегодняшние сложные реалии, как Вы думаете, скажутся ли на социологии происходящие процессы давления на Россию со стороны стран НАТО, усиление санкционной политики?

Н.Р. Безусловно, потому что это прежде всего служит прояснению позиции каждого, индивидуальных позиций, позиций стран и народов. Я мог студентам что-то другое сказать. Судя по количеству автомобилей, пересекших в те дни наши границы в направлении бывших республик СССР, были другие мнения на этот счет. Поэтому размежевание и понимание того, в каком мире мы живем, какие отношения в этом мире выстраиваем, как ориентироваться в этом всем, – конечно, вещь для каждого сложная, болезненная, но я все-таки думаю, что тот контингент ученых, с которым я имею дело всю свою сознательную жизнь, – люди мыслящие. Это проявляется и сейчас. Думаю, что большая часть придет, условно назову, к «правильным» выводам. Хотя для каждого человека правильность выводов – своя.

С.Д. Я согласна, что человек сам должен определиться в личной позиции, и мы видим, что многие определились не в пользу России, в том числе социологи. Мы наблюдаем эмигрантскую волну. Уезжают по иногда мнимым причинам, по семейным обстоятельствам, кто-то стал искать еврейские корни и оформлять израильское гражданство, кто-то взял отпуск за свой счет, как-то иначе постарался не сжигать мосты. Наука теряет кадры. Это в меньшей степени коснулось Института социологии ФНИСЦ РАН, я здесь не вижу большого оттока, но это есть в других институтах. Меняются тематика и формулировки актуальной повестки дня. Если мы вернемся к Вашей теме – теоретической социологии, исторической социологии, то какие изменения Вы наблюдаете? Какие актуальные темы открываются?

Н.Р. Исходя из своего опыта, к примеру, чтения курса «Современные социологические теории» магистрантам РГГУ, я курс существенно меняю. И то, что происходит в стране и вокруг нее, влияет в этом плане. Как? Не буду все рассказывать, но скажу самое важное. Задачу номер один для российской социологической теории я вижу в проблеме российской идентичности. Что такое Россия? Кто мы такие – россияне? Каково наше прошлое, настоящее и будущее? Какие задачи перед нами встали в новой обстановке и какие могут встать? В круге этих вопросов я строю свой курс.

С.Д. А какие проблемы, на Ваш взгляд, в развитии России слабо осмыслены или недостаточно обсуждаются, требуют серьезной проработки? И на что должна опираться социология в этой работе?

Н.Р. Я бы обратился к опыту Леокадии Михайловны Дробичевой в ее, я бы сказал, взрывоопасном поле этносоциологии, где буквально приходится ходить по минному полю. С осторожностью надо относиться и к тому, что предстоит на практике. Доносятся разного рода оценки, призывы, звучат выпады в разные адреса. И тут лучше семь раз отмерить, чем сразу резать. «Отрезание» по живому болезненно, может нанести вред. Я бы призвал к осторожности и, конечно, к мобилизации всего интеллектуального ресурса, в том числе и социологов страны. Думаю, тема Харчевских чтений 2022 г. – новая социальная реальность, позволяет четче ориентироваться в своем личном поле, на своей территории, на научной полянке, которую ты обрабатываешь. Приведу пример, без фамилии. До меня дошел слух, что у N. уже буквально билет в кармане. Прошло два-три месяца, но N. пока билетом не воспользовался. Один из вариантов причины – человек думает. И в этом что-то есть. Люди думают. И это касается не только нас. Об этом думают и украинцы, судя по количеству эмигрантов. Об этом думают и в прибалтийских республиках, и не только там, наверное. Вполне можно на каких-то экзотических островах Индийского или Тихого океана, где жизнь относительно беспроблемна, встретить, условно

говоря, французов, англичан, которые тоже ищут там убежище от реальности, которая их на родине «достала», скажем так.

С.Д. А Вы видите волну реэмиграции? Те, кто уехали из России, часто, получив образование здесь в конце 1990-х – начале 2000-х, да и вообще уехавшие в 1990-е гг., в том числе по программам «позднего переселения», не подумывают ли о возвращении в Россию? Есть довольно много каналов на просторах YouTube, которые рассказывают и показывают истории переселения, знакомят с реэмигрантами, публикуют интервью. Например, каналы «сФилином» (15 лет жизни в Северной Америке, три года на Мальте и возвращение в Россию, берет интервью у возвращенцев), «Мирька из Германии» (многодетная семья показывает жизнь переселенцев из Германии), «Гусариха» (переселение из Казахстана в Ялutorовск), канал «Селяви – Жизнь во Франции» (из Франции в Тамбов) и другие.

Н.Р. Я, к сожалению, вынужденно ограничил круг своих не интересов, а самих проблем, которые меня занимают и которые я отслеживаю. У меня резко сократился круг сверстников, от которых я получал много информации, круг общения, сеть контактов, нет многих, и поэтому личной информации, что кто-то уехал, а кто-то вернулся, практически не имею. И не берусь судить.

С.Д. Хорошо. Давайте теперь немного провокационный вопрос задам. А что Вы вообще понимаете под социологией?

Н.Р. Что такое социология как наука? Я много над этим вопросом думал. Эти размышления как бы со ступеньки на ступеньку меня не опускают, а поднимают в повседневной работе. Сегодня сказал бы так: в мемуарах ракетчика-прибориста, члена-корреспондента Академии наук Б.Е. Чертока⁸ можно найти такую мысль. Когда его выбирали в Академию наук СССР, он для себя зафиксировал такое суждение: естественные науки занимаются фундаментальными проблемами материального мира, а общественные науки – фундаментальными проблемами социального мира. Что получается в плане Вашего вопроса? С одной стороны, существует группа наук, занимающихся проблемами общества. Эта мысль, в частности, определила мое направление понимания сути социологии. Но какое? Прежде всего через историческую социологию. Социальный мир прошел огромный исторический путь. Как сформировалось современное общество, изучаемое социологией, – это одно генеральное направление забот социологической мысли. Второе, думаю, это содержание и логика науки об обществе – и его мы пока не можем оценить в полной мере. Как-то слышал по радио о раскопках на берегу реки Лены стоянки людей, живших там примерно 240 тысяч лет до нашей эры. Ведущий спрашивает ученого: а что Вы нашли по части социологии?

С.Д. Т.е. про взаимодействие людей?

Н.Р. Да. Он ответил знаете что? – Они любили детей. Археологи нашли могилы, и по ним было видно, что потеря ребенка, это не потеря просто человека, это сильный удар для родителей, который был понятен всему поселению. Это только один момент, – человек безразлично относится к близким, к детям в данном случае. Как они относились к другим членам группы, к соседям, соседним племенам, что представляли собой их отношения к окружающему миру, – это все, говоря языком участников этой радиопередачи, социология. У современной социологии, в моем понимании, есть еще один аспект, идущий от той социологии, что начала формироваться от О. Конта, – измерение социальной реальности. Тут, мне кажется, многое будет меняться по мере поступательных шагов процесса дигитализации, или цифровизации. Многое в социологическом понимании и объяснении социального мира зависит от инструмента, от методов измерения социальной

⁸ Борис Евсеевич Черток (1912–2011) – российский и советский ученый-конструктор, один из ближайших соратников С.П. Королева. С 26 ноября 1968 г. – член-корреспондент АН СССР (с 1991 г. – РАН). – *Прим. С.Д.*

материи, которые становятся возможными благодаря, в частности, новым инструментам исследователя.

С.Д. А что социологи должны измерять? Мы должны мерить человеческое поведение, какие-то действия, поступки, социальные факты?

Н.Р. Я вернусь к мысли о том, что мы должны мерить время, в какое время человек живет, пространство, в котором живет. Измерять самое сложное – душу человека, его жизненный мир – в терминах феноменологической социологии. Людям, которые ушли, мы не можем задать вопросы, с помощью которых проникают в жизненный мир ушедших, мы можем спрашивать только живущих. Но существуют социологическое мышление, социологическое воображение. Приведу пример из истории античности – проблема этрусков. Здесь в чем сложность? Со времен Геродота существовало мнение, что этруски пришли на территорию нынешней Италии из Малой Азии. Другие историки, начиная от Дионисия Галикарнасского, говорили: нет, этруски – коренный народ Италии. Как этот вопрос был разрешен уже в наше время? Анализом сохранившегося генофонда. Оказалось, что по генотипу этруски не отличаются от коренных жителей Италии. Т.е. они не пришли откуда-то, из Малой Азии, из района Трои.

С.Д. Социологи способны использовать разработки естественно-научных дисциплин в этом направлении?

Н.Р. Конечно. Вот, например, один из аспектов цифровизации – это наблюдение за деятельностью людей по данным, получаемым космическими аппаратами. На снимках из космоса зафиксированы в том числе следы деятельности человека. Уже обсуждается вопрос, как пользоваться этим материалом в социальных науках. Пока не знаю результатов таких обсуждений. Знаю, что есть обсуждения этой проблематики.

С.Д. Возвращаясь к исторической социологии – как мне кажется, Вы мыслите больше в контексте такой большой науки, больших волн, протяженности. Насколько социологи способны мыслить и работать с такими длинными периодами? Есть ли у нас лидеры этого направления? Представляется, их немного, хотя лидеров и не бывает много. Но все же дисциплина в некоторой стагнации. Может, это связано вообще с плохим знанием истории, недостаточной подготовкой специалистов?

Н.Р. Я думаю, что это больше связано с природой человека. Я на себе испытал это. Путь ученого в науке начинается с первых публикаций и продолжается в них же. В последние годы я начинаю понимать, что по мере продвижения по научному пути у некоторых ученых возникает стремление сказать миру нечто бессмертное. Я сейчас одного американца читаю, и в его позиции, не в словесных конструкциях, подтекст такого рода можно усмотреть; оказалось, у него четвертая стадия рака. Он, возможно, и пишет в полном сознании, что как ученый он кончает свой путь; возможно, поэтому и появляются мысли – сказать в таком состоянии нечто, не сказанное ранее, может быть – оставить после себя что-то бессмертное. Мне кажется, что в мире ученых занятия наукой превратились в технологию, в отчеты: гоним-гоним себя, учим студентов и пр., а хотя бы кусочек чего-то непреходящего оставить – это очень редко. Я вспоминаю тех, с кем я общался в журнале и ранее в науке, и такие «искатели» были, мне повезло. Не буду называть фамилии, чтобы другим не обидно было. Но это редкость.

С.Д. А вот другой аспект. Самость ученого, Эго, Я – согласитесь, это очень важно в развитии науки. Что личность в истории, что личность в науке – это двигатель. Но я хочу отметить и другой аспект – карьеризм, когда открытие каких-то теорий и пр. происходит ради того, чтобы застолбить свое имя в науке. Не для того, чтобы развивать предшествующие достижения, труды, и тоже свой вклад вносить этим, а состояться как уникальный ученый, основоположник нового направления, получить соответствующие регалии, звания и т.д. При этом не всегда эти направления перспективны, результативны. Что Вы по этому поводу думаете?

Н.Р. Человек слаб. У всех есть недостатки, в том числе тщеславие. Приведу пример, я довольно долго проработал в Академии общественных наук, и в своей отрасли знания

я наблюдал всех лидеров направления, следил за их карьерами. Помню, был случай. Висит на видном месте в «храме науки» объявление, мол, поздравляем такого-то с избранием членом Нью-Йоркской академии наук, – это в постсоветское время было. Оказалось, что человек, которого избрали в эту академию, попросил написать такой плакат и сам его вывесил. Но есть в среде ученых и другая сторона, так называемый гамбургский счет. Ведь люди всё видят и многое понимают. В Академии общественных наук было много ученых по статусу. Но, как я вспоминаю, из них настоящими, большими учеными были немногие. Я был в положении ученого секретаря, мне надо было формировать повестки дня Ученого совета (на немецком языке его называют «Высокий Сенат», от античных времен, наверное), опираться на них. Обнаружилось, что таких людей не так много. И хорошо, если пять человек за мое время работы в этой академии (1976–1997) можно назвать. Назову Леонида Ивановича Абалкина, помните такого, экономист, академик, директор ИЭ РАН, зам. председателя Совета министров СССР одно время. У нынешнего президента В.В. Путина работал помощником А.Р. Белоусов [сейчас первый зам. Председателя Правительства РФ], его отец Рэм Александрович Белоусов немногим уступал Абалкину. Мог бы еще несколько фамилий назвать, но не буду. Такие оценки делаются, так сказать, по гамбургскому счету, и от них никуда не денешься. И здесь, в Институте социологии, мне повезло наблюдать работу больших ученых. Не скрою, у меня свой взгляд на то, кого выбирают, а кого не выбирают в академики, члены-корреспонденты РАН, а прежде АН СССР. Следить за перипетиями прохождения всех сопутствующих процедур – не такая это сложная вещь, это обычная ситуация.

С.Д. А что для Вас означает «настоящий ученый»?

Н.Р. Отмечу лишь одно – это признание в сообществе ученых, и оно добывается большими трудами и постановкой – хотя бы постановкой – каких-то важных вопросов, даже на грани риска. Я почему назвал Абалкина и Белоусова? В Академии общественных наук при ЦК КПСС была такая форма научной работы, как партийное собрание или партийная конференция. На них обсуждали вопросы, конечно, партийные, но по содержанию научные. Названные мною ученые выступали и ставили в допустимой форме такие вопросы на повестку дня, которые потом, когда развернулись процессы распада страны и её позиций в мире, оказались совершенно правильными.

С.Д. Мы с Вами говорим о социологии прежде всего как о науке, а не прикладной дисциплине. Не затрагиваем эмпирический уровень, а больше остаемся на теоретическом. Социология – уникальная дисциплина, своеобразное зеркало, в которое «смотрит» общество. Как Вы думаете, а насколько достижения нашей науки нужны для общества? Или мы в башне из слоновой кости сидим?

Н.Р. Конечно, важны. Представьте, к примеру, аналитика Центрального разведывательного управления США. Сидит специалист на российском направлении, и его задача следить за Россией глазами разведсообщества Соединенных Штатов. Перед ним большие потоки информации, конечно, не только социологические. Уверен: выверенная социологическая информация о нашей стране жизненно важна и для тех, кто нас не любит. И еще один сюжет вброшу – деликатный. Мне довелось быть аналитиком администрации президента СССР М.С. Горбачева – очень недолго. Но когда наша группа готовила аналитику для президента, все понимали: надо ставить себя на место президента, чтобы научиться подбирать информацию соответствующего уровня и содержания. Этим путем неплохо было бы идти ученым, осознающим себя ответственными за страну гражданами её.

С.Д. Да. И Вы меня заставили задуматься.

Н.Р. Это должно быть общественной нормой. Ты член общества, и ты отвечаешь за него. Если нет, ... у нас границы открыты.

С.Д. Мне кажется, что не всегда востребовано наше социологическое знание.

Н.Р. Ну, это другое дело. То же самое я о Горбачеве могу сказать. Он, с одной стороны, приподнял ВЦИОМ и Т.И. Заславскую, реализуя идею «скажите правду». Это же слова Андропова: «Мы не знаем общества, в котором живем». Для Горбачева это звучит

по-иному: «Я не знаю общества, которым руковожу». Поэтому и были надежды на ВЦИОМ. Но тут речь идет о конкретном человеке, как он воспитан, как он относится к науке, считает ли он, что без науки руководить страной нельзя. И встает вопрос: а какие научные институты влияют на это. Каковы они? Помню, в Западной Германии обратил внимание, что при каждой фракции Бундестага есть институт, который эту фракцию питает научной информацией. Фракция социал-демократов – это Ф. Эберт, христианские демократы – К. Аденауэр, левые – Р. Люксембург. Они в силу своих знаний, убеждений, добросовестности на власть влияют. Это влияние институционализировано, власть прислушивается.

С.Д. Вы думаете, современная российская социология отвечает на вопрос про общество, в котором мы живем?

Н.Р. Во всяком случае, пытается. И если бы был запрос на ответ, она могла бы дать, во всяком случае, диапазон распадающихся мнений. Может, на одном его крае были бы эти 30 или 29%, которые не поддерживают президента, на другом – 70 или 69%, которые поддерживают. И ответы были бы разные. И в этом смысл научного обеспечения, которое имеют, к примеру, фракции, о которых я говорил. В Америке, по-моему, этим занимается Библиотека Конгресса. Но я здесь подробности не знаю, не могу сказать. А если говорить о насущных проблемах нашей науки, то я назову один вопрос, промежуточный между наукой и властью. У нас не институционализирован самый высокий уровень научного исследования. Есть такие институты и в Америке, и в Европе, которые занимаются продвинутыми, актуальными вопросами. Вот сегодня появилась проблема, вызывают и говорят: «Давайте, садитесь и решайте. Все, что надо, мы обеспечим». У нас этого нет. И проходит какое-то время, прежде чем имеющиеся научные институты у нас повернутся к новым проблемам. Как, например, мы на Харчевских чтениях повернулись к пониманию того, что значит новая социальная реальность? Я не говорю, что мы ответили на этот вопрос, но мы его поставили.

С.Д. У меня, к сожалению, довольно пессимистические мысли по поводу взаимодействия власти и нашей науки. Ведь что мы наблюдаем? Мы видим закрытие факультетов социологии по стране, закрытие и сворачивание программ по изучению социологии, закрытие научных советов по социологии, а это же формирование кадров по стране, только научных. Закрыты научные фонды – сначала РФФИ, сейчас РФФИ, а именно через них можно было получить финансирование индивидуальных проектов, которые питали социологию. Мы видим отсутствие финансирования крупных социологических проектов, а социология прежде всего эмпирическая наука. Когда нет финансирования крупных эмпирических исследований, то результат – локализация, мелкотемье, самокопание и анализ вторичных данных. Да, это могут быть исследования постановочного характера, но без финансирования существование социологии под вопросом.

Н.Р. Я с Вами согласен. Я наблюдаю, как это происходит на уровне корней проблемы, в вузе. Преподаватель – студент. И преподаватель блестящий, и студент замечательный. И вот преподаватель начинает готовить его к блестящей карьере. Добивается поступления в аспирантуру, работает с ним над диссертацией, доводит до ее защиты. Но здесь начинаются препятствия. У меня конкретные примеры. После защиты спрашиваю: куда идешь? «В банк». На зарплату младшего научного сотрудника не прожить. Или вот был студент, уже два года в аспирантуре отучился, начал диссертацию писать, его приглашают в бизнес, он делает ручкой науке и идет туда. И это сплошь и рядом. Я как преподаватель нахожу способы к науке, работаю, читаю лекции или веду занятия не с абстрактными студентами, я вижу их перед собой, цену, подстраиваю курс не под среднего, не под низшего, а под передовых. Их в группе обычно два-три человека. На них ориентируюсь, пусть другие тянутся. Но их дальнейшая судьба теряется. Конечно, человек заканчивает вуз, обзаводится семьей, нужно покупать квартиру и пр. И в науку идут в последнюю очередь. Мне кажется, и реформы, и наша реальность, когда все успехи измеряются размером зарплаты, все это привело в значительной мере к тому, что этот источник пополнения научного знания подорван, подрублен под корень. И какие-то отдельные исключения, которые все-таки бывают, общую картину негативного плана не меняют. Я, конечно, не

перестаю напрягаться. Не говорю себе, что в этих условиях можно не напрягаться. Наоборот, перед каждым выходом в аудиторию готовлюсь, стараюсь что-то новое сказать, полезное для них. Это проблема, конечно, большая проблема.

С.Д. А что можете пожелать Вашим студентам, аспирантам?

Н.Р. Студентам я говорю, что надо любить свое дело. Настоящая любовь к своему делу жить помогает. Т.е. заниматься любимым делом – вот так, наверное.

С.Д. Хочу обратиться к Вам как к научному редактору, потому что на протяжении этих 25 лет Вы выступали и в этой роли. Что Вы можете посоветовать авторам, чтобы подготовить качественную статью по социологии?

Н.Р. Вспоминается фраза из «Двух капитанов» – бороться и искать, найти и не сдаваться! Здесь вопрос-то простой. Кто-то сказал, что с тех пор, как наука стала наукой, к ней надо относиться по-научному, надо изучать ее состояние. Поэтому очень важно понимать, что происходит в науке, в своей отрасли, и стараться быть впереди.

С.Д. Николай Валентинович, а что Вам сейчас придает силы? В чем Вы свой ресурс находите?

Н.Р. Видимо, когда я формировался как личность, я испытывал дефицит научного знания. И когда я встал на путь компенсации этого дефицита, я понял, что он, этот путь, неисчерпаем, безграничен. По нему можно идти бесконечно долго. И я собираюсь идти бесконечно долго, хотя понимаю, что конец неизбежен. Это какое-то понимание того, что знание – это сила: «scientia potentia est».

С.Д. Какую последнюю книгу Вы прочитали?

Н.Р. Сейчас я начал читать «Записки революционера» Петра Кропоткина, как раз одного из тех, кто был на старте рывка русской социологии. А перед этим я убрал на полку «Загадочных этрусков»⁹.

С.Д. А что Вы порекомендуете читать молодому социологу?

Н.Р. В этой ситуации я бы порекомендовал книгу Арнольда Тойнби «Постижение истории». Это исповедь ученого, он дошел до своего цивилизационного анализа, и мне кажется, что такой анализ – это будущее. Сегодня я так это понимаю.

С.Д. В заключение мне бы хотелось задать вопрос о Вашей научной идентичности. Кем Вы себя считаете?

Н.Р. Считаю человеком, верящим в науку, хотя вера – не научное слово. Так же как и любовь. Потому что – где граница веры, любви... В меру возможностей я эти вещи практикую, не переставая быть реалистом. Еще один анекдот расскажу. Когда я только еще начинал, была зима, я впервые пришел в Академию, храм науки! Подхожу к вешалке сдать пальто, а гардеробщик говорит, что некуда вешать, все занято. Я говорю, ну как же в пальто идти? В храм да в пальто? А он мне: да сюда хоть на лошади заезжай! Вот, как Вебер говорит, идеальный тип науки и социальная реальность – переполненный гардероб. Как пробиться, как реализовать? Надо жить в реальности. Надеяться.

С.Д. Так все-таки кто Вы? Историк? Переводчик? Социолог?

Н.Р. Пожалуй, Вы правильно сказали – сейчас, когда у меня и сил поменьше, может, действительно, я как переводчик пытаюсь знакомить нашу аудиторию с лучшими образцами передовой социологии. Не хочу сказать, что это западная социология, настоящая наука не привязана к каким-то географическим регионам, но я пытаюсь находить, переводить, по мере сил комментировать.

С.Д. А с какими бы словами обратились к своим коллегам и соратникам?

Н.Р. Будьте здоровы!

Беседовала С.Ю. ДЕМИДЕНКО,
науч. сотр. ИС ФНИСЦ РАН (demidsu@yandex.ru),
ответ. секретарь журнала «Социологические исследования»

Статья поступила: 13.03.23. Принята к публикации: 19.04.23.

⁹ Буриан Я., Моухова Б. Загадочные этруски. М.: Наука, 1970. – Прим. С.Д.

SOCIOLOGY IN SEARCH FOR IDENTITY (interview with N.V. Romanovskiy)**DEMIDENKO S.Yu.*, ROMANOVSKIY N.V.***** Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia*

Svetlana Yu. DEMIDENKO, Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (demidsu@yandex.ru); Nikolay V. ROMANOVSKIY, Dr. Sci. (Hist.), Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Prof. of the Russian State University for Humanities, Deputy Head Editor, the journal "Sociological Studies" (socis@isras.ru). Both – Moscow, Russia.

Abstract. Our talk with Nikolay V. Romanovskiy – deputy head editor, Sociological Studies journal, chief research fellow, Institute of Sociology, FCTAS RAS and RSUH Professor took place of his 85th birthday. A range of topics were discussed, from development of sociology to outflow of personnel from sciences. His scholarly interests – for theoretical as well as historical sociology – allows designate reference points and outline prospects to shape one's views on the growth of social science.

Keywords: Russian sociology, historical sociology, theoretical sociology, identity, Sociological Studies journal, sociology as discipline, academic sociologist

Received: 13.03.23. Accepted: 19.04.23.

© 2023 г.

А.В. БУЗГАЛИН

ПОСЛЕ «КОНЦА ИСТОРИИ»: КОНСЕРВАТИВНЫЙ НЕОЛИБЕРАЛИЗМ И РЕФЕОДАЛИЗАЦИЯ?

БУЗГАЛИН Александр Владимирович – доктор экономики, профессор экономического факультета, директор Центра современных марксистских исследований философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (buzgalin@mail.ru).

Аннотация. Третью веку назад Ф. Фукуяма в статье «Конец истории?» (1989) сформулировал тезис об окончательной победе неолиберальной модели капитализма. Однако на самом деле история отнюдь не остановилась. Автор показывает кризис сложившейся в конце XX в. системы экономических отношений и институтов позднего капитализма. В статье систематизируются признаки этого кризиса и показывается, что доминирующая политическая и экономическая элита ищет выход из тупика путем «неолиберального консерватизма», интегрирующего дальнейшую дегуманизацию, десоциализацию и дерегуляцию в экономике с консервативно-авторитарными тенденциями в политике и идеологии. Раскрывается социальная база этого тренда, характеризуются противостоящие ему социальные слои, ориентированные на прогресс человеческого потенциала и формирование более справедливого мирового порядка.

Ключевые слова: неолиберализм • консерватизм • рефеодализация • «конец истории» • поздний капитализм • человеческий потенциал • сообщество единой судьбы человечества

DOI: 10.31857/S013216250025808-1

Более 30 лет назад американский политолог Фрэнсис Фукуяма провозгласил формулу «конца истории», подразумевая отсутствие позитивных альтернатив либеральным институтам. Прошедшие десятилетия, однако, заставили усомниться в их позитивности. Они ознаменовались процессами десоциализации, дерегулирования, усиления социального неравенства и т.п. явлениями, многократно описанными современными исследователями (см.: [Stiglitz, 2015; Krugman, 2009; Kotz, 2015; Бузгалин, 2018] и др.). Этот этап обычно называют неолиберальным, он закономерно привел к мировому финансово-экономическому кризису, об угрозе которого автор и его коллега Андрей Колганов писали еще в начале 2000-х. В последние годы кризисные явления стали более очевидны: еще не ушедший от пандемии мир оказался втянут в геополитэкономические конфликты, грозящие перерасти в глобальные.

Ответом на это стал растущий запрос на социально-, экологически- и гуманитарно-ориентированные реформы. Но есть и прямо противоположный тренд – рост правого популизма, авторитаризма и национализма. Более того, этот тренд в настоящее время является доминирующим, свидетельством чего является рост популярности правых социально-экономических и политических сил в Европе и не только в ней.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КАОН в рамках научного проекта № 21-511-93006. Автор выражает благодарность за помощь в работе над текстом и подборе данных Ольге Барашковой, Илье Дубровину, Андрею Колганову, Ольге Лемешонок и Ангелине Шпилевой.

Так объективно вызревают противоречия современного этапа, который мы можем образно назвать «концом “конца истории”». Неолиберальный этап развития капитализма заканчивается, мир оказывается перед развилкой: либо (1) регресс, предполагающий сохранение курса на десоциализацию и дерегулирование при подавлении альтернативных тенденций за счет перехода к авторитарной националистической политике; либо (2) прогресс, обновление и реализация экологически-, социально- и гуманитарно-ориентированного проекта. Выбор первого приведет к сохранению и усилению гегемонии сращенного с государственной бюрократией корпоративного капитала, второго – к частичному (в случае реформ в рамках капитализма) или все более полному (в случае движения к социализму на основе политического доминирования левых сил) разрешению противоречий позднего капитализма.

Можно, конечно, постараться сохранить существующее положение. Однако тезис о стагнации как «новой нормальности» все больше подвергается критике справа и слева, хотя – парадокс «реальной политики» – остается на практике доминирующим трендом и на Западе, и в России. Впрочем, не сложно предсказать, что попытка проведения «страусиной политики», игнорирующей вызовы глобальных проблем, обречет на долговременную стагнацию и отставание в развитии тех социумов, которые будут пытаться ее сохранять. Один из примеров – долговременная стагнация в РФ, где три десятилетия сохранялась модель полупериферийного олигархически-бюрократического капитализма [Хубиев, Теняков, 2022].

Исследование природы этой дилеммы и лежащих в ее основе противоречий, а также потенциальных путей их снятия или интенсификации, является главной задачей данной статьи.

Противоречия современного этапа позднего капитализма и тренды социализации капитализма. Прежде чем приступить к решению поставленной задачи, определимся с основными понятиями. Среди важнейших из них – *поздний капитализм* и *социализация капитализма*.

Первое из этих понятий было определено нами в серии предшествующих работ (прежде всего, [Бузгалин, Колганов, 2022], см. также [Яковлева, 2022]) как такой этап развития капиталистического способа производства, на котором его дальнейшее бытие невозможно без включения в ткань его социально-экономической жизни ростков «царства свободы» (К. Маркс). Понятие «социализация капитализма» в данном тексте используется как не социологическое, а политико-экономическое. Оно обозначает генезис и развитие в рамках рыночно-капиталистической системы элементов новых – посткапиталистических (социалистических) – отношений. В результате в экономической и общественной жизни формируются переходные отношения, в рамках которых рынок и капитал еще господствуют, но уже частично подорваны развитием альтернативных им отношений. Тем самым процесс социализации с политэкономической точки зрения означает реформирование рынка и капитала в эко-социо-гуманистическом направлении. Именно об этом говорят и многие западные авторы, принадлежащие к «основному течению», когда используют термин «социализм».

Мера социализации капитализма имеет достаточно четкие количественные и качественные характеристики. Среди наиболее простых количественных показателей, которые демонстрируют тенденцию к росту, – доля консолидированного государственного бюджета в ВВП, мера развития селективного государственного регулирования и планирования, доля бесплатно предоставляемых благ (в частности, в образовании, здравоохранении, культуре) по отношению к платным, мера перераспределения доходов наиболее богатых слоев общества на цели развития общества в целом (прогрессия налогов на доходы и наследство, налог на роскошь), участие работников в управлении производством и т.п.

К числу хорошо известных, но редко акцентируемых нашими оппонентами фактов, свидетельствующих о неравномерном во времени и пространстве, но устойчивом присутствии в общественной жизни трендов социализации, относятся следующие.

Таблица

Рейтинг стран мира по уровню счастья, 2017 г.

Страны	Уровень счастья, баллов
Норвегия	7,537
Дания	7,522
Исландия	7,504
Швейцария	7,494
Финляндия	7,469
Нидерланды	7,377
Канада	7,316
Новая Зеландия	7,314
Австралия	7,284
Швеция	7,284

Источник: World happiness report 2017. URL: <http://worldhappiness.report/wp-content/uploads/sites/2/2017/03/HR17-Ch2.pdf> (дата обращения: 24.02.2023).

Первое. На протяжении первых двух третей XX в. в странах «ядра»¹ доля государства в ВВП поднялась только в США – с 10–15 до 35–40%. В Западной Европе в настоящее время она еще выше – 45–55%. При этом общедоступным стало среднее образование. Высшее образование стало бесплатным в США на четверть, в странах Западной Европы более чем на половину. Наиболее богатые слои населения отдают в этих странах в бюджет от 35 до 55% своего дохода. Правда, на рубеже XX–XXI вв. мера социализации на Западе начала снижаться, но незначительно. При этом даже это по историческим меркам незначительное сокращение привело к росту социальной напряженности и к росту популярности левых идей.

Второе. Внутри капиталистической системы (оставим в стороне Китай, Вьетнам, Северную Корею и Кубу) на протяжении почти столетия (как минимум со времен Великой депрессии) идет непрекращающееся социально-экономическое соревнование и политико-идеологическое противостояние право-либеральной и социал-реформистской моделей капитализма. Несмотря на еще недавно казавшееся окончательным торжество неолиберальных практик и идей, левый тренд сохраняется и, более того, демонстрирует немалые позитивные результаты. Одно из свидетельств этому – первые места стран с наиболее социализированной моделью капитализма в рейтингах счастья (табл.)².

Третье. На примере России – страны, где дольше всех и прочнее всех был укоренен «реальный социализм», – хорошо видно, что предсказывавшийся в 1990-х гг. всеми неолиберальными экономистами бурный социально-экономический прогресс (который должен был стать результатом перехода от как бы неэффективной плановой системы к как бы эффективной рыночной) на деле обернулся многолетним спадом, перешедшим в краткосрочный рост в период чрезвычайно быстрого подъема уровня цен на нефть

¹ Здесь и ниже автор использует понятия «ядро», «периферия» и «полупериферия», введенные теоретиками мир-системного анализа [Wallerstein, 2004].

² Индекс счастья формируется на основе интеграции, прежде всего, субъективных оценок респондентов о своей удовлетворенности жизнью (10 баллов – максимальная оценка). Он является одним из социогуманитарных критериев прогрессивности общественной системы – социальных и гуманитарных результатов экономической динамики. Необходимость отказа от абсолютного доминирования оценок стран по динамике ВВП была обоснована в работах советских марксистов, Дж. Стиглица, А. Сена, М. Уль-Хака и др., а также современных российских ученых (подробнее см.: [Теняков, 2016]). Объективное основание отхода от ВВП и перехода к социогуманитарным индикаторам – это социализация капитализма, генезис элементов постэкономического «царства свободы» в рамках «царства необходимости» [Бузгалин, 2018].

и газ, а потом вновь перешедшим в стагнацию. Итог – средние темпы роста экономики РФ за 30 постсоветских лет составляют по самым оптимистическим оценкам не более 2%. В результате в стране, где люди, казалось бы, более всего пострадали от «реального социализма», вновь формируется активный запрос на социальную справедливость и преимущественное развитие общественного сектора.

Не означают ли все вышеперечисленные (и многие другие, не упомянутые выше) свидетельства и вопросы, что у противостояния левого и правого – ориентированного на социализацию и стремящегося сохранить частно-коммерческие принципы – проектов есть объективные основания?

Почему неолиберальный проект не смог (и не может) окончательно победить?

К главным свидетельствам того, что заявленная Ф. Фукуямой победа никак не может состояться, относится *торможение современным капиталом не только социально-культурного, но и технологического прогресса*³. Обсуждение этой темы в академических кругах продолжается, но в рамках левого дискурса сформулирован целый ряд аргументов, доказывающих и первое, и второе.

Что касается первого, то о десоциализации, являющейся результатом роста неравенства в распределении богатства, доступе к ресурсам, доходе и т.п., сегодня написано очень много [Piketty, 2013]. Это – важнейшее свидетельство социального регресса.

Что же касается торможения технологического прогресса, то это положение менее аргументировано и далеко не очевидно. Безусловно, прогресс технологий идет, но на протяжении последних 50 лет – главным образом в сферах создания, обработки, передачи и хранения данных, что стало материально-технической базой для активной экспансии финансового капитала и иных сфер посредничества (интернет-торговля и др.), а также подчинения капиталу сферы досуга (индустрия игр и т.п.). Что же касается сферы материального производства, то здесь изменения, произошедшие за последние десятилетия, более скромны⁴.

Большинство граждан даже стран «ядра» чувствуют на себе, что качественные изменения в их жизни (и на работе, и дома, и в учебе, и во время досуга) в общем-то не произошли. Мы вот уже более полувека ездим все на тех же автомобилях, летаем все на тех же самолетах, ходим во все те же кинотеатры и смотрим все тот же телевизор. Мы по-прежнему работаем 40 (а то и много больше) часов в неделю, пользуемся все тем же набором бытовой техники, живем во все тех же домах и квартирах, досуг проводим во все тех же торговых центрах, и даже содержание мыльных опер и блокбастеров практически не изменилось. Даже последние эпизоды «Звездных войн» как братья-близнецы похожи на первый, который в детстве в 1970-х гг. смотрели дедушки нынешних тинейджеров.

Изменения коснулись только сферы создания и использования информации: в автомобиле и самолете появился компьютер, на место домашних телефонов и телефонных будок пришел мобильник... Автоматизации материального производства, транспорта, строительства, сервиса, массовое развертывание которой ученые середины XX в. ожидали еще

³ См., напр.: Why is the global rate of innovation slowing? // Lexology. October 19, 2017. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=e23e651f-b8d6-4780-a3eb-168e85d05f36> (дата обращения: 24.02.2023); Rotman D. Tech Slowdown Threatens the American Dream // MIT Technology Review. Apr 6, 2016. URL: <https://www.technologyreview.com/s/601199/tech-slowdown-threatens-the-american-dream/> (дата обращения: 24.02.2023).

⁴ Укажем хотя бы на то, что доля промышленных роботов в настоящее время в среднем по миру составляет менее 100 штук на 10 тыс. работников, даже в такой стране, как США, – менее 400. И это при том, что первые безлюдные (полностью автоматизированные) производственные линии были созданы еще в 1970-х, а в 1980-х количество станков с ЧПУ (тогдашний аналог современного промышленного робота) даже в СССР было около 100 на 10 тыс. работающих при росте их доли в 2,5 раза за 10 лет. При сохранении темпов, характерных хотя бы для «неэффективной» и «кризисной» плановой экономики СССР 1980-х, в настоящее время в нашей стране доля роботов должна была бы составлять не менее 1 тыс. роботов на 10 тыс. работников, но в современной РФ их только 6, т.е. много меньше, чем в СССР.

в 1980–1990-х гг., не произошло до сих пор и не похоже, что она произойдет в ближайшие 20–30 лет (если, конечно, за это время не произойдет существенный прогресс).

Сделаем промежуточный вывод: автор «Конца истории» оказался прав, но не в том, о чем он думал. История «закончилась» в том смысле, что действительно социальный прогресс обернулся социальной стагнацией, а затем и регрессом (идет медленное, но непрерывное снижение уровня социализации капитализма). Технологическое развитие не остановилось, но затормозилось и идет преимущественно в тех сферах, которые выгодны господствующему в настоящее время финансовому капиталу и, как и столетия назад, ВПК. Если принять философский тезис, что социальное время может идти в попятном направлении, то можно сказать, что *неолиберальный период истории есть период попятного, регрессивного течения социоисторических процессов*. Причина этого – противоречия позднего капитализма и его неолиберального этапа. И это – не откровение автора: о глубоких противоречиях и даже тупике неолиберальной модели капитализма написаны многие фундаментальные работы [Amin, 1990; Harvey, 2006; Fine, 2013; Kotz, 2015].

Другой стороной того же же процесса является то, что я бы назвал *«экспансией симулякров»* – знаков, которые стали как бы благами, создаваемыми как бы полезной деятельностью для удовлетворения как бы потребностей. Этот тренд был описан еще в 1980-е Ж. Бодрийяром [Baudrillard, 1981]: в мире постмодерна происходит превращение всего, в том числе продаваемых на рынке товаров, в симулякры – знаки, изображающие нечто, не имеющие оригинала в действительности или имеющие в своей основе нечто, качественно отличное от того, что они обозначают. Таким знаками-симулякрами становятся, в частности, этикетки известных фирм, повышающих стоимость обычных товаров даже в сотни раз (дамские сумочки известного бренда за 300–400 тыс. (!) руб. – одно из подтверждений).

В результате экономика и общество начинают в массовом масштабе работать на создание, тиражирование и потребление товаров-симулякров и т.п., приводя к превращению «общества потребления» в «общество симулирования». Этот вывод – о развитии производства знаков, как бы обозначающих как бы блага, – был сделан, напомним, еще до «Конца истории», но при этом он до сих пор остается неочевидным для исследователей. Причина этого проста: фетишизм рыночных отношений делает как бы очевидным тезис: если что-то покупается, то это необходимо. Но мир рынка последних десятилетий – пространство доминирования производителей, в котором действует иной принцип: если корпорациям выгодно, они заставят вас это покупать (при помощи рекламы, пиара и других средств манипулирования). Это изменение подметил еще Дж.К. Гэлбрейт [Galbraith, 1967].

Безусловно, отличить симулякр от полезного продукта сложно. Однако, во-первых, есть теоретическое отличие: симулякр ориентирован на искусственно созданную потребность, удовлетворение которой не способствует развитию личностных качеств человека, культуры, технологий. Во-вторых, товар-симулякр – это знак, за которым нет обозначаемого объекта. Соответственно, его цена отражает затраты труда не на создание данной вещи (услуги), а на создание симулятивной потребности (затраты труда маркетологов, пиарщиков и т.п.) [Бузгалин, Колганов, 2012].

В конечном итоге формируется экономика, в которой до половины создаваемых благ не работают на прогресс ни человеческих качеств, ни технологий, т.е. не содействует решению ни экологических, ни социальных проблем. Майкл Хадсон, один из известнейших экономистов США, назвал эту сферу «мусором» [Hudson, 2017], а мы с А. Колгановым в книге «Глобальный капитал» описали ее как «бесполезный сектор». К этому сектору относится большая часть финансов, посреднических услуг, значительная часть деятельности государственной и корпоративной бюрократии, маркетинга и пиара, шоу-бизнеса и т.п. отраслей, составляющих даже по официальной статистике до 40% ВВП США. Специально подчеркнем: корпоративное и государственное управление, организация денежных потоков, в частности инвестиций, и т.п. – феномены, качественно отличные от финансовых спекуляций, бюрократизма и т.п. Эту ситуацию точно передает один из самых популярных

в России слоганов: «Мы ходим на работу, которую не любим, чтобы заработать на бренды, которые нам не нужны, чтобы вызвать зависть у людей, которых мы не уважаем». Косвенным подтверждением этого является тот факт, что проблема ощущения работниками бесполезности и бессмысленности своей работы стала предметом дискуссии едва ли не мирового масштаба [Graeber, 2018].

Проблемы, связанные с ростом социального неравенства и бедности, бессмысленностью жизни, превращающейся в существование, а для бедных – в выживание, хорошо известны. Хорошо известно и то, что их нерешенность продуцирует рост наркомании, самоубийств, религиозного фанатизма и иных форм деконструкции общественного бытия и индивидуального сознания. Все эти проблем требуют теоретического отображения, поскольку всё это – частные проявления тотальной проблемы социального и гуманитарного регресса, который не сводим к обозначенному выше процессу десоциализации. На языке марксистской философии этот сонм проблем может быть отражен при помощи категории «социальное отчуждение» [Ollman, 1971, 1976; Meszaros, 1970; Musto, 2010; Булавка-Бузгалина, 2018]. Последние десятилетия ознаменовались ростом этого отчуждения: на смену миру, в котором противоречия отчуждения смягчались, последние десятилетия *идет мир, который все больше и больше становится чужим и враждебным*.

Почему это происходит?

Ответ автором был дан ранее [Бузгалин, 2018]. В предельно кратком виде он звучит так: на этапе позднего капитализма технологический и социальный прогресс возможен преимущественно на основе развития пострыночных и посткапиталистических отношений, «невидимая рука» рынка и логика накопления капитала ведут к экспансии финансиализации [Fine, 2013] и «мусорной экономики» [Hudson, 2017].

Логично возникает второй вопрос: интересам каких социально-экономических сил отвечает этот тренд, кому все это выгодно?

Cui Prodest? Ответ достаточно хорошо известен. Вот уже не первое десятилетие самыми выгодными сферами бизнеса являются финансовые транзакции (я бы сказал даже более жестко – спекуляции), маркетинговая и пиар-деятельность, шоу-бизнес и иные формы навязывания симулякров вкупе с такой традиционно притягательной для капитала сферой, как война. Главными трендами развития бизнеса стали финансиализация и менеджеризация; политики – бюрократизация и манипулирование; социальной сферы – коммерциализация (вкупе с бюрократизацией, менеджеризацией и финансиализацией [Яковлева, 2021]).

Соответственно, главными бенефициарами неолиберальной системы стали финансисты, топ-менеджеры, бюрократы и обслуживающие их социальные слои. Все это, в свою очередь, стало результатом приоритетного развития тесно сращенного с государственной бюрократией особого типа корпоративного капитала – капитала-посредника и капитала-рентополучателя. В последнем случае речь идет о капитале, для которого определяющим источником дохода становится не производство в реальном секторе и прибыль, а присвоение ренты (природной, империалистической, интеллектуальной – все не перечислишь). Сформировалась система отношений, направившая эволюцию и технологий, и общественных отношений в сторону преимущественного развития посредничества и симулякров вкупе с создающими для этого материальную базу информационными технологиями, что позволило десятилетия существовать «закончившейся истории».

Однако ничто не вечно. Хоть и замедлившийся, но не исчезнувший вовсе прогресс технологий с опозданием, но все же подвел мир к рубежу, когда глубокие трансформации стали необходимы. Регрессивные, «устаревшие» производственные отношения могут замедлить прогресс производительных сил, могут повернуть его в русло, ведущее к деформации структуры общественного производства и социума, но остановить его не могут. «Конец истории» в конце концов подошел к концу.

Пожалуй, особенно важным в этом контексте становится вопрос о *социальных силах*, которые, с одной стороны, объективно заинтересованы в сохранении неолиберальной

модели (причем на пути ее превращения в либерал-консервативную) и субъективно активно за это борются не только экономическими, но и политическими, идеологическими, культурными, военными методами, а с другой – сторонниками и проводниками тренда социализации.

Заинтересованные в консервации (или регрессивной трансформации) существующей модели социальные силы нами уже были определены: это – те слои общества, которые являются (1) субъектами ставшего тотальным капитала и (2) проводниками его гегемонии плюс (3) ее «охранителями».

Первые – это собственники (главным образом мажоритарные акционеры) и топ-менеджеры транснациональных корпораций, а также масса бенефициаров глобальной гегемонии капитала (прежде всего связанные с деятельностью ТНК рентополучатели и многочисленные посредники).

Вторые – вся совокупность лиц, обеспечивающих функционирование капитала: от маркетологов и пиарщиков до широчайшего круга посредников и сращенных с ТНК средних и малых бизнесов.

Третьи – это государство в его ипостаси проводника интересов капитала, т.е. сращенные с капиталом на основе как формальных, так и неформальных отношений (личная уния, лоббирование и т.п.) чиновничество и «политический класс».

Все они получают массовую поддержку от «рядовых» граждан (наемных работников, фрилансеров, иждивенцев, получателей различных социальных пособий) в той мере, в какой эти граждане являются активными или пассивными конформистами. Т.е. надеются либо на потенциальную возможность личного социально-экономического возвышения за счет роста своего «человеческого капитала» (преимущественно молодые, имеющие или надеющиеся получить качественное образование лица), либо на сохранение стабильности существующей системы и своего положения в ней за счет «сильного» государства плюс получение части империалистической ренты в странах-гегемонах [Десаи, 2020]. Первые ориентированы на сохранение неолиберальной модели, позволяющей надеяться на использование преимуществ от сотрудничества с глобальным капиталом (прежде всего, финансовым); вторые – на консервативный курс, усиливающий роль национальной бюрократии, сращенной с национальным (во многих случаях сырьевым и военно-промышленным) капиталом.

Оппозицией им является актуальный социально-творческий субъект – та часть общества, которая объективно заинтересована и субъективно способна осознанно противостоять общественному отчуждению, становиться субъектом *разотчуждения* [Булавка-Бузгалина, 2018] общественных отношений. Разотчуждение – это общественные отношения и деятельность, снимающие отношения социального отчуждения, в частности, такие как товарный и денежный фетишизм, формальное и реальное подчинение труда капиталу, господство бюрократии, клерикализм и т.п.

В современном обществе социально-творческий субъект формируется не только в среде класса индустриальных наемных рабочих, но и среди так называемого «креативного класса». Существенно, однако, что и тот и другой класс внутренне противоречивы. Так, для «классического» наемного работника характерно противоречие между его бытием, с одной стороны, как частного собственника товара «рабочая сила» и, с другой стороны, как субъекта обобществленного коллективного создателя отчуждаемого от него общественного богатства (средств производства и результатов труда).

Для «креативного класса» тоже характерна внутренняя противоречивость. С одной стороны, в условиях капитализма креативные работники являются собственниками «человеческого капитала» (подчеркну: здесь присутствует только *форма* капитала – деньги, превращающиеся в деньги с приростом, а содержания капитала как особого производственного отношения – отношения создания прибавочной стоимости наемным работником и присвоения ее собственником капитала – здесь нет). Собственность на «человеческий капитал» объективно делает этих акторов участниками процесса рыночной конкуренции и накопления, создателями интеллектуальной частной собственности, а в ряде случаев

и получателями некоторой части интеллектуальной ренты. В этом качестве они становятся объективными сторонниками неолиберальной модели общественной организации.

С другой стороны, все представители «креативного класса» являются создателями культурных благ, которые потенциально являются общественными (неограниченными, неупотребляемыми, общедоступными). Более того, представители массового слоя «рядовых» творческих работников (учителей, врачей, социальных работников и т.п.) в значительной своей части заняты в общественном секторе, производят общедоступные блага. Этот социальный слой мы назвали «социалиатом» [Бузгалин, Колганов, 2019], именно он потенциально может быть основным субъектом разотчуждения.

Впрочем, на пути этой потенциальной возможности стоит зависимость социалиата от государства, служащими которого являются врачи, учителя и т.п. работники общественного сектора. В той мере, в какой это государство является бюрократическим и консервативным, данный социальный слой оказывается в тисках очень жесткого противоречия между содержанием своего труда (творческая деятельность по созданию общественных благ) и его социальной формой (подчиненность бюрократии). Природа и формы этого противоречия хорошо знакомы работникам образования, здравоохранения, культуры в любой стране, а процессы бюрократизации и коммерциализации социальной сферы подробно исследованы в литературе [Яковлева, 2017, 2019].

Таковы противоречия сохраняющейся до настоящего времени, но уже начавшей изменяться неолиберальной модели позднего капитализма.

Каковы же объективные тренды этих, пока еще подспудных, изменений и каков спектр возможных альтернатив этой модели?

Рефеодализация: исторический регресс как возможная альтернатива неолиберализму. Последнее десятилетие проявило как едва ли не доминирующую альтернативу существующей модели консервативный тренд, о котором ученые пишут уже не одно десятилетие [Kotkin, 2020; Давыдов, 2021]. У этого тренда имеются немалые объективные основания.

Едва ли не главное – *запрос капитала* как общественно-экономической силы, капитала как целого, капитала-тотальности, на кажущуюся парадоксальной, но в действительности реальную интеграцию консерватизма и либерализма. В настоящее время этот тренд наблюдается преимущественно в политической и социокультурной сферах, причем идет он главным образом в странах «периферии» и «полупериферии», хотя и в «центре» эти тренды весьма заметны. Они проявляют себя, прежде всего, в (1) нарастающей власти государственной бюрократии, превращающейся в особое сословие, напоминающее феодальное дворянство и получающее власть, полномочия по присвоению общественного богатства, доход и привилегии от государства как особого властного института, господствующего над обществом. Как alter ego этого процесса развивается (2) превращение граждан из активных социальных и политических акторов в подданных – людей, труд, собственность (если она вообще есть) и доходы которых зависят от государства, выступающего как в определенной мере патерналистски действующий субъект. В этом положении оказываются широкие слои трудящихся (причем как индустриальных рабочих, так и части «креативного класса»), зависящие от государства в той мере, в какой они не способны к индивидуальной (за счет значимого «человеческого капитала») и/или коллективной (за счет сильных профсоюзов и других организаций трудящихся и граждан) защите своих интересов. Соответственно (3) в идеологии и культуре нарастает культ государства как демилурга экономического, социального и т.п. бытия, сопровождающийся в большинстве случаев национализмом, клерикализмом, а в ряде случаев – имперскими и монархическими интенциями. В своих крайних проявлениях этот тренд может приводить к нацизму и фашизму.

В экономике консервативный тренд несколько менее акцентирован, хотя процессы рефеодализации в странах «периферии» и «полупериферии» развиваются и в этой сфере. В частности, интенсифицируется процесс сращивания крупного капитала с государственной бюрократией при постепенном переходе основных волевых каналов господства к государству при сохранении экономической власти в руках капитала как целого, как тотальности. Для больших

(по населению, территории, объемам производства) государств «полупериферии» эти тренды в геополитэкономической сфере результируются в росте так называемого «экономического эгоизма». Сталкиваясь с ним, транснациональный капитал стран «центра», не оставляя своего стремления к международной экспансии, чем дальше, тем больше ищет возможности подпереть свою постепенно ускользающую экономическую мощь военной экспансией.

На мировой арене процесс консервативно-ориентированного регресса проявляет себя не только в таких трендах, как торговые войны и санкции, но и как формирование новой модели соединения политико-идеологической и военной силы сверхнациональных государств (США, ЕС) с силой технологического, финансового и т.п. господства транснациональных корпораций. Даже видимость (подчеркну: даже *видимость*) свободной конкуренции на мировых рынках, видимость верховенства международного права в мировом политическом процессе, видимость политико-идеологического плюрализма и т.п., характерная для периода неолиберального капитализма, уходит в прошлое. На смену этой *видимости*, скрывавшей гегемонию корпоративного капитала, идет (но еще не пришла в полной мере) борьба двух трендов: с одной стороны, открытая экономическая, политическая и военная гегемония сверхнациональных государств и манипулирующих мировыми рынками крупнейших капиталов; с другой – «национальный эгоизм».

Либеральный мировой порядок был адекватен для крупного капитала стран «ядра» (гегемонов, империалистических держав), пока он мог почти безгранично манипулировать экономиками стран «периферии». Но в последние годы ситуация изменяется. Во-первых, у капитала стран «ядра» появляются почти равные по силе конкуренты (в экономике – Китай, а в перспективе – еще и Индия; в геополитике – Россия и тот же Китай) в борьбе за гарантированные выигрыши в геополитике и на мировых рынках. Во-вторых, обостряются (в частности, вследствие финансиализации) проблемы перенакопления капитала. В-третьих, внутри стран и «ядра», и «периферии» растет противодействие этому курсу со стороны обрисованных выше социальных сил разотчуждения. В этих условиях у крупного капитала (особенно – финансового и сырьевого) возникает объективная заинтересованность в более активном использовании насилия и политико-идеологического манипулирования для подавления сопротивления оппозиции внутри страны и конкурентов за мировую гегемонию – вовне.

Так возникает объективный запрос на экономико-политическую модель, соединяющую большую, чем ранее, сращенность крупного капитала с государством (а это проще всего и выгоднее всего делать в сфере ВПК, идя по пути наращивания милитаризма, что показала еще в начале XX в. Роза Люксембург). Эта модель будет все менее учитывать интересы населения и все более прямо и непосредственно реализовывать интересы корпоративного капитала.

В результате возникает объективный запрос на государство, которое, с одной стороны, способно ограничить (или подавить) запросы населения на реализацию социальных, экономических и гражданских прав, а с другой стороны, может побеждать внешних соперников в геополитической борьбе, в потенции принося «своим» гражданам империалистическую ренту или хотя бы обеспечивая защиту от империалистической эксплуатации. И для одного, и для другого нужна сила государства. Ведь делиться сокращающимися прибылями со своим собственным населением в условиях обострения мировой конкуренции можно только за счет сокращения своих собственных выгод, а на это капитал идет крайне редко и только под мощным давлением снизу. Так возникает *запрос на власть* *имущих на реализацию национал-консервативного курса* – с одной стороны, и *большую, чем ранее, десоциализацию* (снижение налогов на крупный бизнес, сокращение государственных расходов на образование и здравоохранение и т.п.) *в рамках праволиберального курса* – с другой. Так формируются объективные основания для развития консервативно-либеральной модели позднего капитализма. Они генерируются, повторим, новой номенклатурой крупного капитала и государства, но при этом еще и находят массовую опору не только в среде зависимых от государства трудящихся, но и низах *прекариата* – тех его

представителей, кто не обладает значимым «человеческим капиталом» и не включен в солидарную борьбу против гегемонии капитала.

Таковы в самом кратком виде экономические и социальные предпосылки формирования тренда, который мы назвали консервативным либерализмом. Но диалектика позднего капитализма такова, что эти же противоречия формируют и левую эко-социо-гуманитарно-ориентированную альтернативу. Вместо «конца истории» мировая система подходит к очередной точке бифуркации, предполагающей развилку дальнейших возможных путей социальной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бузгалин А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономики. 2018. № 2. С. 10–38.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Капитал» XXI века: симулякр как объект анализа критического марксизма // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 31–42.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Капитализм, посткапитализм и креативная революция (критические размышления о статье Д.А. Давыдова) // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 100–109.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28.
- Булавка-Бузгалина Л.А. Маркс-XXI. Социальный прогресс и его цена: диалектика отчуждения и разотчуждения // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 5. С. 73–84.
- Давыдов Д.А. Посткапитализм как архаизация: институциональный дрейф к неофеодализму? // Антиномии. 2021. Т. 21. Вып. 4. С. 61–78.
- Десаи Р. Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи: Монография. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте: Центр каталог, 2020.
- Теняков И.М. Подходы к оценке качества экономического роста // Вопросы политической экономики. 2016. № 4. С. 61–73.
- Хубиев К.А., Теняков И.М. Надломленный вектор развития российской экономики // Вопросы политической экономики. 2022. Т. 2. С. 22–39.
- Яковлева Н.Г. Какие ростки посткапитализма способны обеспечить прогресс человеческого потенциала и технологическую модернизацию? // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 110–115.
- Яковлева Н.Г. Противоречия трансформации и генезис социально-ориентированной модели образования (политико-экономический подход) // Вопросы политической экономики. 2021. Т. 3. № 27. С. 183–197.
- Amin S. Maldevelopment: Anatomy of a Global Failure. Pambazuka Press, 1990.
- Baudrillard J. Simulacra and Simulation. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press, 1981.
- Fine B. Financialization from Marxist Perspective // International Journal of Political Economy. 2013. No. 42 (4). P. 47–66.
- Galbraith J.K. The New Industrial State. Princeton University Press (1967), 2007.
- Harvey D. Spaces of global capitalism: towards a theory of uneven geographical development. L.; N.Y.: Verso, 2006.
- Hudson M. J is for Junk Economics: A Guide to Reality in an Age of Deception. Islet-Verlag, 2017.
- Kotkin J. The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class. Encounter Books, 2020.
- Kotz D.M. The rise and fall of neoliberal capitalism. Harvard University Press, 2015.
- Krugman P. The conscience of a liberal. New York: WW Norton & Company, 2009.
- Meszaros I. Marx's Theory of Alienation. London: Merlin Press, 1970.
- Musto M. Revisiting Marx's concept of alienation // Socialism and Democracy. 2010. No. 24 (3). P. 79–101.
- Ollman B. Alienation. New York: Cambridge University Press, 1971.
- Ollman B. Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society. 2nd ed., Cambridge University Press, Cambridge, 1976.
- Piketty T. Capital in the 21st Century. Cambridge, MA: President and Fellows, Harvard College, 2013.
- Stiglitz J.E. The Great Divide: Unequal Societies and What We Can Do About Them. New York: W.W. Norton & Company, 2015.
- Wallerstein I. World-Systems Analysis: An Introduction, London: Duke University Press, 2004.

Статья поступила: 27.02.23. Финальная версия: 14.04.23. Принята к публикации: 18.04.23.

AFTER THE «END OF HISTORY»: CONSERVATIVE NEOLIBERALISM AND REFEODALIZATION?

BUZGALIN A.V.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Alexander V. BUZGALIN, Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Faculty of Economics, Director of the Centre for Contemporary Marxist Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow (buzgalin@mail.ru).

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and CASS, project No. 21-511-93006.

Abstract. Thirty years ago, Francis Fukuyama in the article “The End of History?” (1989) formulated the thesis about the final victory of the neoliberal model of capitalism. However, the story doesn’t stop. The author shows that the reason for this is the crisis of the existing system of economic relations and institutions of late capitalism. The article systematizes the signs of this crisis and shows that the dominant political and economic elite is looking for a way out of the impasse through “neoliberal conservatism” integrating further dehumanization, desocialization and deregulation into the economy with conservative authoritarian tendencies in politics and ideology. The social basis of this trend is revealed, the social strata opposing it, focused on the progress of human potential and the formation of a more just world order, are characterized.

Keywords: neoliberalism, conservatism, refeudalization, “The End of History”, late capitalism, human potential, community of common destiny of mankind.

REFERENCES

- Amin S. (1990) *Maldevelopment: Anatomy of a Global Failure*. Pambazuka Press.
- Baudrillard J. (1981) *Simulacra and Simulation*. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press.
- Bulavka-Buzgalina L.A. (2018) Marx XXI: Social Progress and Its Price: Dialectics of Alienation and Disalienation. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. [Moscow State University Bulletin Series 7: Philosophy]. No. 5: 73–84. (In Russ.)
- Buzgalin A.V. (2018) Late capitalism and its limits: dialectics of productive forces and production relations (to the 200th birth anniversary of Karl Marx). *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. No. 2: 10–38. (In Russ.)
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2012) Capital of the twenty-first century: the simulacrum as an object of analysis for critical Marxism. *Voprosy Filosofii*. No. 11: 31–42.
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2022) Capitalism, Post-Capitalism and the Creative Revolution (critical reflections on the article by D.A. Davydov). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 100–109. (In Russ.)
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2019) Social Structure Transformation of Late Capitalism: from Proletariat and Bourgeoisie Towards Precariat and Creative Class? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 18–28. (In Russ.)
- Davidov D. (2021) Postcapitalism as Archaization: Institutional movement towards Neofeudalism. *Antinomy*. Vol 21. Is. 4: 61–78.
- Dessai R. (2020) *Geopolitical Economy: After American Hegemony, Globalization and Empire*. Moscow: INIR them. S.Yu. Witte.
- Fine B. (2013) Financialization from Marxist Perspective. *International Journal of Political Economy*. Vol. 42. Iss. 4: 47–66.
- Galbraith J.K. (2007 [1967]) *The New Industrial State*. Princeton University Press.
- Harvey D. (2006) *Spaces of global capitalism: towards a theory of uneven geographical development*. L.; N.Y.: Verso.
- Hudson M. (2017) *J is for Junk Economics: A Guide to Reality in an Age of Deception*. Islet-Verlag.
- Khubiev K., Tenyakov I. (2022). The fractured vector of development of the Russian economy. *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. No. 2: 22–39. (In Russ.)
- Kotkin J. (2020) *The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class*. Encounter Books.
- Kotz D.M. (2015) *The rise and fall of neoliberal capitalism*. Harvard University Press.
- Krugman P. (2009) *The conscience of a liberal*. New York: WW Norton & Company.
- Meszaros I. (1970) *Marx's Theory of Alienation*. London: Merlin Press.
- Musto M. (2010) Revisiting Marx's concept of alienation. *Socialism and Democracy*. Vol. 24. No. 3: 79–101.
- Ollman B. (1971) *Alienation*. New York: Cambridge University Press.

- Ollman B. (1976) *Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society*. 2nd ed., Cambridge University Press, Cambridge.
- Piketty T. (2013) *Capital in the 21st Century*. Cambridge, MA: President and Fellows, Harvard College.
- Stiglitz J.E. (2015) *The Great Divide: Unequal Societies and What We Can Do About Them*. New York: W.W. Norton & Company.
- Tenyakov I.M. (2016) Approaches to the Evaluation of the Quality of Economic growth. *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. No. 4: 61–73. (In Russ.)
- Wallerstein I. (2004) *World-Systems Analysis: An Introduction*. London: Duke University Press.
- Yakovleva N.G. (2021) Contradictions of transformation and genesis socially-oriented model of education (political economy approach). *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. Vol. 3. No. 27: 183–197. (In Russ.)
- Yakovleva N.G. (2022) What Sprouts of Post-Capitalism are Capable of Ensuring Progress of Human Potential and Technological Modernization? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 110–115. (In Russ.)

Received: 27.02.23. Final version: 14.04.23. Accepted: 18.04.23.

© 2023 г.

А.В. ЧИРКОВА

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОЛОДЕЖИ ПО ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕМУ ПОВЕДЕНИЮ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕТЫРЕХКОМПОНЕНТНОЙ МОДЕЛИ

ЧИРКОВА Анна Владиславовна – аспирант Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (chircovaanna@gmail.com).

Аннотация. В статье рассматриваются методические проблемы реализации четырехкомпонентной модели типологического анализа молодежи по характеру здоровьесберегающего поведения. Предлагаются методические решения по формированию системы классификационных признаков в виде логических индексов, позволяющих провести многомерные классификации. Описывается процедура восстановления пропущенных данных, возникающих при использовании предлагаемых индексов для цели типологизации молодежи. Приводятся результаты сравнительного анализа кластерных профилей по трем возрастным группам среди молодежи. Обосновывается вывод о том, что эвристический потенциал показателей здоровьесберегающего поведения как базовых типобразующих признаков в этих группах различен.

Ключевые слова: типологический анализ • типобразующий признак • здоровьесберегающее поведение • классификационный признак • основание типологии • пропущенные данные • устойчивость кластерной структуры

DOI: 10.31857/S013216250024647-4

Исследовательская задача. В эмпирических исследованиях одним из базовых видов анализа является типологический анализ – «методологический инструмент, позволяющий выявить латентно существующие, социально значимые, внутренне однородные, качественно различные друг от друга группы эмпирических объектов по характеристикам, природа которых различна» [Татарова, 2007; Татарова, Бабиц и др., 2023: 136]. Обращение к этому виду анализа происходит, как правило, в ситуации вторичной концептуализации уже существующих данных, что в равной мере относится и к изучению здоровьесберегающего поведения (ЗСП). В этой ситуации использование одних и тех же показателей ЗСП в качестве базовых типобразующих признаков¹ (в частности, связанных с курением, употреблением алкоголя, питанием и занятиями физической культурой) требует различных методических решений в зависимости от состава исходных для анализа переменных и структуры изучаемой совокупности². Такие решения касаются введения классификационных признаков в виде обобщенных показателей, восстановления пропущенных данных для цели типологизации молодежи, априорной типологии (предварительной типизации молодежи), устойчивости кластерных профилей. Этим вопросам уделяется особое

¹ Базовые типобразующие признаки – те, которые описывают основание типологии [Татарова и др., 2023: 167].

² В социологии здоровья проблема учета специфики показателей при изучении разных возрастных групп актуализируется, например, в статье [Журавлева, Лакомова, 2019].

внимание в статье в процессе представления результатов поискового исследования по апробации одного из возможных вариантов реализации четырехкомпонентной модели изучения типологической структуры молодежи по ЗСП. «Четырехкомпонентной моделью» называем комплекс из четырех наиболее популярных в социологии здоровья показателей поведения, связанного со здоровьем. Утверждение *«Два молодых человека похожи по характеру здоровьесберегающего поведения, если в их образе жизни отказ от курения и злоупотребления алкогольными напитками, регулярное питание и физическая активность проявляются приблизительно на одном и том же уровне»* выступает в качестве исходной предпосылки (основания типологии³) для выявления типологической структуры молодежи.

Эмпирическая база исследования – данные по молодежи 15–29 лет 26-й волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)» (2019 чел., 2017 г.)⁴. Выбор базы данных 2017 г. обусловлен наличием в ней достаточно большого количества переменных для эмпирической интерпретации показателей ЗСП, в более поздних базах сохраняются не все переменные, необходимые для конструирования представленных в статье индексов.

О возможных основаниях типологии. Априорная типология. Существуют различные понятия для обозначения поведения, связанного со здоровьем. Популярное в отечественной социологии здоровья понятие самосохранительного поведения определяют как «систему действий и установок личности, направленных на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла и увеличение продолжительности жизни индивида» [Антонов, 2005: 320]. В зарубежной социологии получило распространение понятие здоровьесберегающего поведения (health behavior), исходя из понимания, что это – «явные поведенческие паттерны, действия и привычки, связанные с поддержанием, восстановлением и улучшением здоровья» [Gochman, 1997: 3]. Тогда модели изучения поведения, связанного со здоровьем, должны включать целый ряд показателей, таких как курение, употребление алкоголя, питание, физическая активность, сексуальное поведение, посещение врача, соблюдение предписаний врача, скрининг и вакцинация [Conner, Norman, 2017: 895]. Среди этих показателей наиболее изученными являются четыре – курение, злоупотребление алкоголем, здоровое питание и физическая активность [ibid: 895].

Эти четыре показателя, прежде всего, претендуют на роль типобразующих признаков, описывающих основание типологии (напр., [Berrigan et al., 2003; Chan, Leung, 2015; De Vries et al., 2008]). Возможны основания, опирающиеся на меньшее число типобразующих признаков (потребление фастфуда и курение [Porter, 2014]; курение, употребление алкогольных напитков, физическую активность [Jones et al., 2011]) или на большее число признаков (к примеру, в работах [Шкурин, 2017а; 2017б] используются 19 дихотомических переменных, отражающих различные действия и привычки, направленные на сохранение здоровья).

Основание типологии может описываться показателями поведения, связанного со здоровьем, в комбинации с показателями другой природы. В основание типологии могут быть включены ценности здорового образа жизни [Ермолаева, Носкова, 2015], показатели социальной вовлеченности и социальной изоляции [Kandt, 2018], ряд психосоциальных характеристик, таких как управление стрессом и социальные отношения, а также аффективных компонентов, таких как ожидаемые позитивные и негативные чувства в отношении связанного со здоровьем поведения [Shiloh, Nudelman, 2020], и др.

Априорная типология (предварительная типизация) молодежи – неперенный атрибут типологического анализа. Вся совокупность была разделена на три части: подростки

³ Здесь и далее используем языковые конструкты, предложенные в работах [Татарова, 2007: 83; Татарова и др., 2023: 132].

⁴ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (<http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>).

(«ранняя молодость») – 15–17 лет; собственно молодежь – 18–24 года; «молодые взрослые» – 25–29 лет [Молодежь..., 2022: 144]. Предполагаем, что при изучении представителей перечисленных возрастных групп эвристический потенциал показателей ЗСП проявляется по-разному. Существуют и другие подходы к возрастной сегментации молодежи. Согласно принятому в 2020 г. Закону о молодежной политике к молодежи стали относить и группу 30–35-летних, так называемых «молодых взрослых» [Зубок и др., 2022: 32]. Еще один подход – дифференцированный: возраст молодежи определяют так, чтобы объектом анализа выступала та категория молодежи, которая является носителем изучаемой социальной проблемы [Горшков, Шереги, 2020: 7].

Формирование классификационных признаков. В табл. 1 представлена схема формирования четырех классификационных признаков (в соответствии с четырьмя типобразующими признаками). Они сформированы в виде логических индексов, независимых между собой, имеющих порядковый уровень измерения, исходя из существующих рекомендаций [Татарова и др., 2023: 169]. Кроме этого, опирались на оценки дифференцирующей силы индексов в трех предварительно выделенных группах молодежи. Стремление к пятибалльным шкалам было естественным, но этого не удалось достичь в одном из случаев.

Первый индекс (*K1-курение*), связанный с курением (включая отказ от курения), формировался на основе четырех переменных: «Вы курите в настоящее время?», «Сколько примерно штук сигарет, папирос или трубок вы обычно выкуриваете за день?», «Вы курили когда-нибудь?», «Сколько лет тому назад вы бросили курить?». Он измеряется по пятибалльной шкале. Его дифференцирующая сила в трех группах молодежи различна. Для группы подростков 15–17 лет коэффициент вариации V составляет 16,6%, для «собственно молодежи» 18–24 лет – 32,0%, для «молодых взрослых» 25–29 лет – 40,9%.

В основе второго индекса (*K2-алкоголь*) следующие переменные: «Вы употребляете хотя бы иногда алкогольные напитки, включая пиво?», «В течение последних 30 дней вы употребляли алкогольные напитки?», «В течение последних 30 дней вы употребляли пиво?», «Как часто вы употребляли алкогольные напитки в течение последних 30 дней?». В работе [Радаев, Рощина, 2019] систематизированы более сложные вопросы-индикаторы для измерения показателя «употребление алкоголя», но в условиях массовых опросов их использование проблематично. Этот индекс удалось привести к пятибалльной шкале, при этом одна из градаций ($K2 = 4$) появилась вследствие достаточно высокой доли пропущенных значений (16,8%). По группе подростков коэффициент вариации V составляет 11,1%, по группе собственно молодежи – 26,7%, по группе молодых взрослых – 34,3%.

Третий индекс (*K3-питание*) формировался на основе переменных «Как часто вы питаетесь вне дома?» и «Удастся ли вам в целом питаться регулярно, не реже 3-х раз в день, изо дня в день?». Когнитивная адекватность этих переменных вызывает опасения, регулярное питание не значит качественное, сбалансированное питание, а следовательно, не обязательно свидетельствует и о здоровом поведении. Исходим из представлений о нерегулярном питании как признаке нездорового поведения. Кроме того, молодые люди, как правило, относятся к учащимся и / или работающим, чем и продиктована для них необходимость питания вне дома в будние дни.

Значение индекса, равное 5, присваивается той части молодежи, питающейся только дома, которой удается питаться регулярно (регулярно питаются 60,3% среди тех, кто питается только дома). Остальным респондентам, которые питаются регулярно, независимо от того, как часто они питаются вне дома, присписывается 4 балла. Минимальный балл присваивается тем, кому никогда не удастся питаться регулярно, а также тем, кому скорее не удастся питаться регулярно и вместе с тем приходится питаться вне дома как минимум 2–3 раза в неделю. Если респонденты, которым скорее не удастся питаться регулярно, питаются вне дома меньше 2-х раз в неделю, *K3-питание* принимает значение, равное 2. Остальные респонденты оказываются «в середине шкалы», им присваивается по 3 балла. Что касается дифференцирующей силы индекса, то для группы подростков коэффициент вариации V равен 35,7%, для группы собственно молодежи – 41,9%, для группы молодых взрослых – 40,0%.

Таблица 1

Распределения молодежи из разных возрастных групп по значениям индексов, в %

Значение	15–29 лет	15–17 лет	18–24 года	25–29 лет
<i>К1-курение</i>				
1. Выкуривают за день пачку сигарет и больше	6,8	0,2	6,0	11,5
2. Выкуривают в день меньше пачки сигарет	15,2	6,5	14,8	20,5
3. Бросили курить меньше года назад	2,1	1,2	2,5	2,3
4. Бросили курить год назад или больше года назад	5,9	1,2	4,3	10,3
5. Не курят и никогда не курили*	69,9	90,8	72,5	55,4
<i>К2-алкоголь</i>				
1. За последние 30 дней употребляли алкогольные напитки 2–7 раз в неделю	3,5	0,0	2,7	6,3
2. За последние 30 дней употребляли алкогольные напитки 1 раз в неделю	6,7	0,2	5,1	12,0
3. За последние 30 дней употребляли алкогольные напитки 1–3 раза	21,2	5,1	23,9	27,2
4. Иногда употребляют алкогольные напитки, но за последние 30 дней не употребляли	16,1	10,4	17,6	17,7
5. Не употребляют алкогольные напитки	52,5	84,3	50,6	36,8
<i>К3-питание</i>				
1. Не удается питаться регулярно	15,9	12,3	18,4	15,0
2. Практически не удается питаться регулярно	5,3	3,1	5,0	6,7
3. Стараются питаться регулярно, не всегда дома	32,6	33,3	33,8	30,9
4. Питаются регулярно, не всегда дома	21,2	26,7	20,4	19,1
5. Питаются только дома, регулярно	25,0	24,6	22,3	28,2
<i>К4-физическая активность</i>				
1. Низкий уровень физической активности	44,8	24,1	41,9	59,7
3. Средний уровень физической активности	21,8	23,4	22,5	20,2
5. Высокий уровень физической активности	33,3	52,5	35,6	20,1

Примечание. * На этапе конструирования индексов различаем некурящих (градация 5) и бывших курильщиков (градация 4).

В основу четвертого индекса (*К4-физическая активность*) легли следующие вопросы: «Сейчас я перечислю разные виды физической активности, а вы скажите мне, пожалуйста, какими из них вы занимались в течение последних 12 месяцев по меньшей мере 12 раз?» и «Какой из вариантов описания лучше всего соответствует вашим занятиям физкультурой? Не учитывайте физические нагрузки на работе». Первый вопрос показал, что среди молодежи 57,8% респондентов не выбрали ни один вид физической активности из предложенных. Второй вопрос выявил 49% молодых людей, которые не занимаются физкультурой. В то же время совместное использование приведенных вопросов в индексе К4 позволяет получить достаточно высокий коэффициент вариации V, равный 63,3% (для всей совокупности 15–29 лет). Для группы подростков коэффициент вариации составляет 46,5%, для собственно молодежи – 61,1%, для молодых взрослых – 72,6%.

Индексу присваивается значение 5, если оба вопроса показывают, что респондент физически активен, и значение 1, если оба вопроса показывают отсутствие физической активности. Если только один из двух вопросов выявляет физическую активность респондента, ему приписывается значение 3. Заметим, что для того, чтобы считать респондента физически активным на основании ответа на первый вопрос, достаточно выбора им хотя

бы одного вида физической активности. Большинство опрошенных среди молодежи не занимаются физкультурой, поэтому было решено остановиться на трехбалльной шкале, «растянув» ее до пятибалльной.

О пропущенных данных. Такие данные в процессе типологического анализа становятся проблемой [Татарова, Бессокирная, 2017]. В рамках исследования удалось сохранить в процедурах классификации все объекты (2019 чел.). При апробации предлагаемых индексов для цели типологизации молодежи были выявлены пропуски, обусловленные использованием вопросов-фильтров (1), а также показывающие собственно отсутствие ответа на вопрос, адресованный респонденту (2). В первом случае появление пропущенных данных заложено самим применением фильтрующих вопросов, однако при конструировании индексов требует внимания. Необходимо отследить, после использования каких именно из исходных переменных, образующих индекс, появляются эти пропуски, и тогда принимать решение об их восстановлении, которое носит чисто механический характер. Например, молодые люди, которые хотя бы иногда употребляют алкогольные напитки, но за последние 30 дней не употребляли алкоголь, включая пиво, не отвечают на вопрос о частоте употребления алкоголя за последние 30 дней. Таким респондентам было присвоено значение индекса K2-алкоголь, равное 4.

Во втором случае «борьба» с пропущенными данными требует определенных допущений. Так, респондентам, затруднившимся ответить на вопрос о количестве сигарет, выкуриваемых за день, было присвоено значение индекса K1-курение, равное 2, поскольку среди курящих выше доля тех, кто выкуривает в день меньше пачки сигарет (по сравнению с выкуривающими за день пачку сигарет и больше). В отношении молодежи, которая отказалась или затруднилась ответить на вопрос «Сколько лет тому назад вы бросили курить?», было принято волонтаристское решение о том, что индекс K1 принимает значение 4 (бросили курить год назад или больше года назад). Основанием послужили распределения молодежи: тех, кто бросил курить меньше года назад, – меньшинство среди бросивших курить. Наконец, пропущенные значения по переменным «курение в настоящее время» и «курение в прошлом» были заменены таким образом, чтобы индекс K1 принимал значение 5: большинство молодых людей не курят и никогда не курили.

При конструировании логических индексов приходится балансировать между ограничениями, связанными с имеющимися данными, и требованиями, предъявляемыми к проведению многомерного анализа. Например, после увеличения числа градаций для индекса K2-алкоголь, а также после восстановления пропущенных данных уменьшилось значение соответствующего коэффициента вариации с 35 до 28,1% (для всей совокупности 15–29 лет). Тем не менее будем считать, что индекс K2 обладает достаточной дифференцирующей силой и может быть использован для измерения показателей ЗСП молодежи.

Типологические синдромы в молодежных группах. На рис. 1–3 представлены схемы разбиения объектов на классы для трех возрастных групп среди молодежи. В качестве алгоритма разбиений использовался иерархический кластерный анализ методом Уорда. Для наглядности представлений результатов классификации введены условные обозначения, описывающие классы и учитывающие три уровня проявления ЗСП: «здоровое» (З), «нездоровое» (Н) и «рискованное» (Р). «Здоровое» поведение интерпретируется как отказ от курения / отказ от чрезмерного употребления алкогольных напитков / регулярное питание / высокий уровень физической активности. В такой ситуации значения индексов K1-курение / K2-алкоголь / K3-питание / K4-физическая активность равны 4 или 5. В ситуации «нездорового» поведения индексы K1 / K2 / K3 / K4 принимают значение, равное 3, в ситуации «рискованного» поведения – значения 1 или 2. Каждый класс описывается фразой, состоящей из четырех элементов в соответствии со значениями четырех индексов, встречающихся в большинстве случаев. Так, для большинства объектов, входящих в класс 3-3-3-РН, индексы K1, K2 и K3 принимают значения 4 или 5, индекс K4 – 1, 2 или 3.

Для поиска устойчивой внутренней дифференциации подростков, собственно молодежи и молодых взрослых были проведены эксперименты по разбиению объектов на

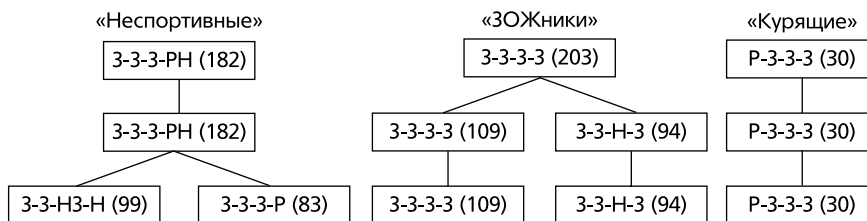

Рис. 1. Схема разбиения объектов на классы (подростки 15–17 лет, чел., $N = 415$)

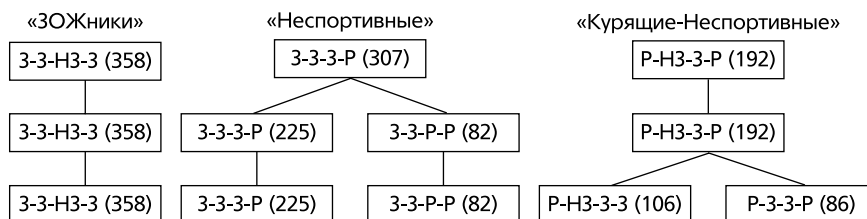

Рис. 2. Схема разбиения объектов на классы (собственно молодежь 18–24 лет, чел., $N = 857$)

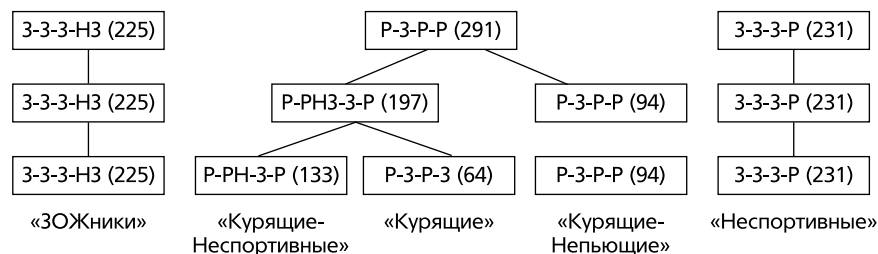

Рис. 3. Схема разбиения объектов на классы (молодые взрослые 25–29 лет, чел., $N = 747$)

разное количество классов. Исходя из визуальной оценки дендрограмм, из объема анализируемых совокупностей первоначально было задано семь классов, впоследствии их число было сокращено до пяти. С содержательной точки зрения целесообразно разбиение подростков и собственно молодежи на три класса, молодых взрослых – на пять классов. Таковы выявленные внутри молодежных групп устойчивые образования, свидетельствующие о существовании ряда типологических синдромов.

Учитывая наиболее значимые различия между тремя классами, выделенными в группе подростков, условно обозначим их как «Неспортивные», «ЗОЖники» и «Курящие». Большинство подростков (48,9%) принадлежит к классу «ЗОЖников». Они характеризуются самым высоким уровнем проявления ЗСП по всей совокупности молодежи. Доля «Неспортивных» 43,9%, «Курящих» 7,2%.

Выделение класса «Курящих» (он сохраняется как минимум в семи различных разбиениях) важно для изучения рискованных для здоровья видов поведения подростков. Среди них особое место занимает употребление психоактивных веществ, в том числе курение [Иванова, 2021: 34]. В остальном группа подростков достаточно однородна по характеру ЗСП. Для ее дифференциации требуется привлечение, во-первых, переменных, более подробно измеряющих показатели, связанные с питанием и физической активностью,

во-вторых, дополнительных показателей ЗСП (например, состояние здоровья и обращение за медицинской помощью).

Большинство собственно молодежи (41,8%) входит в наиболее устойчивый класс «ЗОЖников», незначительно отличающийся от похожего класса среди подростков. В класс «Неспортивных» входит 35,8% собственно молодежи. Класс «Курящих-Неспортивных» (22,4%) отличается одним из самых низких уровней проявления ЗСП по всей совокупности. Для дифференциации собственно молодежи, так же как и подростков, целесообразно использовать и другие наборы переменных.

В группе молодых взрослых наиболее устойчивы классы «ЗОЖников» (30,1%) и «Неспортивных» (30,9%). Первый сохраняется в трех различных разбиениях, второй – как минимум в семи. Отличия между ними менее заметны, чем между аналогичными классами среди подростков и собственно молодежи. Большей части молодых взрослых присуще рискованное поведение: классу «Курящих-Неспортивных» (17,8%), «Курящих» (8,6%) и «Курящих-Непьющих» (12,6%). Особенность последних – в высоком вкладе К2-алкоголь в ЗСП при низком вкладе остальных показателей. Таким образом, выявленные типологические синдромы показывают, что в первую очередь эвристический потенциал базовых типобразующих признаков проявляется при анализе группы молодых взрослых.

Заключение. Полученные эмпирические закономерности свидетельствуют о целесообразности предварительной типизации молодежи, поскольку кластерная структура трех возрастных групп различается. Эвристический потенциал базовых типобразующих признаков в этих группах различен. Наибольший вклад в определение уровня ЗСП представителей всех трех групп вносят К1-курение и К4-физическая активность, наименьший вклад – К3-питание. К2-алкоголь позволяет получить значимые различия между классами только для группы молодых взрослых.

В то же время, учитывая специфику исходных для типологического анализа переменных, необходима дальнейшая апробация показателей ЗСП как базовых типобразующих признаков на других кейсах, с использованием других наборов переменных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонов А.И. Микросоциология семьи. М.: ИНФРА-М, 2005.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020.
- Ермолаева П.О., Носкова Е.П. Основные тенденции здорового образа жизни россиян // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 120–129.
- Журавлева И.В., Лакомова Н.В. Социальная обусловленность здоровья подростков во временном аспекте // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 2 (26). Т. 7. С. 132–152.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социокультурный механизм саморегуляции жизнедеятельности как основа моделирования // Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование / Под общ. ред. Ю.А. Зубок. Белгород: Эпицентр, 2022. С. 28–53.
- Иванова Л.Ю. Рискованные для здоровья виды поведения подростков // Здоровье подростков и окружающая среда: изменения за 20 лет / Отв. ред. И.В. Журавлева. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 34–49.
- Молодежь // Словарь-справочник по социологии / А.А. Акмалова, В.М. Капицын, А.В. Миронов, В.К. Мокшин. М.: Дашков и К°, 2022.
- Радаев В.В., Рощина Я.М. Измерение потребления алкоголя как методологическая проблема // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2019. № 48. С. 7–57.
- Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М.: Высшее Образование и Наука, 2007.
- Татарова Г.Г. Типологический анализ как элемент социологической методологии // Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура / Отв. ред. Г.Г. Татарова, А.В. Кученкова. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 88–155.
- Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П. Предметно-ориентированный подход к «борьбе» с пропущенными данными в типологическом анализе // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 42–54. DOI: 10.7868/S0132162517120054.

- Шкурин Д.В. Многомерные методы обработки вопросов с множественным выбором на примере здоровьесберегающих стратегий современных студентов // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования: коллективная монография (по материалам XX Международной конференции – второй этап) / Под общ. ред. Е.В. Грунт, А.В. Меренкова. Екатеринбург: Изд-во ИСТУ, 2017а. С. 36–49.
- Шкурин Д.В. Обработка и анализ вопросов с множественным выбором на примере здоровьесберегающих практик современных студентов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017б. № 5 (50). С. 142–150.
- Berrigan D., Dodd K., Troiano R.P., Krebs-Smith S.M., Barbash R.B. Patterns of health behavior in U.S. adults // *Preventive Medicine*. 2003. No. 36. P. 615–623. DOI: 10.1016/s0091-7435(02)00067-1.
- Chan C.W., Leung S.F. Lifestyle health behavior of Hong Kong Chinese: Results of a cluster analysis // *Asia-Pacific Journal of Public Health*. 2015. Vol. 27 (3). P. 293–302. DOI: 10.1177/1010539514555214.
- Conner M., Norman P. Health behaviour: Current issues and challenges // *Psychology & Health*. 2017. Vol. 32. No. 8. P. 895–906. DOI: 10.1080/08870446.2017.1336240.
- De Vries H., Van't Riet J., Spijt M., Metsemakers J., Van den Akker M., Vermunt J.K., Kremers S. Clusters of lifestyle behaviors: Results from the Dutch SMILE study // *Preventive Medicine*. 2008. Vol. 46(3). P. 203–208. DOI: 10.1016/j.ypmed.2007.08.005.
- Gochman D.S. (ed.) *Handbook of health behavior research* (vols 1–4). New York: Plenum, 1997.
- Kandt J. Social practice, plural lifestyles and health inequalities in the United Kingdom // *Sociology of Health & Illness*. 2018. Vol. 40. No 8. P. 1294–1311. DOI: 10.1111/1467-9566.12780.
- Porter L.C. Incarceration and post-release health behavior // *Journal of Health and Social Behavior*. 2014. Vol. 55. P. 234–249. DOI: 10.1177/0022146514531438.
- Shiloh S., Nudelman G. Exploring dimensions of health behaviors' representations // *Psychology & Health*. 2020. Vol. 35. No. 8. P. 1017–1032. DOI: 10.1080/08870446.2019.1707828.

Статья поступила: 20.02.23. Финальная версия: 20.04.23. Принята к публикации: 21.04.23.

A TYPOLOGICAL ANALYSIS OF YOUNG PEOPLE HEALTH BEHAVIOR: ON SPECIFICS OF THE FOUR-COMPONENT MODEL REALIZATION

CHIRKOVA A.V.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Anna V. CHIRKOVA, Post-graduate Student, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (chircovaanna@gmail.com).

Abstract. The article deals with the methodical problems of the four-component model realization of the typological analysis of young people on health behavior. Methodical solutions are proposed for the formation of a system of classification characteristics in the form of logical indices that allow for multidimensional classifications. The procedure for imputation of missing data that occurs when using the proposed indices for the purpose of young people typologization is described. The results of a comparative analysis of cluster profiles for three age groups among young people are presented. The conclusion is substantiated that the heuristic potential of indicators of health behavior as basic type-forming attributes in these groups is differentiated.

Keywords: typological analysis, type-forming attribute, health behavior, classification characteristic, basis for typology, missing data, the stability of the cluster structure.

REFERENCES

- Antonov A.I. (2005) *Microsociology of Family*. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)
- Berrigan D., Dodd K., Troiano R.P., Krebs-Smith S.M., Barbash R.B. (2003) Patterns of health behavior in U.S. adults. *Preventive Medicine*. No. 36: 615–623. DOI: 10.1016/s0091-7435(02)00067-1.
- Chan C.W., Leung S.F. (2015) Lifestyle health behavior of Hong Kong Chinese: Results of a cluster analysis. *Asia-Pacific Journal of Public Health*. Vol. 27 (3): 293–302. DOI: 10.1177/1010539514555214.
- Conner M., Norman P. (2017) Health behaviour: Current issues and challenges. *Psychology & Health*. Vol. 32. No. 8: 895–906. DOI: 10.1080/08870446.2017.1336240.

- De Vries H., Van't Riet J., Spigt M., Metsemakers J., Van den Akker M., Vermunt J.K., Kremers S. (2008) Clusters of lifestyle behaviors: Results from the Dutch SMILE study. *Preventive Medicine*. Vol. 46 (3): 203–208. DOI: 10.1016/j.ypmed.2007.08.005.
- Ermolaeva P.O., Noskova E.P. (2015) Main trends in the Sphere of Russians' healthy lifestyle. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 120–129. (In Russ.)
- Gochman D.S. (ed.) (1997) *Handbook of health behavior research* (vols 1–4). New York: Plenum.
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2020) *The youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of many years of research*. Moscow: FCTAS RAS. (In Russ.)
- Ivanova L.Y. (2021) Health risk behaviors of adolescents. In: Zhuravleva I.V. (ed.) *Adolescent health and the environment: changes in 20 years*. Moscow: FCTAS RAS: 34–49. (In Russ.)
- Kandt J. (2018) Social practice, plural lifestyles and health inequalities in the United Kingdom. *Sociology of Health & Illness*. Vol. 40. No. 8: 1294–1311. DOI: 10.1111/1467-9566.12780.
- Porter L.C. (2014) Incarceration and post-release health behavior. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 55: 234–249. DOI: 10.1177/0022146514531438.
- Radaev V.V., Roshchina Y.M. (2019) Measuring alcohol consumption as a methodological problem. *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling]. No. 48: 7–57. (In Russ.)
- Shiloh S., Nudelman G. (2020) Exploring dimensions of health behaviors' representations. *Psychology & Health*. Vol. 35. No. 8: 1017–1032. DOI: 10.1080/08870446.2019.1707828.
- Shkurin D.V. (2017a) Multidimensional Methods for Processing Questions with Multiple Choice on the Example of Health-Saving Strategies of Modern Students. In: Grunt E.V. and Merenkova A.V. (eds) *Culture, personality, society in the modern world: Methodology, experience of empirical research: Collective monograph (based on the materials of the XX International Conference – second stage)*. Yekaterinburg: ISTU: 36–49. (In Russ.)
- Shkurin D.V. (2017b) Processing and Analysis of Multiple Choice Questions on the Example of Modern Students' Health-Saving Strategies. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University]. No. 5 (50): 142–150. (In Russ.)
- Tatarova G.G. (2007) *Fundamentals of Typological Analysis in Sociological Research*. Moscow: Higher Education and Science. (In Russ.)
- Tatarova G.G. (2023) Typological analysis as an element of sociological methodology. In: Tatarova G.G. and Kuchenkova A.V. (eds) *Typological analysis in sociology as a diagnostic procedure*. Moscow: FCTAS RAS: 88–155. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Bessokirnaya G.P. (2017) Subject oriented approach to the “battle” with the missing data in typological analysis. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 42–54. DOI: 10.7868/S0132162517120054. (In Russ.)
- The youth. (2022) In: Akmalova A.A., Kapitsyn V.M., Mironov A.V. and Mokshin V.K. (eds) *Dictionary-reference book on sociology*. Moscow: Dashkov and K: 144. (In Russ.)
- Zhuravleva I.V., Lakomova N.V. (2019) Social conditionality of adolescent health in time aspect. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. No. 2 (26): 132–152. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.2.6414. (In Russ.)
- Zubok Y.A., Chuprov V.I. (2022) Sociocultural mechanism of self-regulation of life activity as a basis for modeling. In: Zubok Y.A. (ed.) *Self-regulation in the youth environment: typology and modeling*. Belgorod: Epicenter: 28–53. (In Russ.)

Received: 20.02.23. Final version: 20.04.23. Accepted: 21.04.23.

© 2023 г.

А.М. АКИМОВ

О НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ХРОНИЧЕСКОГО СТРЕССА ВАХТОВИКОВ В УСЛОВИЯХ АРКТИКИ

АКИМОВ Александр Михайлович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Тюменского кардиологического научного центра – филиала Томского НИМЦ РАН, Томск, Россия (akimovam@infarkta.net).

Аннотация. Экспедиционно-вахтовый метод организации труда предполагает рост интенсивности труда в период вахты, более продолжительную рабочую смену, уменьшение межсезонного отдыха при отсутствии выходных дней и минимальном социальном и бытовом обеспечении. Статья посвящена изучению некоторых характеристик формирования хронического стресса среди мужчин 25–54 лет, занятых экспедиционно-вахтовой формой труда на арктических территориях Тюменского региона. Эмпирической базой послужил опрос мужчин по стандартизированной анкете ВОЗ МОНИКА-психосоциальная. Исследовались две группы: основная (N = 203 чел.) со стажем работы 5 и более лет и контрольная (N = 218) со стажем работы менее года. Установлено распространение после пяти лет вахтовой работы следующих социальных последствий: изменение специальности, повышение нагрузки и ответственности на рабочем месте, более негативное отношение к работе, наиболее частое изменение оклада и смены рабочего места, а также изменение семейного положения и рост конфликтов в семье.

Ключевые слова: стресс на работе • стресс в семье • экспедиционно-вахтовый метод

DOI: 10.31857/S013216250022670-0

Постановка проблемы. Хронический стресс относится к неспецифической системной реакции, которая возникает, когда организм стимулируется различными внутренними и внешними негативными факторами в течение длительного времени. Проведенные за последние три десятилетия научные исследования сформировали доказательную базу о ключевой роли психосоциальных факторов и показали возможность обоснования социальными и психологическими факторами риска более половины выявленных случаев сердечно-сосудистых заболеваний. В Европейские рекомендации по кардиоваскулярной профилактике внесены психосоциальные факторы, к которым отнесли низкий социально-экономический статус, социальную изоляцию и низкий уровень социальной поддержки, личностные характеристики, тревожно-депрессивные расстройства, а также психосоциальный стресс, вызванный домашней и рабочей нагрузкой [Европейские рекомендации..., 2017]. Факторы хронического социального стресса включают в себя стресс в семье, на работе, неудовлетворенность социальным статусом, социальную изоляцию, бытовые факторы [там же; Karasek, Theorell, 1992; Kivimäki et al., 2002].

По данным ряда исследований, программы по освоению Арктики недостаточно эффективны с позиции здоровьесбережения и социально-экономического обеспечения

трудовыми ресурсами из-за природных и антропогенных факторов, воздействующих негативно на здоровье [Дударев, Одланд, 2017]. Эти условия, кроме низкой температуры, повышенной электромагнитной активности и радиации, необычного фотопериодизма, выраженных колебаний атмосферного давления, характеризуются также несбалансированным питанием, своеобразным составом питьевой воды, а зачастую и слаборазвитой инфраструктурой [Гакова и др., 2022; Говорова, 2013; Гудков и др., 2017; Карпов, 2015]. Организм, попадая в экстремальные условия, претерпевает прессинг различных по качеству и интенсивности раздражителей – факторов хронического социального стресса [Чашин и др., 2017; Watts et al., 2021].

Теоретическая модель стресса на рабочем месте [Karasek, Theorell, 1992] на протяжении трех десятилетий последовательно тестировалась в ходе как физиологических, так и социологических исследований, в том числе и в экстремальных условиях Арктики [Акимов, 2020; Луговая, Аверьянова, 2020]. Экспедиционно-вахтовая форма труда, кроме непростых природно-климатических условий, в которых вынуждены работать нефтяники и газовики, характеризуется мобильным режимом и удаленностью рабочих мест от базовых предприятий, постоянными маятникообразными переездами работающих на значительные расстояния из территорий стационарного проживания к рабочему месту и обратно. Она предполагает рост интенсивности труда в период вахты, более продолжительную рабочую смену, уменьшение межсменного отдыха при отсутствии выходных дней и минимальном социальном и бытовом обеспечении, и, соответственно, выраженное воздействие факторов хронического социального стресса [Гафаров, Акимова, 1995; Говорова, 2013]. Длительность и регулярность воздействия, нарастающая с увеличением стажа работы опасность влияния тяжелых и вредных стрессоров производства, накопление патологии ставят факторы экспедиционно-вахтового метода работы в класс хронических профессиональных стрессов с экстремальным характером воздействия [Силин, 2015]. Кроме того, семейные рабочие часто ориентируются на более напряженный трудовой режим с целью удлинения периодического отдыха, проводимого в кругу семьи [Гафаров, Акимова, 1995; Силкин, 2013]. Работа в таком режиме приводит к постоянному напряжению и перестройке всех адаптационно-регуляторных систем организма, требуя разработки социально ориентированных профилактических проектов.

Эмпирическая база и методика анализа. Исследование проводилось в феврале–мае 2022 г. среди лиц, занятых экспедиционной вахтой на предприятии ЕВРАКОР в арктических широтах Тюменского региона. Опрос проводился в двух группах: работающих пять лет и более (основная группа, $N = 203$) и менее одного года (группа сравнения, $N = 218$). Критериями включения в выборки явились мужской пол, возраст в диапазоне 25–54 лет, физический характер труда, стаж работы. Распределение по возрасту в основной группе: 25–34 года – 26,1%, 35–44 года – 36,4% и 45–54 года – 37,5%, в группе сравнения соответственно: 28,9, 34,9, 36,3%.

Определение факторов хронического социального стресса (стресса в семье и на работе) осуществлялось посредством анализа как положительных, так и отрицательных утверждений из перечня предложенных ответов опросников в соответствии с протоколом ВОЗ МОНИКА-психосоциальная [McKee M., 2003]. Опросники включали четыре тестовых вопроса по стрессу в семье с соответствующими ответами (от двух до четырех) и семь тестовых вопросов по стрессу на работе с соответствующими ответами (от трех до восьми)¹.

Статистическая обработка проведена в рамках программного обеспечения SPSS Statistics версии 23.0.0 SPSS Inc. При оценке достоверности различий между выборочными долями совокупности в двух группах применялся критерий «хи-квадрат» (χ^2) Пирсона. За критический уровень значимости принимался $p < 0,05$.

¹ От каждого обследованного было получено письменное информированное согласие на участие в социологическом исследовании. Протокол социологического исследования одобрен этическим комитетом Тюменского кардиологического научного центра.

Стресс на работе. Установлено, что среди лиц, занятых экспедиционно-вахтовой формой труда пять и более лет, существенно чаще происходит изменение специальности за предшествующий период в течение года (62,7 против 15,8%, $p < 0,001$). В основной группе мужчин, имеющих значительный стаж вахтовой работы, статистически значимо превалировал рост нагрузки на рабочем месте (41,7 против 18,7%, $p < 0,001$). В то же время ответ по поводу нагрузки «не изменилась» существенно чаще давали работники со стажем экспедиционной вахты менее года (46,2 против 73,6%, $p < 0,001$).

Негативное отношение к работе отметила существенно большая часть основной группы вахтовиков по сравнению с контрольной (19,9 и 7,1% соответственно, $p = 0,0001$). В то же время крайне негативную позицию в отношении к работе «совсем не нравится» занимала преимущественно группа сравнения (19,9% против 6,1%, $p = 0,0162$). Основная группа лиц уступала группе сравнения и в отношении крайне позитивной позиции в отношении к работе («очень нравится») (1,5 против 12,9%, $p < 0,001$).

Повышение ответственности на работе за предшествующий год отмечала большая доля основной группы (66,8 против 44,9%, $p < 0,001$), тогда как отсутствие таковой существенно чаще имело место среди начинающих (31,1 против 49,4%, $p < 0,001$). Статистически значимые различия по оценке ответственности на работе за предшествующий год установлены только по одному параметру: «незначительная», которая превалировала в группе сравнения (1,5 против 12,5%, $p < 0,001$).

Касательно значительных перемен на работе в течение последнего года, статистически значимые различия в основной группе и группе сравнения имели место по следующим стрессорам на рабочем месте. Среди работников со стажем существенно чаще выявлены смена рабочего места (11,9 против 3,3%, $p = 0,0007$) и изменение оклада (29,2 против 15,7%, $p = 0,0009$). При этом статистически значимо чаще в группе сравнения имели место конфликты с начальством (5,1 против 14,8%, $p = 0,0008$) и смена руководителя (3,1 против 11,4%, $p = 0,0008$).

В то же время среди вахтовиков с длительным стажем превалировала возможность полноценного отдыха после рабочего дня. В основной группе отрицательный и неопределенный ответы по поводу возможности отдыха после работы встречались существенно реже, чем в группе сравнения. Соответственно, показатели «редко» (18,3 против 29,4%, $p = 0,0236$) и «бывает всякое» (32,0 против 42,9%, $p = 0,0183$) имели статистически значимые тенденции к снижению в группе работающих экспедиционной вахтой пять лет и более относительно лиц с меньшим стажем. В разной степени положительные ответы, касающиеся возможности отдыха после рабочего дня «часто» (17,1 против 10,9%, $p = 0,0466$) и «всегда» (27,2 против 17,1%, $p = 0,0120$), существенно преобладали в основной группе вахтовиков.

Стресс в семье. Анализ показал, что относительно болезни или смерти близких между основной группой и группой сравнения среди лиц, работающих экспедиционной вахтой в разные периоды времени, статистически значимых различий не наблюдалось. В то же время стандартизованные по возрасту показатели факторов, включающих хотя бы одно изменение семейного положения за последние 12 месяцев как в положительном, так и в отрицательном смысле (согласно используемому алгоритму ВОЗ МОНИКА-психосоциальная), существенно превалировали в основной группе вахтовиков (23,1 против 11,7%, $p = 0,0030$). Отсутствие же изменений в семейном положении, соответственно, превалировало в группе сравнения (75,5 против 64,2%, $p = 0,0091$).

Среди респондентов основной группы существенно чаще имели место несколько конфликтов в семье за 12 предшествующих месяцев (33,2 против 13,8%, $p = 0,0000$). Крайних позиций – как отсутствия семейных конфликтов в течение последнего года (70,9 против 51,2%, $p < 0,001$), так и частых конфликтов в семье (4,9 против 1,5%, $p = 0,0413$), чаще придерживались мужчины, работающие менее года.

В отношении помех для спокойного домашнего отдыха между респондентами обеих групп существенных различий не определялось.

Выводы. При работе экспедиционно-вахтовым методом в Арктическом регионе пять лет и более среди лиц физического труда выявлены наиболее существенные социальные характеристики последствий хронического стресса на работе. Среди них: изменение специальности, повышение нагрузки и ответственности на рабочем месте, более негативное отношение к работе, наиболее частое изменение оклада и смены рабочего места (но при этом – увеличение возможностей отдыха после рабочего дня при уменьшении конфликтов с начальством и смене руководителя). Наиболее существенные факторы стресса для этой же группы в семье – изменение семейного положения и рост конфликтов в семье. Полученные результаты могут стать научной основой для формирования социально ориентированной профилактической программы по снижению рисков развития ССЗ среди вахтовиков нефтегазодобывающего комплекса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимов А.М. Параметры основных стрессовых событий в молодом возрасте по данным кросс-секционных эпидемиологических исследований // Российский кардиологический журнал. 2020. № 25 (6). С. 61–67. DOI: 10.15829/1560-4071-2020-3660.
- Гакова Е.И., Гакова А.А., Бессонова М.И., Каюмова М.М., Акимов А.М., Петелина Т.И. Основные факторы риска развития сердечно-сосудистых заболеваний у мужчин, работающих вахтовым методом на Крайнем Севере // Профилактическая медицина. 2022. № 25 (11). С. 65–71. DOI: 10.17116/profmed2022251116.
- Гафаров В.В., Акимова Е.В. Динамика распространенности основных факторов риска ИБС у мужчин, занятых экспедиционно-вахтовой формой труда на нефтедобывающем комплексе Западной Сибири // Терапевтический архив. 1995. № 1. С. 22–26.
- Говорова Н.В. Арктические державы: развитие человеческого потенциала (сравнительные характеристики) // Современная Европа. 2013. № 4. С. 37–45.
- Гудков А.Б., Попова О.Н., Необученных А.А., Богданов М.Ю. Эколого-физиологическая характеристика климатических факторов Арктики. Обзор литературы // Морская медицина. 2017. № 3 (1). С. 7–13. DOI: 10.22328/2413-5747-2017-3-1-7-13.
- Дударев А.А., Одланд Й.О. Здоровье человека в связи с загрязнением Арктики – результаты и перспективы международных исследований под эгидой АМАП // Экология человека. 2017. № 9. С. 3–14. DOI: 10.33396/1728-0869-2017-9-3-14.
- Европейские рекомендации по профилактике сердечно-сосудистых заболеваний в клинической практике (пересмотр 2016) // Российский кардиологический журнал. 2017. № 6 (146). С. 7–85. DOI: 10.15829/1560-4071-2017-6-7-85.
- Карпов В.П. Новая индустриализация Тюменского Севера: возможности и риски // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 1. С. 83–88.
- Луговая Е.А., Аверьянова И.В. Оценка коэффициента напряжения адаптационных резервов организма при хроническом воздействии факторов Севера // Анализ риска здоровью. 2020. № 2. С. 101–109. DOI: 10.21668/health.risk/2020.2.11.eng
- Силин А.Н. Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4 (40). С. 109–123.
- Силкин В.Ю. Освоение Арктики: время рисковать? // Всероссийский журнал «ЭКО». 2013. № 4. С. 27–55.
- Чашин В.П., Гудков А.Б., Чашин М.В., Попова О.Н. Предиктивная оценка индивидуальной восприимчивости организма человека к опасному воздействию холода // Экология человека. 2017. № 5. С. 3–13. DOI: 10.33396/1728-0869-2017-5-3-13.
- Karasek R.A., Theorell T. (1992) Healthy Work: Stress Productivity and the Reconstruction of Working Life // New York: Basic Books. 1992. P. 398. DOI: 10.5860/choice.28-0381.
- Kivimäki M., Leino P., Luukkonen R., Riihimäki H., Vahtera J., Kirjonen J. Work stress and risk of cardiovascular mortality: prospective cohort study of industrial employees // BMJ. 2002. No. 325 (7369) P. 857–862. DOI: 10.1136/bmj.325.7369.857.
- McKee M. (2003) Monica monograph and multimedia sourcebook // JR Soc Med. 2003. No. 96 (12). P. 613–614.
- Watts N., Amann M., Arnell N. et al. The 2020 Report of the Lancet Countdown on Health and Climate Change: Responding to Converging Crises // Lancet. 2021. No. 10269 (397). P. 129–170. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)32290-X.

Статья поступила: 07.10.22. Финальная версия: 27.02.23. Принята к публикации: 29.03.23.

ABOUT SOME SOCIAL CHARACTERISTICS OF CHRONIC STRESS OF SHIFT WORKERS IN THE ARCTIC CONDITIONS

AKIMOV A.M.

Tyumen Cardiology Research Center – branch of Tomsk National Research Medical Center of RAS, Russia

Alexander M. AKIMOV, Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher Associate, Laboratory of Epidemiology and Prevention of Cardiovascular diseases of the Tyumen Cardiology Research Center – branch of Tomsk National Research Medical Center of RAS, Tomsk, Russia (akimovam@infarkta.net).

Abstract. The expeditionary-shift method of organizing labor involves an increase in the intensity of labor during the shift, a longer work shift, a decrease in off-season rest in the absence of days off and minimal social and domestic security. The article is devoted to the study of some characteristics of the formation of chronic stress among men aged 25–54 years, employed in expeditionary-shift work in the Arctic territories of the Tyumen region. The empirical basis was a survey of men using the standardized WHO MONICA-psychosocial questionnaire. Two groups were studied: the main group ($N = 203$ people) with work experience of 5 years or more and the control group ($N = 218$) with less than a year of work experience. The distribution after five years of shift work of the following social consequences has been established: a change in specialty, an increase in the load and responsibility in the workplace, a more negative attitude towards work, the most frequent change in salary and change of workplace, as well as a change in marital status and family conflicts.

Keywords: stress at work, stress in the family, expedition-shift method.

REFERENCES

- 2016 European guidelines on cardiovascular disease prevention in clinical practice. (2017) *Rossiyskiy kardiologicheskij zhurnal* [Russian Cardiology Journal]. No. 146 (6): 7–85. DOI: 10.15829/1560-4071-2017-6-7-85. (In Russ.)
- Akimov A.M. (2020) Parameters of stressful events at a young age (data of cross-sectional epidemiological studies). *Rossiyskiy kardiologicheskij zhurnal* [Russian Cardiology Journal]. No. 25 (6): 61–67. DOI: 10.15829/1560-4071-2020-3660. (In Russ.)
- Chashchin V.P., Gudkov A.B., Chashchin M.V., Popova O.N. (2017) Predictive Assessment of Individual Human Susceptibility to Damaging Cold Exposure. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology]. No. 5: 3–13. DOI: 10.33396/1728-0869-2017-5-3-13. (In Russ.)
- Dudarev A.A., Odland Y.O. (2017) Human Health in Connection with Arctic Pollution – Results and Perspectives of International Studies Under the Aegis of AMAP. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology]. No. 9: 3–14. DOI: 10.33396/1728-0869-2017-9-3-14. (In Russ.)
- Gakova E.I., Gakova A.A., Bessonova M.I., Kayumova M.M., Akimov A.M., Petelina T.I. (2022) Primary risk factors for cardiovascular diseases in men working on a rotational basis in the Far North. *Rossiyskij zhurnal Profilakticheskoy meditsiny* [The Russian Journal of Preventive medicine]. No. 25 (11): 65–71. DOI: 10.17116/profmed2022251165. (In Russ.)
- Gafarov V.V., Akimova E.V. (1995) Dynamics of the prevalence of the main risk factors for coronary artery disease in men employed in expeditionary-shift work in the oil-producing complex of Western Siberia. *Terapevticheskij arkhiv* [Therapeutic archive]. No. 1: 22–26. (In Russ.)
- Govorova N.V. (2013) Arctic Powers: Human Development (Comparative Features). *Sovremennaya Yevropa* [Modern Europe]. No. 4: 37–45. (In Russ.)
- Gudkov A.B., Popova O.N., Neobuchennykh A.A., Bogdanov M.Yu. (2017) Ecological and physiological characteristic of the Arctic climatic factors. Review. *Morskaya meditsina* [Marine medicine]. No. 3(1): 7–13. DOI: 10.22328/2413-5747-2017-3-1-7-13. (In Russ.)
- Karasek R.A., Theorell T. (1992) *Healthy Work: Stress Productivity and The Reconstruction of Working Life*. New York: Basic Books. DOI: 10.5860/choice.28-0381.
- Karpov V.P. (2015) New industrialization of the Tyumen North: opportunities and risks. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian sciences of Siberia]. No. 1: 83–88. (In Russ.)
- Kivimäki M., Leino P., Luukkonen R., Riihimäki H., Vahtera J., Kirjionen J. (2002) Work stress and risk of cardiovascular mortality: prospective cohort study of industrial employees. *BMJ*. No. 325 (7369): 857–862. DOI: 10.1136/bmj.325.7369.857.

- Lugovaya E.A., Aver'yanova I.V. (2020) Assessing Tension Coefficient of Body Adaptation Reserves Under Chronic Exposure to Factors Existing in Po-lar Regions. *Analiz riska zdorov'yu* [Health Risk Analysis]. No. 2: 101–109. DOI: 10.21668/health.risk/2020.2.11.eng (In Russ.)
- McKee M. (2003) Monica monograph and multimedia sourcebook. *JR Soc Med*. No. 96 (12): 613–614.
- Silin A.N. (2015) Sociological aspects of shift work in the territories of the north of Western Siberia. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. No. 4 (40): 109–123. (In Russ.)
- Silkin V.Yu. (2013) Exploration of the Arctic: time to take risks? *Vserossiiskij zhurnal «EKO»* [All-Russian journal "ECO"]. No. 4: 27–55. (In Russ.)
- Watts N., Amann M., Arnell N., Ayeb-Karlsson S., Beagley J., Belesova K., Boykoff M., Byass P., Cai W., Campbell-Lendrum D. et al. (2021) The 2020 Report of the Lancet Countdown on Health and Climate Change: Responding to Converging Crises. *Lancet*. No. 10269 (397): 129–170. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)32290-X.

Received: 07.10.22. Final version: 27.02.23. Accepted: 29.03.23.

Е.В. ФРОЛОВА, О.В. РОГАЧ

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ РОССИЯН ВЕСНОЙ 2022 г.

ФРОЛОВА Елена Викторовна – доктор социологических наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ (efrolova06@mail.ru); РОГАЧ Ольга Владимировна – кандидат социологических наук, доцент МИРЭА – Российского технологического университета (rogach16@mail.ru).

Аннотация. На основе материалов всероссийского социологического опроса россиян, проведенного в мае 2022 г., анализируются изменения в положении граждан после введения внешних санкций. Практически половина столкнулась с проблемами на работе, отмечается массовое снижение доходов населения, две трети были вынуждены изменить образ жизни. Несмотря на общий рост тревожности, большинство россиян ориентированы на реализацию новых жизненных стратегий и активно планируют свое будущее: получить образование, заняться бизнесом, сменить работу. Отмечается зависимость между изменением социального самочувствия населения и таким фактором, как разрушение привычного образа жизни. Сложности с работой, исчезновение привычных товаров значительно меньше влияют на рост тревожности среди социальных групп российского общества, чем необходимость снизить траты и изменить жизненный уклад.

Ключевые слова: социальное самочувствие • тревожность • жизненная стратегия • образ жизни • санкции • потребление • адаптация

DOI: 10.31857/5013216250024327-2

Статья представляет результаты всероссийского социологического исследования, проведенного в мае 2022 г. ($N = 4422$). Перед ним ставились задачи по выявлению изменений в материальном положении населения (рост/снижение доходов, наличие проблем с работой/трудоустройством, жилищные условия, необходимость изменения привычного образа жизни); определению чувствительности к пропаже привычных товаров, закрытию привычных магазинов; оценке общего фона и причин тревожности в связи с введением западными странами санкций против России зимой-весной 2022 г. Выборочная совокупность репрезентирует взрослое население страны в возрасте 18 лет и старше¹.

Занятость и доходы россиян после введения санкций. Политический кризис весьма болезненно сказался на экономически активном населении. Почти половина опрошенных респондентов (43,9%) после введения санкций испытали сложности с работой либо потеряли ее². Эти сложности коснулись всех возрастных когорт, при этом несколько уязвимее положение мужчин (47,7% против 41,1% у женщин).

Исследование проведено в рамках НИР «Роль потребительской кооперации Российской Федерации в новых экономических условиях, в том числе в условиях внешних санкций» по решению Ученого совета Российского университета кооперации. Авторы выражают признательность руководству этого университета за организацию исследования: его ректору А.Р. Набиевой, д.э.н., проф. А.Н. Малолетко, д.э.н., проф. О.В. Кауровой.

¹ Использована модель многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения (респондентов) на последней ступени. Распределение респондентов в выборке опиралось на соблюдение квот по основным социально-демографическим параметрам. Результаты исследования обрабатывались с использованием программного обеспечения SPSS.

² Ответы на вопрос «Какие из перечисленных ниже жизненных обстоятельств коснулись вас за время введения санкций?» Респондентам предлагалась таблица с утверждениями и вариантами ответа «да/нет». Утверждение в данном случае звучало так: «Сложности с работой/потеря работы».

Таблица 1

Зависимость между снижением уровня доходов и оценкой респондентами своего материального положения (в % от опрошенных)

Ответы на вопрос: «Как бы вы оценили свое материальное положение?»	Снизился ли уровень доходов за время введения санкций?	
	да	нет
Хорошо	49,3	50,7
Средне	57,1	42,9
Плохо	70,5	29,5
Затрудняюсь ответить	52,7	47,3
<i>Среднее значение по выборке</i>	<i>56,9</i>	<i>43,1</i>

Потеря работы сказалась на уровне доходов населения, хотя их снижение в целом отмечается чаще, чем сложности с работой (56,9%). В большей степени снижение доходов коснулось женщин³ (59,2% по сравнению с 53,8% у мужчин).

Анализ ответов респондентов также показал наличие ожидаемой зависимости между снижением уровня доходов населения и оценкой респондентами своего материального положения (табл. 1). Результаты исследования иллюстрируют традиционную картину социального расслоения российского общества, когда в условиях кризиса «бедные становятся беднее» (70,5%, что выше средних значений на 13,6 п.п.). Однако и социальные группы с «хорошим материальным положением» (каждый второй из них) также испытали на себе снижение доходов за время введения санкций, но несколько в меньшей степени (49,3%, что ниже, чем в среднем по выборке, на 7,6 п.п.).

Изменения в потреблении в условиях кризиса. Более половины опрошенных (52,1%) отметили ощутимое отсутствие привычных товаров после введения санкций, 57,4% обратили внимание на закрытие привычных магазинов. В большей степени это коснулось молодежи в возрасте 18–29 лет (доля выбравших вариант ответа «да» выше на 6,6 п.п., чем в среднем по выборке). В меньшей степени закрытие привычных магазинов затронуло россиян в возрасте 65 лет и старше (ниже средних значений на 5,7 п.п.). Кроме того, закрытие привычных магазинов как следствие введенных санкций чаще отмечается женщинами (60,9% против 52,5% среди мужчин). При этом позиции мужчин и женщин по поводу масштабов потребления и восприятию рисков санкционного давления близки.

Введение санкций определило сложности с ремонтом товаров иностранного производства для 49,8% (табл. 2). Менее чувствительными к этой проблеме оказались россияне в возрасте 45–54 лет (44,4%), тогда как люди старшего поколения отмечают ее чаще.

Таблица 2

Зависимость между появлением сложностей с ремонтом товаров иностранного производства и оценкой респондентами изменения материального положения после введения санкций (в % от опрошенных)

Ответы на вопрос: «Если говорить в целом, то изменилось ли после введения санкций ваше материальное положение?»	Сложности с ремонтом товаров иностранного производства	
	да	нет
Да, в лучшую сторону	62,1	37,9
Да, в худшую сторону	55,0	45,0
Нет, не изменилось	39,1	60,9
Затрудняюсь ответить	45,3	54,7
<i>Среднее значение по выборке</i>	<i>49,8</i>	<i>50,2</i>

³ Утверждение «Снизилась доходы» в ответе на вопрос «Какие из перечисленных ниже жизненных обстоятельств коснулись вас за время введения санкций?»

Существенных расхождений в ответах респондентов в зависимости от пола, семейного положения или типа поселения нет. Неоднозначны оценки взаимосвязи изменения материального положения опрошенных после введения санкций и наличия сложностей с ремонтом иностранных товаров. Наиболее высок разрыв в оценках среди тех, кто оценил изменение материального положения после введения санкций в лучшую сторону. Можно предположить наличие связи между материальным положением (а соответственно, высокими покупательскими возможностями, ориентацией на иностранный сегмент рынка) и возникновением трудностей с ремонтом зарубежных товаров.

Социальные настроения россиян в условиях кризиса. Введение санкций, по мнению 35,4%, повлекло за собой рост преступности. Оно одинаково разделяется мужчинами и женщинами. В то же время меньше всего склонны отмечать увеличение частоты совершаемых краж молодые люди в возрасте 18–29 лет (28,1%), тогда как россияне в возрасте 30–44 лет и старше 65 лет (40,1 и 40,6%) высказывают больше опасений по поводу роста преступности. Среди тех, кто оценивает свое материальное положение как плохое, больше доля ответивших положительно на вопрос о росте преступности. Возможно, это следствие общего депрессивного состояния россиян с плохим материальным положением.

Эмоциональный компонент социального самочувствия находит отражение в состоянии тревожности и неуверенности в завтрашнем дне⁴, которые испытывают россияне (58,5%) после введения санкций. Данная тенденция больше распространена в возрастной группе 55–64 лет (63,3%), тогда как молодежь более оптимистична (51,1%). Женщины в сравнении с мужчинами демонстрируют более высокий уровень тревожности и неуверенности в завтрашнем дне (61,5 и 54,5% соответственно). При этом среди женщин, состоящих в браке, уровень тревожности и неуверенности в завтрашнем дне выше, чем у одиноких (62,4% против 55,0%). Эта тенденция находит подтверждение в исследованиях других ученых, которые отмечают большую чувствительность женщин к страхам и неопределенности [Гребняк, Новоженина, 2022].

Экономические перемены не только повышают уровень тревожности в обществе, но и провоцируют возникновение конфликтов. Почти половина опрошенных (43,6%) отмечают, что с введением санкций у них участились конфликты⁵. Доля ответивших положительно на данный вопрос выше в возрастной группе 65 лет и старше (48,2%) и меньше в возрастной группе 18–29 лет (38,0%). Чаще положительный ответ давали мужчины (46,2% против 41,8% среди женщин). Конфликты участились в большей степени среди официально состоящих в браке (46,3% против 41,1% одиноких). Существенно выше доля отметивших увеличение частоты конфликтов среди сельских жителей (51,5% против 41,4% среди горожан). Анализ мнения опрошенных о росте частоты конфликтов в связи с их оценкой материального положения после введения санкций (табл. 3) показал, что среди имеющих плохое материальное положение значительно выше доля тех, кто отметил участвовавшие конфликты (56,1%, что выше средних значений на 12,5 п.п.).

Предпринималась попытка выявить детерминанты социального самочувствия населения. Была рассчитана корреляционная зависимость между их наличием и появлением чувства тревожности/неуверенности в завтрашнем дне. Среди россиян, вынужденных изменить образ жизни и уменьшить траты⁶, наиболее высока доля испытывающих тревожные настроения (71,8%, что выше средних значений по выборке на 13,3 п.п.). Расчет значений χ^2 позволил подтвердить гипотезу о детерминированности социального самочувствия населения фактором разрушения привычного образа жизни. Сложности с работой/

⁴ Утверждение: «Появилось чувство тревожности/неуверенность в завтрашнем дне» в ответе на вопрос «Какие из перечисленных ниже жизненных обстоятельств коснулись вас за время введения санкций?»

⁵ Утверждение «Участились конфликты» в ответе на вопрос «Какие из перечисленных ниже жизненных обстоятельств коснулись вас за время введения санкций?»

⁶ Утверждение «Пришлось изменить образ жизни, уменьшить траты» при ответе на вопрос «Какие из перечисленных ниже жизненных обстоятельств коснулись вас за время введения санкций?»

Таблица 3

Зависимость между мнением респондентов о росте частоты конфликтов и оценкой респондентами материального положения после введения санкций
(в % от опрошенных по строке)

Ответы на вопрос: «Как бы вы оценили свое материальное положение?»	Участились конфликты	
	да	нет
Хорошо	45,4	54,6
Средне	39,8	60,2
Плохо	56,1	43,9
Затрудняюсь ответить	38,3	61,7
Среднее значение по выборке	43,6	56,4

Таблица 4

Зависимость между мнением респондентов о росте частоты конфликтов и оценкой изменения образа жизни после введения санкций (в % от опрошенных)

Параметр	Число степеней свободы	Значение критерия χ^2	Критическое значение χ^2 при уровне значимости $p = 0.01$ составляет 6.635
Снизилась доходы	равно 1	370.109	Связь между факторным и резуль- тативным признаками ста- тистически значима при уровне значимости $p < 0.01$ Уровень значимости $p < 0,001$
Нет привычных товаров		178.236	
Пришлось изменить образ жи- зни, уменьшить траты		529.035	
Сложности с работой/потеря работы		249.620	

ее потеря оказали куда меньшее влияние на рост тревожности, чем необходимость изменить образ жизни и уменьшить траты. Данный фактор оказался самым болезненным для россиян, в то время как отсутствие привычных товаров – наименее значимым (табл. 4).

Адаптивные стратегии россиян. Снижение доходов и сложности с работой стали катализатором трансформации привычного образа жизни россиян. Подавляющее большинство (62,1%) вынуждены были уменьшить свои траты и изменить образ жизни (табл. 5). Указанная закономерность находит подтверждение и в других российских исследованиях: ученые делают вывод о запуске «механизма понижающей адаптации» в условиях кризиса [Скуденков, 2022].

Изменение образа жизни свойственно как тем, кто улучшил свое материальное положение, так и тем, кто его ухудшил. Можно предположить, что даже социальные группы, ставшие бенефициарами от введения санкций, почувствовав новые веяния времени, стали более осторожны в своем экономическом поведении.

Таблица 5

Зависимость между изменением образа жизни/сокращением трат и оценкой респондентами изменения материального положения после введения санкций
(в % от опрошенных)

Ответы на вопрос: «Если говорить в целом, то изменилось ли после введения санкций ваше материальное положение?»	Пришлось изменить образ жизни, уменьшить траты	
	да	нет
Да, в лучшую сторону	62,8	37,2
Нет, не изменилось	45,7	54,3
Да, в худшую сторону	78,3	21,7
Затрудняюсь ответить	54,0	45,7
Среднее значение по выборке	62,1	37,9

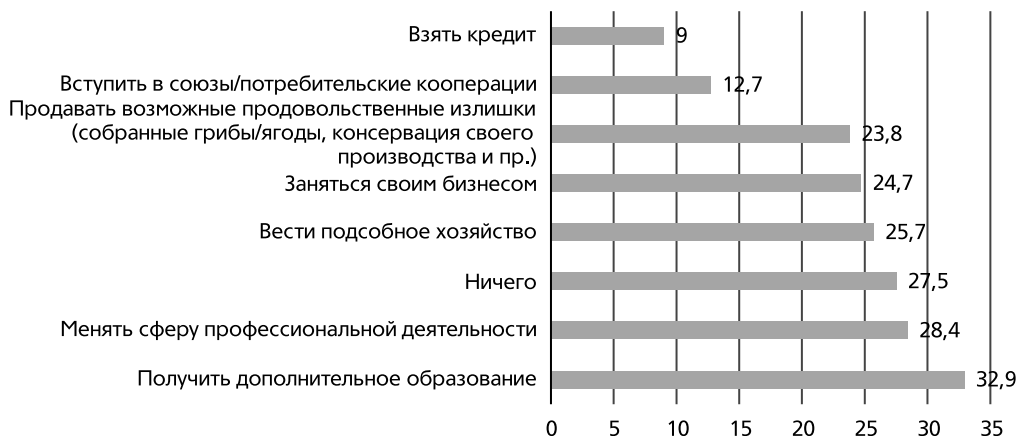

Рис. Распределение ответов на вопрос: «Что из перечисленного вы планируете предпринять в ближайшее время, учитывая ситуацию кризиса и введение санкций?», множественный выбор, в % от опрошенных

Что же россияне готовы предпринять для компенсации негативных последствий? Распределение ответов на этот вопрос (рис.) показало, что получение кредита не востребовано населением. «Потенциал» данного механизма скорее всего представляет значительные риски в условиях кризиса или уже исчерпал себя. Практически треть респондентов (30,9%) с начала санкций (в большинстве это жители сельских поселений) вынуждены были обратиться за кредитом. Данная практика оказалась более востребованной россиянами в возрасте 65 лет и старше (выше средних значений на 4,7 п.п.), тогда как молодежь в возрасте 18–29 лет продемонстрировала меньшую заинтересованность в кредитовании. Такой фактор, как семейное положение, не оказал влияния на распределение ответов.

Почти четверть опрошенных высказывают желание заниматься своим бизнесом, вести подсобное хозяйство и продавать возможные производственные излишки. Указанные меры могут рассматриваться в качестве компенсатора негативных последствий от снижения доходов населения. Практически каждый третий задумался о смене профессиональной деятельности, а также о необходимости получения дополнительного образования. Вместе с тем 27,5% респондентов не планируют ничего предпринимать (вариант ответа «ничего»).

Таким образом, планы россиян чаще представляют нацеленность на максимизацию адаптационных ресурсов: открытие бизнеса, получение дополнительного образования и пр. Можно предположить наличие позитивного потенциала в установках россиян даже в неблагоприятных экономических условиях. Беспрецедентное давление антироссийских санкций, рост тревожности, отсутствие гарантий сохранения рабочего места и усиливающиеся финансовые риски зафиксировали точку бифуркации, где каждый социальный субъект оказывается перед необратимым выбором альтернативных поведенческих траекторий: от пассивной, выжидательной позиции до активных, созидательных действий (см.: [Ананьев, 1969]). Результаты исследования позволяют сделать осторожные выводы об активизации социальных ресурсов общества в ситуации кризиса [Рогач и др., 2022]. Данные практики особенно востребованы в условиях необходимости ускорения технологического развития РФ [Мандыч и др., 2022]. Схожие тенденции отмечаются в других исследованиях (см.: [Соян, Монгуш, 2021]).

Закключение. Экономический кризис существенно сказался на потребительском поведении: большинство опрошенных отметили отсутствие продукции иностранного производства, закрытие привычных магазинов, сложности с ремонтом товаров. Молодежь острее ощутила уход иностранных компаний, в то же время представители старшего

поколения в меньшей степени ощутили ухудшение экономической обстановки и в основном не поменяли образ жизни. Отмечены гендерные различия: женщины более тревожны и восприимчивы к падению доходов и необходимости изменений в потреблении.

Установлена прямая зависимость между социальным самочувствием населения и изменением привычного образа жизни. Среди тех, кто был вынужден изменить образ жизни и уменьшить траты, наиболее высока доля испытывающих тревожные настроения. Данный фактор оказался самым болезненным для россиян (в сравнении, например, со сложностями на работе или ее потерей), в то время как отсутствие привычных товаров – наименее значимым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1969.

Гребняк О.В., Новоженкина О.П. Структура социальной тревожности российского общества: гендерный акцент // Наука. Культура. Общество. 2022. № 28 (25). С. 24–35. DOI: 10.19181/nko.2022.28.25.2. EDN KNQPPC

Мандыч И.А., Быкова А.В., Гейман О.Б. Особенности оценки инвестиционной привлекательности высокотехнологичных проектов // Russian Technological Journal. 2022. № 10(2). С. 75–86. <https://doi.org/10.32362/2500-316X-2022-10-2-75-86>.

Рогач О.В., Фролова Е.В., Медведева Н.В. Туристский потенциал российских территорий: позиция муниципальных органов власти. Вопросы экономики. 2022. № 9. С. 125–138. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-9-125-138.

Скуденков В.А. Экономические притязания в условиях мобилизации // Социология. 2022. № 5. С. 80–87.

Соян Ш.Ч., Монгуш О.Н. Самооценка материального положения молодежи Тувы // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 153–157. DOI: 10.31857/S013216250015549-6.

Статья поступила: 16.01.23. Финальный вариант: 09.04.23. Принята к печати: 10.04.23.

SOCIAL WELL-BEING OF RUSSIANS IN THE SPRING OF 2022

FROLOVA E.V.^{*}, ROGACH O.V.^{**}

^{*} Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

^{**} MIREA – Russian Technological University

Elena V. FROLOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (efrolova06@mail.ru); Olga V. ROGACH, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia (rogach16@mail.ru).

Abstract. Based on the materials of the All-Russian sociological survey conducted in May 2022, changes in the situation of citizens after the introduction of external sanctions are analyzed. Almost half of Russians faced problems at work, there is a massive decline in incomes of the population, two-thirds were forced to change their lifestyle. Despite the general increase in anxiety, the majority of Russians are focused on the implementation of new life strategies and actively plan their future: get an education, go into business, change jobs. There is a relationship between the change in the social well-being of the population and such a factor as the destruction of the usual way of life. Difficulties with work, the disappearance of familiar goods have a much lesser effect on the growth of anxiety among social groups in Russian society than the need to reduce spending and change lifestyles

Keywords: social well-being, anxiety, life strategy, lifestyle, sanctions, consumption.

REFERENCES

- Ananiev B.G. (1965) Man as an object of knowledge. L. (In Russ.)
- Grebnyak O.V., Novozhenina O.P. (2022) The Structure of Social Anxiety in Russian Society: Gender Accent. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. [Nauka. Culture. Society]. No. 28 (2S): 24–35. DOI: 10.19181/nko.2022.28.2S.2. EDN KNQPPC (In Russ.)
- Mandych I.A., Bykova A.V., Gaiman O.B. (2022) *Features of assessing the investment attractiveness of high-tech projects. Russian Technological Journal*. No.10 (2): 75–86. <https://doi.org/10.32362/2500-316X-2022-10-2-75-86>. (In Russ.)
- Rogach O.V., Frolova E.V., Medvedeva N.V. (2022) Tourist potential of Russian territories: the position of municipal authorities. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics]. 2022. No. 9. P. 125–138. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-9-125-138. (In Russ.)
- Skudencov V.A. (2022) Economic claims in the context of mobilization. *Sotsiologiya* [Sociology]. No. 5: 80–87. (In Russ.)
- Soyan Sh.Ch., Mongush O.N. (2021) Self-assessment of the financial situation of the youth of Tuva. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research]. No. 10: 153–157. DOI: 10.31857/S013216250015549-6. (In Russ.)

Received: 16.01.23. Final version: 09.04.23. Accepted: 10.04.23.

Размышления над новой книгой

© 2023 г.

И.В. ОБРАЗЦОВ

ВОЙНА В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИОЛОГИИ

ОБРАЗЦОВ Игорь Владимирович – доктор социологических наук, профессор, заведующий социологической лабораторией, профессор кафедры социологии Московского государственного лингвистического университета (igorobraztsov@rambler.ru).

Аннотация. На основе сравнительного анализа содержания зарубежных изданий – учебника У. Дж. Скотта и др. «Военная социология. Вводный курс» (2022) и монографии С. Малешевица «Почему люди воюют. Социальная динамика насилия на уровне межличностных взаимодействий» (2022) – рассматриваются место и роль войны в предметной области социологии. В контексте двух основных подходов, реализованных в рецензируемых изданиях («военной социологии» и «социологии войны»), излагаются их преимущества и недостатки при анализе причин и роли войн и насилия на современном этапе общественного развития. Делается вывод о повышенном внимании зарубежных исследователей к изучению войны как социального феномена на фоне игнорирования данной проблематики в отечественной социологии.

Ключевые слова: военная социология • военный конфликт • война • насилие • социология войны • социологическая литература

DOI: 10.31857/S013216250025809-2

Социологическая литература обогатилась двумя знаковыми изданиями. Во-первых, после большого перерыва появился новый полноценный учебник по военной социологии¹, авторами которого выступили профессора Военно-воздушной академии США, университетов Оклахомы и Мэриленда У. Скотт, К. де Анжелис и Д. Сигал «Военная социология. Вводный курс» [Scott et al., 2022]. Работа выполнена в жанре учебной литературы, а ее адресатами являются студенты университетов, специализирующиеся в области социологии и международных отношений. Во-вторых, вышла монография одного из самых авторитетных западных социологов в области изучения проблем войны и насилия профессора Университетского колледжа в Дублине С. Малешевица «Почему люди воюют. Социальная динамика насилия на уровне межличностных взаимодействий» [Malešević, 2022].

Знакомство с данными работами представляет интерес в связи с тем, что аналогичные отечественные издания по военной социологии демонстрируют полное незнание/игнорирование их авторами зарубежного опыта в этой области (см.: [Образцов, 2019]). К тому же, в отличие от разрозненных представлений российских исследователей о месте и роли войны в предметной области социологии (см.: [Образцов, 2020]), западные

¹ Появление первого учебника по военной социологии общепринято связывать с именами американских исследователей Ч. Коутса и Р. Пеллегринна [Coates, Pellegrin, 1965], вместе с тем менее известный для западной аудитории учебник одного из патриархов польской политической и военной социологии Е. Вятра был опубликован на год раньше [Wiatr, 1964].

ученые демонстрируют два сложившихся подхода, которые и характеризуют рецензируемые издания.

Первое направление, имеющее наибольшее число приверженцев, традиционно связывает войну как крайнюю форму проявления военных конфликтов с ее главным актором – вооруженными силами и, следовательно, относит ее к предметной области военной социологии. Именно данный подход реализован в американском учебнике, где анализу войны непосредственно посвящены четыре из 13-ти глав, и еще в шести главах рассматривается опосредованный характер ее влияния на различные аспекты функционирования вооруженных сил и гражданско-военных отношений.

Предметная область военной социологии рассматривается американскими исследователями в двух ракурсах: расширенном («междисциплинарном») и зауженном («строго дисциплинарном»). Для обозначения первого из них используется термин «военная социология» (*military sociology*), «охватывающий возможности как социологии, так и других социальных наук – психологии, истории, антропологии и политологии для изучения войны и военной сферы» (*war and military*). Во втором случае – «для обозначения той части «военной социологии», которая в строгом смысле является социологической дисциплиной, используется термин «социология военной организации» (*sociology of the military*)² [Scott et al., 2022: 14]. И хотя последняя изучает особенности функционирования вооруженных сил и других элементов военной инфраструктуры в мирное и военное время, все же сама война относится авторами к предметной области «военной социологии», позволяющей ей на междисциплинарном уровне изучать структуру и механизмы зарождения и функционирования этого сложного социального феномена.

В учебнике на обширном фактическом материале («иллюстративных кейсах») описаны различные типы войн: «большие» (межгосударственные, в которых друг другу противостоят регулярные армии воюющих сторон, сопровождающиеся большим числом человеческих жертв), «малые» («асимметричные», где сторонами вооруженных конфликтов помимо армий также могут выступать иррегулярные вооруженные формирования, повстанцы и террористические группы/сети) и «новые». Последние, помимо черт двух предыдущих типов, также включают «технологическое волшебство» XXI в. в виде разнообразных информационных технологий и роботизированных средств вооруженной борьбы («механизации смертельно-го насилия» как способа «деперсонификации связи с жертвой»).

Авторы заключают, что хотя «войны и содержат отчетливое военное измерение, но они обычно не имеют военного решения». «Применение только военных мер не может само по себе ни восстановить мир, ни способствовать удержанию власти, потому что фундаментальные причины всех конфликтов и беспорядков имеют политический, экономический и социальный характер» [ibid.: 144]. Относительно будущего прогноз авторов неутешителен: «В современном мире потенциально осуществимыми являются все возможные типы войн... возможно, даже «немыслимая» – «большая» ядерная война» [ibid.: 224].

Реализованный авторами междисциплинарный подход позволил осуществить всесторонний анализ различных типов войн, но четкое выделение особенностей их рассмотрения именно через «социологическую линзу» могло бы значительно обогатить этот труд. Кроме того, в учебнике реализован ставший традицией *американоцентричный характер* изложения материала – большинство теорий и кейсов-исследований основаны на американских источниках и американском опыте³.

² При всей многозначности термина «*military*», прежде всего, в словосочетаниях: «*war and military*» и «*sociology of the military*», мы полагаем, что наиболее точно его содержание в зависимости от определенного контекста соответствует таким русскоязычным понятиям, как «военная организация/институт» и «вооруженные силы/армия». При этом наиболее универсальным представляется его использование в виде более широкого понятия «военной организации», включающей помимо основного компонента – вооруженных сил, и другие элементы оборонной инфраструктуры. Следовательно, под термином «*sociology of the military*» мы предлагаем понимать «социологию военной организации».

³ Из 48 «иллюстративных кейсов» 30 принадлежат перу американских авторов и 18 – представителям Великобритании, Израиля, Франции, Нидерландов и др.

Второе направление, менее популярное, связывает изучение войны с одноименной отраслью социологической науки – социологией войны. С. Малешевич, один из его последовательных представителей, предлагает рассматривать феномен войны в долгосрочной исторической ретроспективе и в более широком контексте насильственных форм социальных взаимодействий в рамках «социологии войны и насилия»⁴.

В своей новой работе в поисках ответа на вопрос: «Почему люди воюют?» он реализует микросоциологический подход, опускаясь на уровень «межличностных взаимодействий», и для этого вводит в научный обиход понятие «социальной пагнесивности» (social pugnacity), общепринятое использование которого «подразумевает внутреннюю агрессивность, пугающий или конфронтационный характер человека», но, по его мнению, «исходный латинский термин “pugna”, “pugno”, “pugnatum” представляется более нейтральным» [Malešević, 2022: 8].

«Социальная пагнесивность» в интерпретации Малешевича «это не отдельный атрибут, являющийся продуктом биологии или психологии, а социальное явление – результат совокупного взаимодействия принудительных мер социальных организаций (институций), идеологической обработки и динамики межличностных взаимоотношений» [ibid.: 9]. Как нам представляется, наиболее адекватным аналогом данного термина в русском языке может служить «социальная воинственность» как базовая стадия последующих ее состояний: конфронтационности и агрессивности.

Пагнесивность/воинственность рассматривается им в качестве социального процесса, существующего как до, так и после «фактической» физической конфронтации – «убийства и умирания на поле боя» [ibid.: 158]. Он связан с формированием коллективного настроя всего общества и/или отдельных его слоев и социальных групп (прежде всего, «комбатантов») на принятие и одобрение целей войны, участие в ней и готовности к самопожертвованию и осуществлению актов насилия.

Главную проблему, связанную с поддержанием необходимого уровня «социальной пагнесивности», автор видит в «избегании насилия» большинством индивидов «в проблеме индивидуальной неготовности военнослужащих сражаться и убивать врага» [ibid.: 322]. И здесь важнейшую роль, как уже отмечалось, призваны сыграть три основных механизма: 1) деятельность государственных институтов («бюрократизация принуждения к насилию»), 2) поддерживающая идеология, достаточно сильная, чтобы оправдать использование летальных средств и способов борьбы («центрифугальная идеологизация»)⁵, а также 3) «интенсивность межличностных взаимодействий» в первичных группах: «Мы сражаемся и убиваем лучше всего в присутствии других, чтобы произвести впечатление, угодить, соответствовать их ожиданиям, скрывать страх, получать выгоду, чтобы избежать стыда... и именно эти социальные связи делают нас одновременно и мучениками, и убийцами» [ibid.: 142, 184].

В боевых условиях, особенно в ближнем бою, когда комбатанты часто оказываются «парализованы страхом, беспокойством и ужасом», особенно остро встает проблема повышения их боеспособности. И здесь военные организации наработали различные методы, которые «удерживают солдат на полях сражений» с помощью: мобилизаций, военного обучения персонала, боевого слаживания подразделений, действий военной полиции, жестоких наказаний за неподчинение и дезертирство, «устоявшихся практик стыда и эмоционального шантажа» [ibid.: 322–323]. На многочисленных примерах автор демонстрирует использование подобных практик «во времени и пространстве».

Что важно, Малешевич однозначно относит «социальную пагнесивность» к сфере изучения социологии. «Насильственные действия, как и любая другая форма социальных

⁴ Обоснованию развития этой отрасли социологической науки именно в данной интерпретации посвящена его предыдущая монография [Malešević, 2010].

⁵ Особую роль С. Малешевич отводит идеологии национализма. «На войне национализм обеспечивает выход из дилеммы: ценить человеческую жизнь или отнять ее, объявляя действия членов своей национальной группы морально справедливыми и дегуманизируя врагов, чьи действия доказывают их внутреннюю бесчеловечность» [ibid.: 142–143].

действий, включают в себя стандартные социальные процессы, которые могут быть объяснены с использованием определенных инструментов социологического анализа» [ibid.: 323]. К сожалению, он не описывает такие «инструменты».

Неоднократно обращаясь к результатам исследований морального духа вермахта, проведенных Э. Шилзом и М. Яновицем в годы Второй мировой войны, Малешевич также подтверждает в качестве важнейшего фактора «социальной пагнесивности» *внутригрупповую сплоченность* (group cohesion) *боевых подразделений*. Однако он почему-то игнорирует предложенные данными авторами стадии дезинтеграции – «социального распада боевых единиц» в виде: 1) дезертирства, 2) активной и 3) пассивной сдачи в плен, 4) обычного сопротивления и 5) сопротивления «до последнего» [Shills, Janowitz, 1948: 282]. Их вполне можно было бы использовать для определения уровня пагнесивности/воинственности в континууме «от активного ненасилия до чрезвычайного насилия». Отсутствие в работе Малешевича подобных индикаторов/шкал придает ей несколько незавершенный характер.

В целом оба рецензируемых издания демонстрируют основные направления научно-го поиска западных исследователей в изучении войны как на макро-, так и на микро-социологическом уровне и варианты представления ее в предметной области социологической науки.

Социология как наука о *современном* обществе должна держать в исследовательском фокусе все общественно значимые явления и процессы, но «без какого-либо учета проблем организованного принуждения (насилия) и войны [социологический] анализ обречен не только на редукционизм и неполноту, но также может привести к искажению социальной реальности» [Malešević, 2010: 335].

Именно это, по нашему мнению, характерно для отечественной социологии, для которой традиционно тема войн и вооруженных конфликтов «стыдливо» и/или конъюнктурно оказывается «невидимой» и «недоступной». Как, например, не только Афганское военное десятилетие – для советских социологов, но обе чеченские и грузинская военные кампании/операции – для их российских коллег также остались вне сферы исследовательского интереса и внимания. Продолжают оставаться неисследуемыми и нынешние события военной операции в Сирии и специальной военной операции (СВО) на Украине. Пока все в лучшем случае ограничивается измерениями «обогащенного» [Fishkin, 1995] государственными СМИ общественного мнения населения о характере его отношения к СВО (при дискуссионности «достижимости» и «откровенности» опрашиваемых). Не случайно фиксируется готовность респондентов «соглашаться с любыми решениями руководства страны и поддерживать “своих” против “чужих”, не особо вдаваясь в размышления о смыслах и подробностях противостояния» как проявление «доминирующей власти официального нарратива» [Звоновский, Ходыкин, 2022: 51].

Единичные попытки теоретических исследований также вряд ли можно назвать обнадеживающими. Пример – работа с претенциозным названием «Война в XXI веке» [Куманьков, 2020], от которой читатель вправе ожидать анализа содержания *современных войн*. Но в итоге он получает «беспредметное» (без упоминания хотя бы одного значимого современного военного конфликта) и аморфное описание «тактик»⁶ «современной войны», а также ретроспективный – со времен античности разбор этико-правовых взглядов на акты вооруженного насилия.

Рано или поздно данная проблематика «неожиданно» войдет в повседневную жизнь российского социума вместе с процессами реинтеграции в него сотен тысяч участников боевых действий, отягощенных последствиями посттравматического синдрома на постконфронтационной стадии «социальной пагнесивности», что неизбежно потребует

⁶ Использование автором при анализе войн термина «тактика» не в общепринятом значении составной части военного искусства (теории и практики подготовки и ведения боя соединениями, частями (кораблями) и подразделениями), а для обозначения неких «концептуальных действий» вызывает недоумение.

осмысления и научного анализа новой реальности. И скромных возможностей «суверенной отечественной социологии» [Кравченко, 2023: 59] окажется здесь недостаточно. Вот тогда, возможно, будут востребованы как рассмотренные выше, так и другие исследования зарубежных авторов по данной тематике (см., напр.: [Malešević 2010; Marlantes, 2011; Wimmer, 2012; Fry, 2013; Scheipers, 2014; Centeno, Enriquez, 2017; Lippard, Osinsky, Strauss, 2018; Lyall, 2020; Сутерс, 2021; Blattman, 2022]), а война как социальный феномен обретет свое место в предметном поле отечественной социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Отражение культурной власти геополитического нарратива в коллективных представлениях россиян о специальной военной операции // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 38–53. [Zvonovskiy V.B., Khodykin A.V. (2022) Reflection of the Cultural Power of the Geopolitical Narrative in the Collective Perceptions of Russians about the Special Military Operation in Ukraine. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 38–53. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250021524-9.
- Кравченко С.А. Геополитические вызовы и отечественная социология // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 51–62. [Kravchenko S.A. (2023) Geopolitical Challenges and Russian Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 51–62. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250022096-8.
- Куманьков А.Д. Война в XXI веке. М.: ВШЭ, 2020. [Kumankov A.D. (2020) *War in the XXI Century*. Moscow: VSHE. (In Russ.)]
- Образцов И.В. Война как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 106–116. [Obraztsov I.V. (2020) War as an object of sociological analysis. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 106–116. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250010207-0.
- Образцов И.В. Российская военная социология сегодня // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 168–173. [Obraztsov I.V. (2019) Russian military sociology today. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 168–173. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250005806-9.
- Сутерс Дж. Социология и военные исследования. Классические и современные основания / Пер. с англ. В.В. Белоусова. М.: ВЦИОМ, 2021. [Soeters J. (2021) *Sociology and Military Studies: Classical and Current Foundations*. Transl. by V.V. Belousova. Moscow: VTsIOM (In Russ.)]
- Blattman C. (2022) *Why We Fight: The Roots of War and the Paths to Peace*. London: Viking.
- Centeno M.A., Enriquez E. (2017) *War and Society*. Cambridge: Polity.
- Coates C.H., Pellegri R.J. (1965) *Military Sociology: A Study of American Military Institutions and Military Life*. University Park, MD: Social Science Press.
- Fishkin J.S. (1995) *The Voice of the People: Public Opinion and Democracy*. Press New Haven: Yale University.
- Fry D.P. (ed.) (2013) *War, Peace and Human Nature: The Convergence of Evolutionary and Cultural Views*. Oxford: Oxford University Press.
- Lippard C., Osinsky P., Strauss L. (2018) *War: Contemporary Perspectives on Armed Conflicts around the World*. London: Routledge.
- Lyall J. (2020) *Divided Armies: Inequality and Battlefield Performance in Modern War*. Princeton: Princeton University Press.
- Malešević S. (2010) *The Sociology of War and Violence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Malešević S. (2022) *Why Humans Fight. The Social Dynamics of Close-Range Violence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Marlantes K. (2011) *What it is Like to Go to War*. New York: Atlantic Monthly Press.
- Scheipers S. (ed.) (2014) *Heroism and the Changing Character of War*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Scott W.J., De Angeles K.M., Segal D.R. (2022) *Military Sociology. A Guided Introduction*. London, New York: Routledge.
- Shills E.A., Janowitz M. (1948) Cohesion and Disintegration in the Wehrmacht in World War II. *Public Opinion Quarterly*. 12: 280–350.
- Wiatr J.J. (1964) *Socjologia wojska*. Warszawa: Wydawnictwo MON. [Wiatr J.J. (1964) *Military Sociology*. Warsaw: MON. (In Pol.)]
- Wimmer A. (2012) *The Waves of War: Nationalism, State Formation and Ethnic Exclusion in the Modern World*. Cambridge: Cambridge University Press.

WAR IN THE SUBJECT FIELD OF MODERN FOREIGN SOCIOLOGY

OBRAZTSOV I.V.

Moscow State Linguistic University, Russia

Igor V. OBRAZTSOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., the Department of Sociology, Head of Sociological Laboratory, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia (igorobraztsov@rambler.ru).

Abstract. Based on the comparative analysis of the latest foreign publications: the textbook by W.J. Scott, K.M. De Angelis, D.R. Segal "Military Sociology. A Guided Introduction" (2022) and S. Malešević's monograph "Why Humans Fight: The Social Dynamics of Close-Range Violence" (2022) the author examines the place and role of war in the subject area of sociology. In the context of two main approaches implemented in reviewed publications: "military sociology" and "sociology of war", both their advantages and disadvantages are outlined when analyzing the causes and role of wars and violence at the present stage of social development. The author concludes that the attention of foreign researchers to the study of war as a social phenomenon is a stark contrast to increased against ignoring this problem in Russian sociology.

Keywords: military sociology, military conflict, review, sociological literature, sociology of war, violence, war.

Коротко о книгах

ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ РАДИКАЛИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА: сб. статей / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2023. 384 с.

Сборник статей содержит разработку теоретических, правовых, социально-антропологических подходов к проблемам экстремизма и радикализма, которые проявляются в России и в мире в разных формах – от идеологических концепций до насильственных форм, включая терроризм. Освещены итоги исследований в этой области в рамках научного сотрудничества Российской академии наук и Национальной академии наук США, правовые нормы и правоприменительная практика в отношении экстремизма в странах Европы и в международно-правовых документах. Социологический анализ на предмет рисков радикализации среди российской молодежи выполнен на примере Московского и других регионов РФ, риски радикализации и возможного рекрутирования в экстремистские идеологии и сообщества рассмотрены на примере мигрантских сообществ. Научный интерес представляют социально-психологические подходы в анализе личностей и групп, вовлеченных в экстремистские идеи и практические действия. Рассмотрены проявления насильственного экстремизма в форме молодежных субкультурных группировок типа АУЕ в России и т.н. Колумбайна (школьных расстрелов), проявившиеся масштабно в США. Оба явления рассмотрены с точки зрения общественного восприятия и судебно-правовой практики под углом феномена «моральной паники» (неадекватной квалификации явления без его должного обоснования и под влиянием общественных настроений и политических установок). Сборник имеет не только научное, но и практическое значение для понимания и противодействия экстремизму и радикализму в российском обществе и в мире в целом.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ / Отв. ред. Е.А. Авдеев. Ставрополь: Бюро новостей, 2022. 164 с.

Книга раскрывает исторические особенности и современную специфику этнокультурного взаимодействия народов Северного Кавказа, социокультурные основания идентичности полиэтничной молодежи региона и роль массовых коммуникаций в формировании идентичности молодых людей. На основе результатов социологического исследования определены ценностные основания российской, этнической, конфессиональной и региональной идентичности молодежи, оценки и представления молодых людей в сфере межнациональных отношений. Монография носит междисциплинарный характер, обобщает опыт социокультурного взаимодействия на Северном Кавказе, результаты социологического исследования полиэтничной молодежи и знакомит читателя с исследованиями молодых ученых.

Зиганшин Р.М. МЯГКАЯ СИЛА КИТАЯ: ИСТОКИ, АНАЛОГИИ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА / Отв. ред. А.М. Хазанов. М.: ИВ РАН, 2022. 316 с.

Включаясь в сложный и противоречивый процесс исследования феномена и понятия «мягкая сила», автор поставил задачу не только раскрыть это понятие и сам феномен, но и проследить его происхождение, культурно-исторические истоки, показать проявление на практике на примерах культуры и политики стран Запада и Китая. Сделать это через конкретные философско-идеологические построения, конструкции и исторические примеры. Провести анализ, сравнение, аналогии, обосновывая одновременно и актуальность темы для сегодняшнего времени.

Марков Б.В. НЕЗАВЕРШЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ФРАНКФУРТСКОЙ ШКОЛЫ. СПб.: Береста, 2022. 468 с.

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена анализу политической философии представителей Франкфуртской школы. В центре внимания автора – проект негативной диалектики, на основе которой возможна эмансипация людей, охваченных мощными пропагандистскими машинами современности. В книге предпринята попытка осмысления критико-идеологического проекта в условиях современности. Автор отмечает, что положительным достижением Франкфуртской школы является открытие новых неревOLUTIONционных, неполитических форм протеста, которые выражаются в акциях

представителей культурного авангарда, следовательно, сегодня не классовая борьба, а изменение форм жизни становится главной стратегией социальных преобразований.

Книга адресована специалистам, размышляющим о путях трансформации общества, и широкому кругу читателей, обеспокоенных рисками модернизации.

Ильичева М.В. ГОСУДАРСТВО И ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ЦИФРОВАЯ ДОМИНАНТА. М.: Проспект, 2022. 176 с.

В монографии анализируется взаимодействие государства и институтов гражданского общества в цифровой реальности. Автор обращается к аспектам формирования новых субъектов гражданского общества в цифровой реальности, определяет современные тенденции развития цифровой среды и их влияние на взаимоотношения гражданского общества и государства в новых политических процессах и реалиях. Особое внимание уделено разработке предложений по совершенствованию механизмов этого взаимодействия на основе цифровых информационно-коммуникационных технологий. Рекомендуются для студентов высших учебных заведений и специалистов, занятых исследованием актуальных проблем современной России, а также для заинтересованных читателей.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ В 2022 ГОДУ / Отв. ред. В.К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 549 с.

В монографии изложены результаты научных исследований, выполненных сотрудниками ИСПИ ФНИСЦ РАН в рамках тематики государственных заданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Главным событием 2022 года, определившим социально-политическую ситуацию в стране, стала специальная военная операция РФ на Украине и вызванные ею санкции недружественных стран Запада. В монографии отражены результаты исследований социально-политической и социально-демографической ситуации в стране, проведенных сотрудниками института и касающихся актуальных проблем жизнедеятельности российского гражданского общества и социального государства. Монография адресована исследователям, аналитикам, преподавателям, аспирантам, студентам, специализирующимся на изучении социально-политических процессов и социально-демографических процессов, политикам, организаторам и активистам избирательных кампаний, управленческому персоналу.

Паин Э.А. ЭТНИЧНОСТЬ, НАЦИЯ И ПОЛИТИКА: КРИТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ ПО ЭТНОПОЛИТОЛОГИИ. М.: НЛО, 2023. 392 с.

Книга обобщает более чем 40-летние исследования и наблюдения автора как академического ученого, университетского преподавателя и советника Президента России по национальной политике (1996–1999). В ней три части. Первая часть («Теория») посвящена дискуссионным вопросам о сущности этнических и национальных явлений в их связи с политическими факторами. Здесь автор представляет свой подход к известным концепциям изучения этничности и нации, а также свои теоретические концепции, такие как «имперский синдром». Во второй части книги («История») представлен анализ радикальных колебаний этнонациональной политики в СССР и в современной России с позиций авторской концепции «этнополитического маятника». В третьей части («Практика управления») проанализированы ключевые концепции этнополитического управления в полиэтничных обществах и предложены некоторые корректировки современной российской «национальной политики» в свете парадигмы «управления культурным разнообразием».

Подготовила Э. БИЙЖАНОВА

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2023 No. 5

CONTENTS

THEORY. METHODOLOGY

- 3 GOFMAN A.B. Domination of Domination Idea: "The Will to Power" in Contemporary Social Theory. Part II
- 15 TITARENKO L.G. Russian Sociology in Search of Responses for Theoretical Challenges

METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL STUDIES

- 26 MYAGKOV A.Yu. How to Get Truthful Answers in Sensitive Research (On the methodological potential of the nominative technique)
- 37 YASHINA M.N., ZHARIKOVA A.V. Communication with Teenagers in Interviews on Sensitive Topics
- 47 PASOVETS Yu.M. Dichotomy and Two-Component Polyotomy in Contemporary Sociology

ETHNOSOCIOLOGY

- 59 FARUKSHIN M.Kh. Functional Features of Languages in Ethnofederations: a Comparative Analysis
- 70 BARSUKOVA S.Yu. Attitude of Students from Central Asia (Studying in Moscow) to the Traditional Wedding

SOCIOLOGY OF YOUTH

- 82 USTYZHANIN V.V., ZINKINA J.V., KOROTAYEV A.V. Dangerous Youth: why Do Political Uprisings Take an Unarmed Form?
- 97 REUTOV E.V., REUTOVA M.N., SHAVYRINA I.V. Life Goals of Youth and Ways to Achieve Them (a survey in the South-Western and Southern regions of Russia)
- 108 SIMONYAN R.H. Specifics of Students' Consciousness in the Borderlands of Russia and Ukraine (Case of Belgorod and Kharkiv Universities)

INTERVIEW

- 117 DEMIDENKO S.Yu., ROMANOVSKIY N.V. Sociology in Search for Identity (interview with N.V. Romanovskiy)

SOCIOLOGICAL JOURNALISM

- 133 BUZGALIN A.V. After the «End of History»: Conservative Neoliberalism and Refeodalization?

FIRST STEPS

- 145 CHIRKOVA A.V. A Typological Analysis of Young People Health Behavior: on Specifics of the Four-Component Model Realization

FACTS. COMMENTS. NOTES

- 154 AKIMOV A.M. About Some Social Characteristics of Chronic Stress of Shift Workers in the Arctic Conditions
- 160 FROLOVA E.V., ROGACH O.V. Social Well-Being of Russians in the Spring of 2022

REFLECTING ON A NEW BOOK

167 OBRAZTSOV I.V. War in the Subject Field of Modern Foreign Sociology

173 **BOOKS IN BRIEF**

175 **CONTENTS**

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)